

Российская Академия Наук
Институт философии

НАУКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва
2011

УДК 001.9
ББК 72.4
Н 34

Ответственный редактор

чл.-корр. РАН *И.Т. Касавин*
ученый секретарь – кандидат филос. наук *А.С. Игнатенко*

Рецензенты

д-р филос. наук *И.А. Герасимова*
д-р филос. наук *В.П. Филатов*

Н 34 **Наука** и социальные технологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФ РАН, 2011. – 203 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0200-3.

Сборник включает серию статей, каждая из которых встраивает понятие социальных технологий в свой собственный оригинальный контекст, задавая, таким образом, все новые определения социальных технологий (дискурс-технологии, мягкие и жесткие социальные технологии, технологии конструирования субъекта и т. д.). Несмотря на разнообразие точек зрения на данную проблему, авторы единогласно увязывают ее с темой управления и власти. Коммуникативная и медийная, языковая, научная среды предстают в результате как основа властных и управленческих процессов, а значительная часть современных общественных отношений – как взаимодействие и столкновение бесчисленных социальных технологий.

ISBN 978-5-9540-0200-3

© Коллектив авторов, 2011
© ИФ РАН, 2011

Введение

Об эмпирической базе исследования социальных технологий: типологические соображения

Перед читателем – первый результат коллективных исследований по проекту «Гуманитарное знание и социальные технологии». Авторы предлагаемой книги в основном исходят из *рабочей дефиниции социальных технологий (СТ)* как коммуникационно-деятельностной формы проявления социального субъекта на уровне организационной, управленческой и социально-проектировочной деятельности, в аспекте социального конструирования знания и реальности, основанного на социальных и гуманитарных науках.

СТ рассматривается как интегральное понятие человеческой активности, континуум которой задается полюсами: «формируемое-стихийное», «труд-рекреация», «профессиональное-дилетантское», т. е. охватывает и профессиональную *деятельность управления социальными процессами, группами и отдельными индивидами и стихийную активность дилетантов в рамках свободного времени.*

1. Субъект СТ: социальный институт – личность

Общество представляет собой совокупность естественных ассоциаций людей (классов, наций, конфессий, сословий), искусственных образований (социальных институтов) и множества отдельных личностей. При этом различие естественного и искусственного не имеет абсолютного характера. Церкви, секты, про-

фессии, кланы, сословия возникают и исчезают в ходе истории как стихийным, так и вполне целенаправленным образом. Однако применительно к СТ это различие имеет смысл, поскольку только в случае социальных институтов и отдельных личностей можно говорить о целенаправленной деятельности. Два существенно различных вида СТ образуют, поэтому, СТ в рамках социальных институтов (организационные технологии) и СТ как практика отдельной личности (креативные технологии). Если технологии менеджмента (в широком смысле) достаточно хорошо известны применительно к политическим, экономическим, научным, религиозным и культурным институтам, то квалификация «креативных технологий» как специфических СТ еще не вошла в научный оборот. Однако для этого есть немало оснований. Деятельность выдающихся писателей (масштаба Шекспира, Гете или Толстого), создающих канонические тексты, не только закладывает основы литературного языка, но и канализирует определенные общественные настроения, формирует мировоззрение и тем самым побуждает людей к определенной деятельности. Возможности отдельной личности продемонстрировал Эмиль Золя применительно к делу Дрейфуса; Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн в борьбе против атомной бомбы; Ральф Нейдер в защите прав американских потребителей против Дженерал Моторс и Майкрософт; Алексей Навальный в своих критических выступлениях против Транснефти, ВТБ и пр. Это люди, которых практикуемая ими СТ превратила из отдельных личностей в целый социальный институт.

2. Когнитивная база СТ: наука – вненаучное знание

Различие профессиональных, целенаправленных и стихийно формирующихся СТ весьма важно, хотя и не имеет абсолютного значения, поскольку и отличие социальной деятельности вообще от деятельности на основе СТ является исторически обусловленным. Выемка грунта с помощью кирки и лопаты еще в прошлом веке могла считаться технологией, но сегодня таковой является только использование специальных машин (экскаватора, бульдозера, траншеекопателя и пр.). Аналогично особенность современных СТ состоит в том, что они в основном развиваются на базе ис-

пользования методов и результатов социально-гуманитарных наук. Однако науки данного типа еще не достигли той степени зрелости, которая характеризует точные и естественные науки. Поэтому в формировании когнитивной базы СТ продолжается конкуренция научных и вненаучных типов знания (мифа, магии, религии, ценностного сознания, искусства, повседневного опыта). В некотором смысле СТ вытекают из самой природы человека: его психосоматики, языка, когнитивных способностей, знания, убеждения, привычек и традиций.

Сегодня нет ясности в том, может ли данная конкуренция науки и вненаучного знания вообще когда-либо разрешиться окончательной победой первой из них. Книгопечатание, возникнув свыше пяти столетий тому назад как синтез технического знания, естественных и гуманитарных наук, по-прежнему остается одной из мощнейших СТ. Сознвая это обстоятельство, В.И.Ульянов-Ленин все же недаром в свое время заявил, что важнейшим из всех искусств для большевиков является кино. Речь шла не об эстетических достоинствах кинематографа, а о его способности (до сих пор почти непревзойденной) влиять на массовое сознание. Формируемый с помощью СМИ образ политика («харизма») – типичный пример использования мифо-магических политтехнологий. Технологизацию (рационализацию) ценностного сознания представляется собой такой вид СТ как социогуманитарная экспертиза.

3. Характер воздействия СТ: применение методов – применение результатов

Современная профессиональная деятельность в рамках СТ связана с социальными науками: психотерапевтическая помощь, социологические опросы, судебный процесс, практики языкового перевода, консультирования, менеджмента. Однако в России главным заказчиком СТ является государство, чему есть определенные исторические причины.

Еще Платон провозгласил идеал общественного устройства как «правление мудрых» и описал, каким образом знание «философами» биологической и социальной природы человека могло бы лечь в основу рационального способа социального управле-

ния. «Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает», – утверждал Н.Макиавелли, имея в виду необходимую ученость советников. Во времена СССР строительство коммунизма декларировалось как практическое приложение марксистско-ленинской социальной науки – главной научной парадигмы. В современном государстве при подготовке и принятии политических решений, законодательных актов также широко используются результаты работы научно-исследовательских учреждений. В данном случае речь идет о том, что современная рациональная организация совместного социального действия должна с необходимостью учитывать знания, вырабатываемые социально-гуманитарными науками. Организационное действие по определению коммуникативно, поскольку призвано обеспечить соразмерность интересов, дискурсов и картин мира вовлеченных субъектов, если их общение имеет добровольную основу. Рациональность действия в данном случае выражает то, что оно не стихийно, базируется на знании и достижении баланса между проективностью и контекстуальностью. Способом использования знания в рамках СТ является коммуникативный дискурс, в котором участвуют специалисты-теоретики и специалисты-практики, а также представители широких групп населения, заинтересованных в результатах данных СТ.

К примеру, на разных стадиях развертывания электоральных СТ рабочая группа должна варьировать процент теоретиков, аналитиков, исследователей, с одной, стороны, и социальных проектировщиков, менеджеров, практиков, с другой. Вероятно, количество специалистов первого типа преобладает в начальном периоде организации выборов, снижается к моменту голосования и вновь возрастает на этапе подведения итогов, их анализа, разъяснения и легитимации. Соответственно, происходит дрейф от фундаментальных исследований при обосновании самой цели выборов к прикладным исследованиям при проектировании конкретной электоральной технологии и, далее, к практическим разработкам по мере приближения даты выборов, чтобы дискурс вновь приобрел черты научного анализа к моменту вступления в должность новых народных избранников.

Социально-гуманитарные науки могут осуществлять социально-технологическое воздействие на социум в целом и на отдельных индивидов также благодаря практикуемым ими методам исследования. Исследовательские интервью, анкетирование или методы фокус-группы служат не только получению социологического знания, но оказывают существенное воздействие на осознание респондентом социальной ситуации. Методы психотерапии не только позволяют исследовать особенности психопатологии личностных изменений, но и целенаправленно влиять на психическое состояние пациента. Этнографические исследования примитивных племен вносят существенные новации в способы мышления аборигенов, представляя собой «мягкую» технологию приобщения к цивилизации. Экспедиции фольклористов не только дают информацию о народной культуре, но и являются способом активизации народного творчества.

Факты и ситуации СТ

Вот некоторые примеры тех болевых точек, где использование СТ, с одной стороны, идет полным ходом, в с другой – нередко оставляет желать лучшего.

Государственный сектор (права человека и государственные институты): «Громкие дела» и роль в них СТ (дело Ходорковского, реформа милиции, кадастрофа в Японии).

Частный сектор (деятельность частных компаний, менеджмент): обсуждение банковских карт как средств платежа на высшем уровне (банковский бизнес, банковское право и СТ); инновационный бум (деятельность РОСНАНО, проект «Сколково», реформа РАН, Программа инновационной России).

СТ и современная СМИ-ФОЛОГИЯ «общества знания» (НБИК и их пропагандисты – М.В.Ковальчук, К.Г.Скрябин).

СТ как личностная реализация: Эмиль Золя, Ральф Нейдер и Алексей Навальный.

Нам представляется, что эмпирическую базу философского анализа СТ должны представлять результаты социологических, психологических, этнографических и лингвистических исследований видов взаимодействия социальных и индивидуальных субъек-

тов в контексте соответствующих социальных институтов и более широкого окружения. На этой основе будет создана возможность рассмотрения интегральных типов СТ. Перечислим примеры таковых. Это, во-первых, аналитические СТ, обеспечивающие понимание и оценку социальной реальности: «консультирование», «экспертиза». Во-вторых, речь может идти о гомеостатических СТ, поддерживающих социальную стабильность: «мониторинг», «менеджмент». И, наконец, третьими, хотя и не последними, являются генеративные СТ, порождающие новую социальную реальность: «обучение», «социальное проектирование», «социальное конструирование». Есть основания полагать, что введенные тем самым различия могут с достаточной полнотой задавать перечень релевантных фактов и ситуаций для эмпирического исследования СТ.

К системно-коммуникативной интерпретации языковых технологий*

Часть первая: язык и письменность

1. Вместо введения: социальные технологии как способы пространственно-временной оптимизации общения

В этой статье мы попробуем схематично реконструировать одну из важнейших социально-технологических коммуникативных трансформаций, а именно ключевые условия перехода от техник распространения коммуникативного смысла (шум, свет, звук, язык, письменность и печать) к социальным технологиям достижения коммуникативного успеха (коммуникативным медиа истины, власти, денег и т. д.). В качестве основного тезиса будет утверждаться, что условиями появления последних собственно и являются техники письменности и книгопечатания.

Для анализа социальных технологий, выяснения их предмета, функций, феноменологии и динамики, зададимся вопросом о природе техники как таковой. В самом общем смысле техника может концептуализироваться как программа осуществления социально-релевантных задач (т. е. логистика) путем специфической оптимизации деятельности и коммуникации по времени и пространству: как ресурс экономии времени на осмысление и рефлексии коммуникативного и деятельностного успеха. Техника – это способ обеспечить разгрузку в переработке очень сложного внешнего мира, фактически представляющей в формах игнорирования внешнего мира: так, автомобиль дает возможность игнорировать структуру пространства, делает дальнее ближним и позволяет существенно оптимизировать действия и коммуникации по времени.

* Работа выполнена при поддержке фонда РФФИ, № проекта 09-06-00023а.

В этом смысле социальные технологии по сути своей не отличаются от техники как таковой, за исключением того несущественного момента, что для функционирования техники в узком смысле (машин, механизмов), требуется некоторый внешний источник энергии, а также того, что эта механическая техника функционирует и без непосредственного обращения к человеческому сознанию и человеческой телесности.

В этом смысле, например, книга как феномен социальных техник книгопечатания дает возможность игнорировать структуру времени, прошлые концепты оказываются доступными в настоящем; письменность в целом делает возможным игнорировать препятствия, накладываемые особенностями физиологической памяти и т. д. и т. п.

Итак, мы определяем технику как неререфлективный способ переработки (принципиально непреодолимой) сложности внешнего мира, как средство его редукции или игнорирования, за счет чего высвобождаются избыточные коммуникативные ресурсы, направляемые на не связанный с техникой узко-специфический предмет. Техника книгопечатания, очевидно, не связана с излагаемыми в книгах предметами.

Ранее мы предлагали схему условий возможности деятельности¹ (культуры, социальной системы, личности, организма), из которой вытекает и соответствующая типология техники.

Речь, во-первых, может идти о культурной технике, включающей себя, как особого рода программы, нормы и ценности, латентные паттерны деятельности, моральные и эстетические стандарты восприятия, грамматику языка, ритуалы, магические практики гаданий и предсказаний. Сюда же следует включить и особые способы идентификации (с нациями, общностями и т. д.), позволяющей не рефлексивно координировать индивидуальные поведения с коллективными паттернами. Функция этой техники – континуализировать социальное время, сделать деятельность непрерывной, передать из прошлого в будущее латентные стандарты, например, грамматику, образцы ориентации, способы письменности, утвердившиеся пропозициональные установки.

Эти техники мы характеризуем как медиа распространения коммуникативно-релевантного смысла, или просто как медиа распространения коммуникации². Ключевую роль в этом обширном

списке, однако следует отнести техникам письменности и книгопечатанию, которые позволили на время решить социально-интегративные проблемы, вытекающие из (дез)организующих возможностей языка (прежде всего – из возможностей языкового отрицания, и как следствия – отклонения коммуникации). Однако и сами эти техники генерировали существенные дезинтеграционные тенденции.

Во-вторых, можно говорить и о технике в узко-социальном смысле: это ролевые стандарты и мотивы деятельности и коммуникации, социальные роли ученого, бизнесмена, политика. Техникой здесь выступают медиа коммуникативного успеха: деньги, истина, репутация, авторитет, собственность, прекрасное, вера, любовь – т. е. множество ролевых ориентиров и взаимных ролевых ожиданий, обеспечивающих соответствующие мотивации. Эти техники делают коммуникацию неслучайной, ориентируя ее посредством указанных мотиваций, возникающих словно автоматически в ответ на выбор того или иного спускового механизма (предложения денег запускают механику продаж и покупок, предложение истинного предложения – механизмы проверки). Функцией этой техники является решение той же самой проблемы социальной интеграции, которая теперь предстает в форме обособленного системообразования, коннекции специфических смыслов. Общественные конфликты и социальная дезорганизация исчезают в силу атономизации и обособления этих систем, поскольку социальные роли их участников (ученых, политиков, бизнесменов, художников и т. д.) практически не пересекаются, а с другой стороны, внутренние конфликты (научная полемика, экономическая конкуренция, соперничество в любви и т. д.) операционализируются как динамические факторы, не препятствующие, а ускоряющие системообразование.

Интеграция, о наличии которой можно говорить в современности, была поставлена под вопрос достижениями техники предыдущего уровня, прежде всего – появлением огромного массива информации, порожденной техникой книгопечатания, лишивших мораль и религию убеждающей силы, поскольку разные тексты (что вылилось в церковные схизмы, а затем и тридцатилетнюю войну) теперь получали одинаково-интенсивную моральную фундированность³.

На каждом из перечисленных уровней решается вопрос *разгрузки и высвобождения ресурсов*, а иначе деятельность не справилась бы с противостоящем ей сверхсложным внешним миром.

В данной статье мы сосредоточимся на технике первого уровня, технологиях распространения коммуникативного смысла. Мы в основном будем следовать и интерпретировать системно-коммуникативный подход к анализу техники распространения коммуникативного смысла, откуда мы заимствуем и большую часть литературных источников⁴.

2. Язык как техника социальной (дез)организации

Язык мы понимаем как технологию, призванную высвободить (автоматизировать) коммуникативные процессы, вывести их из-под ограничений, накладываемых процессами *взаимовосприятия*, ситуативно-определенного, а значит, чрезвычайно обременительного (по времени) обращения с вещами и людьми. Социализация (а в современности – и отношения полов, и фиксации интимных предпочтений) безусловно, возможны и на уровне простого восприятия: так, угрожающий жест вызывает ответный угрожающий жест, и как следствие – возникновение антиципаций, основанных на восприятии восприятия себя: «угроза вызовет ответную угрозу», поэтому лучше не осуществлять такой угрозы⁵.

Но *сигналы, посылаемые восприятию* (в нашем примере, – угрозы) не имеют *референций*, указаний на нечто иное. Восприятие (чужого, и как следствие – своего) восприятия остается замкнутым в рамках специфической ситуации и не имеет средств для обобщения таковых ситуаций через референцию к некоторому обобщающему смыслу. Восприятие (своего и чужого) восприятия не задействует знаки как своего рода переменные, «пробегающие» множество сходных, но различающихся ситуаций. *Повторение* (а значит, квази-техническая автоматизация) однажды случившихся успешных реакций на этом уровне не обеспечивается.

В противовес взаимовосприятию посредством сигналов оперирующий знаками язык обеспечивает первую и фундаментальную (социально-техническую) функцию: функцию обеспечения *повторной* распознаваемости знаков или слов, обеспечивающих приспособленность к меняющимся ситуациям (и как следствие свободу от них, игнорирование их конкретного своеобразия).

3. От пространственной интеграции к временному порядку

Именно с этим связана техническая функция знака, которую мы обозначили как игнорирования внешне мировых структур⁶. Знак (дистинкция выражения и смысла, означающего и означаемого) выступает многократно воспроизводимой структурой или операцией, дефинитивно не нуждающейся в контакте с внешним миром. Эта структура может воспроизводиться повторно только потому, что она не зависит от восприятия реалий внешнего мира. О вещи думают и говорят в отсутствие вещи. Знаки репрезентируют смыслы, а вовсе не конкретные материальные предметы или факты. Фактическое наполнение ситуаций свободно варьируется, в то время как связь знака и его смысла, означаемого и означающего в смысле Соссюра, вопреки их полной противоположности остается фиксированной. Стабилизация этой структуры делает возможным некоторую систему – через *игнорирование* текучего характера ситуаций, к которым и в которых это отношение реализуется. Именно через процесс такого игнорирования тотальности окружающего пространства возникает мир, к которому можно обращаться *и во времени*: т. е. *после* значительных перерывов, и *перед* тем, как этот мир получил фактическую реализацию, т. е. – самое удивительное – в его отсутствие в окружающем пространстве.

Благодаря тому, что означающее указывает на означаемое, язык получает свободу от конкретных и ситуативных восприятий, которые – в виду особенности восприятия – всегда остаются полностью определенными: визуальная картина такова, какова она есть и дана *одновременно* во всей своей полноте; ощущение красного может быть только красным. Восприятие указывает на себя и исключительно в момент восприятия, причем не может быть ошибочным, но неизменно равно самому себе. Напротив, языковые выражения, выходят за пределы моментальной и актуальной ситуации восприятия и указывают на свои смыслы и другие выражения безотносительно к тому, что происходит и ощущается в данный момент. Система языковой коммуникации способна замыкаться благодаря оптимизации времени (игнорирования текущего момента) и следовательно сосредотачиваться и реагировать не на все вокруг, а на ограниченные предметы интереса, преимущественно же на том, о чем *уже* в той или иной форме говорилось ранее и на том, что *еще* только будет обсуждаться.

Собственно организация общества (=коммуникации, общения) возможно только благодаря этой функции языка – автономизации языковых выражений, более не привязанных к реально и фактически переживаемому и воспринимаемому событию, некоторому «срезу одновременности» в котором обозревалось некоторое пространственно-интегрированное сообщество и который являлся некоторым «доязыковым» средством социального контроля. (Скажем, кошка с собакой неконфликтно сосуществуют благодаря факту *изначального взаимного восприятия пространственного бытия рядом*, каковое собственно и выступает мощнейшим средством взаимного контроля.)

Вышеуказанные технические функции знака и языка высвободили временные ресурсы для обращения к собственно проблемам самого общения, причем как раз за счет обеднения конкретности восприятия. Но эти же функции редукции сложности внешнего мира, прежде всего, многообразия раздражителей, привнесли с собой и фундаментальную проблему, выраженную в аккумуляции новой сложности. Ведь всякое высказывание способно соотносить себя с практически *бесчисленным числом* других потенциальных выражений, и в этом смысле является избыточным, невероятным и чрезвычайно опасным для социального порядка и контроля. Как и всякая техника, язык должен был решить проблемы контроля собственной сложности и самопорожденного риска.

В отличие от преимущественно пространственной интеграции средствами *визуального* восприятия, язык задействует *акустические* ресурсы, предполагающие временную организацию коммуникативных вкладов: люди видят всех и сразу, а говорить и слушать приходится по очереди. Именно последовательный порядок высказываний делает возможным большую свободу, нефиксированность того, что будет сказано дальше. Создается некоторый вторичный мир проговоренного, определяемый временем и допускающий ошибки, который словно накладывается на не допускающий ошибок пространственный мир визуально-воспринятого и проблематизирующий этим всякий консенсус.

4. Дезорганизационная дисфункция языка и новые техники ее преодоления

Однако способность языка связывать знаки с ситуациями (и освобождать себя от их конкретности) актуализируется только через – свободно составляемые – предложения⁷. Лишь такая свобода связывать знаки собственно и является условием свободного поведения и реакций на мимолетные данности среды. Но именно предложение и допускает собственное отрицание (ведь отрицание элементарного знака лишь добавляет новый смысл) и как следствие – отклонение некоторого коммуникативно-предложенного смысла.

Техническая функция языка, состоящая в обобщении и игнорировании конкретности внешнего мира восприятия, дополнялась тем самым новой технической функцией, – а именно функцией разгрузки. Знаковая функция слов языка, понимаемых в качестве «естественных переменных», освобождает нас от контекста генерации знания. Нет никакой необходимости вспоминать о том, как появилось слово, кто его придумал, и в каких еще контекстах оно употреблялось ранее. Благодаря этой функции коммуникация только и может концентрироваться на какой-то конкретной коннотации или значении слова, концентрироваться на данном моменте, абстрагируясь от его обремененности прошлым, которое как-то приходится держать в уме.

Эта функция представляет собой общее условие социальной памяти, поскольку запоминание чего-либо и его коммуникативная тематизация возможно лишь через такое забвение всех иных контекстуальных определений. Но эта – лишь орально обеспечиваемая – функция памяти (= забвения) не позволяла возвращаться к тому, что в данной коммуникации было забыто, а следовательно, делала коммуникацию чрезвычайно нестабильной. Не было возможностей «отложить» некоторую тему на потом, «забыть на время», чтобы впоследствии, когда возникнет необходимость или возможность, к этому вернуться⁸. Коммуникация руководствовалась исключительно современной современностью, гарантируемой незначительными, психически определяемыми памятьми небольшого коллектива⁹, и не могла осовременивать прошлое, задействовать некоторые гарантии ее стабильного протекания – тексты, законы, записанные правила поведения, письменные мироописания.

Для устойчивого течения коммуникации (неслучайных подсоединений одних коммуникации к другим) требовалась техника стабилизации коммуникации¹⁰, письменно фиксируемые ориентиры общения, компенсирующие данную в языке возможность сказать «нет» любому предложенному смыслу.

Чтобы придать языку и коммуникации стабильность, требовались средства представления языка – как чего-то целостного – в каком-то новом медиуме, а в конечном счете в самом языке. Требовались средства выражения языка как некоторой целостности, некоторого внутренне связанного и устойчиво воспроизводимого множества элементов, а не его моментально актуализировавшихся и сразу отзвучавших форм (предложений). Чтобы язык стабилизировался (с помощью фиксированных правил соединения слов, представляемых некоторым обозримым списком) требовалось отличить слова от вещей, а не привязывать (и тем более не уподоблять) слова к вещам. Собственно только так можно было считать реальность реальностью – отличной от реальности слов. Устный язык не обеспечивал такого различения вещей и слов, а следовательно, с одной стороны, реальность вещей не могла концептуализироваться как гарантированно-стабильно существующая и независимая от языка, а с другой – и сам язык не мог пониматься как реальность семиотическая – как реальность стабилизированная воспроизводством повторяющихся и фиксированных связок *означающее/означаемое*.

5. Предложение как техника коннекции и медиум социального порядка

Возможность концентрироваться на ситуациях посредством предложений (что как бы «сняло» данную в словах способность игнорировать внешний мир) создавала и иную возможность сцеплять предложения с предложениями, осетевлять общение. Ведь способностью подсоединяться друг к другу *во времени* обладают исключительно предложения, связанные же в предложения отдельные слова могут пониматься как одновременные друг другу, как актуализирующиеся в рамках единого события предложения. Связанные предложения могут актуализироваться в разные времена. Их можно предвосхищать, их можно вспоминать как однажды про-

звучавшие (осуществить подобное с лишь однажды прозвучавшим и не интегрированным словом не так просто, ведь слова по сути своей переменные и следовательно – не привязаны к контексту и не могут превосхищаться и вспоминаться в качестве некоторого фиксированного смысла). Именно такая способность предложений к подсоединению в следующее мгновение, определяющая возможность их отклонения, опровержение и подтверждение, несла с собой фундаментальную проблему для социального порядка.

Итак, техника предложения, безусловно, делала возможным гарантировать тот или иной смысл путем указания на подтверждающую предложение ситуацию – «идет дождь», поскольку идет дождь (при том, что невозможно указать на ситуацию, которая бы подтвердила или опровергла слово). В этом смысле предложение делало возможным описание социальной жизни, становилось техникой, обеспечивающей интеграцию коллектива – путем создания устойчивых связей предложений: мифологических историй, ритуалов, и всего того, что можно назвать нарративной технологией. Однако такие нарративы препятствовали социальной динамике, ведь именно слова как некоторые элементарные единства путем незначительных семантических неологических трансформаций (в особенности – отрицаний) обеспечивали инновативный потенциал (поскольку отрицанием слова мы лишь умножаем семантику и создаем новые слова и смыслы – чему немало примеров, а парадным примером может служить слово *а-летейа*).

6. Вербальная бинаризация – радикальный выход коммуникации за пределы современности и за пределы самого языка

Уже слово как базовая лексическая единица делает возможным выход за пределы конкретности восприятия внешнего мира. Уже слово делает возможным наблюдение, предполагающее не только *обозначение* (воспринимаемого), но и *различение* (уже более не сводимое к реалиям восприятия).

Однако радикальное игнорирование внешне мировых реалий делает возможным лишь предложение. Никлас Луман называет соответствующую технику *бинарным кодированием языка*, имея в виду (создаваемые отрицанием того или иного предложения) позитивные и негативные редакции всего того, что можно произнести.

Если слово создает возможности референции, т. е. наблюдения, понимаемого как одновременно осуществляемое обозначение и (через) различие, то теперь при помощи предложения и его отрицания, эти обозначения и различия можно принимать и отрицать, что в два раза умножает исходные идентичности и соответственно сложность внешнего мира. Это достижение окончательно выводит коммуникацию за пределы ограничений, накладываемых данными восприятия – всего того, на что можно остенсивно указать. Уже здесь возникают возможности ошибки, и как следствия проверки – базовых условий квалификации знания как истинного (и ложного).

Техника отрицания несомненно привносила значимые риски в коммуникативный процесс, в примитивных обществах основанный на всеобщем согласии, для которого всякое отклонение и разочарование в устойчивых смыслах, все новое и неожиданное оказывалось разрушительным. Поэтому привносимые предложением возможности отрицания должны были задействовать некоторые компенсирующие такого рода риск механизмы «нормализации отрицания». Возможности внедрения процедур отклонения обеспечивались тем, что отрицанию подвергалось именно *новое*, а не базовые основания коммуникации (родовая структура, мифы и т. д.). И при всем этом все новое и необычное благодаря отрицанию как раз и получало статус сохраненного и нормализованного¹¹.

Функция бинаризации предложения состоит в привнесении в коммуникации динамических свойств, временных характеристик – ведь то, что отрицается, с одной стороны, может быть запомнено (идентифицироваться как нечто прошлое). С другой стороны, по поводу отрицания приходится – после некоторых колебаний – выносить решение. Так в коммуникации возникает дивергенция *забытого/запомненного* (или прошлого) и того, по отношению к чему следует принять решение (будущее). Таковое различие собственно и называется временем.

Итак, коммуникация, приобретающая динамику благодаря свойствам предложения, теряет стабильность и становится рискованной. Именно эти опасности должны были преодолеваться новыми технологиями, а именно – стабилизационными свойствами письменной речи.

7. Письменность: мнемотехника или технология коммуникации?

В общении орально коммуницирующих сообществ ключевая роль принадлежала факту самого сообщения (означающему). Смысл сообщения заключался в поддержании общения, а новое, неизвестное и неожиданное (информативная составляющая сообщения) минимизировалось¹².

Эта технология табуирования конкретного содержания доказала как свою успешность¹³, так и эволюционную ограниченность, ведь она не позволяла рождаться длинным цепочкам высказываний, ориентированных предметно, а не социально. Эта ограниченность обсуждения и общения конкретным временем устной беседы препятствовала появлению собственной динамики общения, времени обсуждения, определяемого его *предметом* с собственным прошлым и будущим, которые бы и определялись возможностями сравнения его прошлых и будущих состояний.

Требовался механизм разведения социально обусловленного времени обсуждения (фактически представавшим, пусть и латентным, самообсуждением некоторого сообщества) и предметно обусловленного времени, необходимого для более или менее обстоятельного обсуждения (впоследствии, описания) данного предмета. Предмет должен был допускать независимые высказывания о нем, которые могли бы сравниваться некоторым наблюдателем на предмет их адекватности предмету и согласованности или противоположности друг с другом. Требовался медиум (технология) наблюдения над мнениями наблюдателей, в качестве каковой и выступила письменная фиксация сообщений.

В разное время на осуществление этих функций вывода обсуждения за пределы устной беседы фактически присутствующих лиц претендовали разные медиа (мифы и ритуалы, магические практики и практики предсказания и гадания, ритуалы посещения сакральных мест, религия и мораль). Однако все они, ориентируясь на тайну¹⁴ и запрещая тематизацию своего фундамента (оснований мистерий, природы божества, оснований морали и т. д.), не могли обеспечить требующуюся передачу ключевой роли в коммуникации от полюса – интегрирующего сообщество – *сообщения* к полюсу – допускающего полемику и конфликт – *информации* и наблюдения второго порядка.

Такой *технологией десоциализации общения* стала письменность. Подобно медиуму языка¹⁵ и являясь формой этого медиума, письменность, в свою очередь, выступает технологией решений двух несогласующихся друг с другом функций: мнемотехнических записей и писем друг другу. Рожденная для регистрации¹⁶ хозяйственных и (внешне) политических событий и процессов¹⁷, письменность превратилась в самостоятельный медиум коммуникации – технологию распространения коммуникации, радикально трансформировавшую весь коммуникативный процесс¹⁸.

8. Устное общение: специфика и условия

Устная коммуникация ориентирована на *конкретный пространственно-временной и личностный контекст*, на те ожидания, которые связываются с присутствующими (известными) лицами и известным пространством. Высказывание «завтра я собираюсь на охоту в лес, ты со мной?» не будет отклонено лишь в том случае, если известен не представленный в самом предложении контекст: известна личность и качества охотника, время охоты и наличие самих охотничьих угодий, и именно этот контекст определяет понимание и мотивирует акцептацию предложенного смысла. Именно этот контекст (известность того, *кто* предлагает, того, *когда* наступит «завтра», «где» и «с кем» осуществляется деятельность») конкретного пространства, времени и свойств личности определяет коннекции устных сообщений¹⁹.

Этот способ выстраивания коммуникативных систем, очевидно, контрастирует с письменным: ведь письменности самой надлежит определять свой контекст. Теперь индивиды свободны от того, чтобы своим личным присутствием и особенностями своей личности определять понимание предложенного для коммуникации смысла и возможность обращаться к этому смыслу в различающихся ситуациях. Производство собственного контекста является первым условием появления автономных коммуникаций, выходящих за пределы конкретного пространства и времени, ориентированные на некоторое прошлое и будущее, на автономную динамику информативного обсуждения предмета²⁰.

9. Дистинкция *близкое/далекое* как количественное условие коннекции устных коммуникаций

Эта определенность конкретным пространством-временем выражается в представлениях и структурах соседства, которые и определяли полезность и опасность тех или иных интеракций. Важность общения уменьшается, а риск увеличивается прямо пропорционально дистанции между коммуницирующими лицами. Родовые структуры как раз и отличались тем, что религия, ценности и мораль, и вообще *philia* не распространяются на отдаленные сообщества. Пространственным регулятором коммуникационного системообразования выступают различия *близкое/далекое*²¹, *знакомое/незнакомое*. Базирующееся на ресурсах индивидуальной психики различие *запомненное/забытое* выступает таким ориентиром и ограничителем применительно ко времени²². Прошлое для родового общества простирается на три поколения назад, будущее предстает тем, в отношении чего еще можно оказать воздействие. Предположительно будущее ограничено периодом плодоношения посаженных культур и временем сохранения жилищ и иных построек.

10. Технологии сакрализации как решение проблемы коннекции устных коммуникаций

Помимо различия *близкое/далекое*, количественно определяющего важность общения с отдаленными индивидами и служащего условием коннекции коммуникаций, устно коммуницирующие сообщества проводят и качественно определенную границу своих коммуникативных систем. Этому служат, прежде всего, ранние формы религии и соответствующие им табу, экстазы, состояния транса и мистерии. Для того, чтобы очертить рамки системы коммуникаций, сообщество словно отправляет шаманов в «запредельные» миры. Именно состояние экстаза должно продемонстрировать специфику «запредельного» характера коммуникации, недвусмысленно указывающего на то, что «за пределами» – страшно и ужасно, и следовательно, общение в «обжитой середине» следует признавать в качестве приятного и надежного. То, что чувствует шаман во время транса, невозможно передать обычной речью и об этом следует молчать. Эта функция тайны и коммуникативного

запрета на большую часть возможных содержаний коммуникаций, как показывают этнографические исследования, выступало условием локально определяемой солидарности²³.

Незначительных ресурсов устного языка достаточно лишь для сакрализации, т. е. остановки вопрошания о запредельном. Лишь письменный язык делает возможным само различение того, что *есть* и того, что *за этим кроется*, поскольку лишь письменная фиксация делает возможным наглядное представление самого языка в языке, а следовательно – делает возможным осуществлять такое базовое различение как различение слов и вещей, а впоследствии и благодаря этому – и так называемых сущностей и явлений. Но такая возможность выражения языка в языке посредством письма поставило фундаментальную проблему взаимоперевода устной и письменной речи.

11. Проблема взаимоперевода устной и письменной речи

Письменность обогащает мир новыми реалиями, аспектами и качествами, которые теперь, однажды появившись в устной речи, уже не исчезают вместе с их изобретателем. Возникает совершенно иной мир записанных обозначений, дефинитивно более богатый в соотношении с тем, какие возможности обозначения может позволить индивидуальная память. Как же обеспечить взаимоперевод²⁴ количественно и качественно несоизмеримых множеств смыслов и их обозначений?

Несмотря на содержательное обогащение письменной речи, в письменности утрачиваются существенные черты оральной коммуникации. В письменность не входит означенная выше специфичность живого общения, нацеленного, прежде всего, на *сообщение* и индуцируемую им общность, на то, что связывает попеременно слушающих и говорящих. Этот *общностно-интегративный* (не информационный) смысл устной коммуникации оказывается безвозвратно утерян и не воспроизводится в письменной речи. Утерянным в письме оказывается и фундаментальная временная характеристика устной речи – *одновременность* говорения и слушания, что приводит к началу распада единства коммуникации как одновременно данного единства сообщения, информации и понимания. Особый временной порядок устной речи теряет свою интегративную функцию²⁵,

на смену которому приходят совершенно новые формы общения и интеграции, а именно – особые операции наблюдения «письмо» и «чтение», парадоксальным образом *выведенные за рамки общения*.

Возможности перевода с устного на письменный ограничены существенными трудностями установления эквивалентности оптических и акустических технологий презентации смысла. Дело, на первый взгляд, предстает так, как будто звуковые единицы, фонемы, воспроизводятся в виде единиц оптических, букв. Однако очевидно, что в устном языке до появления фонетического письма просто не существовало элементарных фонем, поскольку непонятно, какие технологии (до появления фонетического алфавита) были способны их презентировать и какую функцию они играли бы в общении. Возможно они существовали в виде нерефлексивных кварко-образных структур, не существующих обособленно. Впрочем, и фонетическое письмо не решает, как показывает пример ниже, проблему экспликации «чистых» или «элементарных» звуков.

Фактически оптические единицы лишь весьма произвольно связаны с акустическими. Фонетическое письмо не фиксирует своими элементами некие «чистые», «обособленные», «элементарные» звуки, но лишь указывает на звуковые различия. Если вводится весьма искусственная буква «Щ» (не есть ли она сочетание «Ш» и «Ч», а само «Ч» не есть ли сочетание «Т» и «Ш»?), то ее оптическое представление есть наново сконструированная сумма различий (*согласные/гласные, шипящие/не шипящие, мягкие/твердые*).

Уже на этом элементарном уровне отношение акустических и оптических технологий обозначения не является однозначной взаимопрезентацией. Письменное обозначение фиксирует не просто звук, и не просто смысл, а их различность и одновременно – единство. Сам денотат письменного выражения становится – немислимой в рамках устного общения – проблемой, требующей определиться с тем, обозначается ли нечто как означающее (звук, сообщение) или же как означаемое (смысл, информация). В этом смысле только в письменной речи возникает проблематизация *номинация*, т. е. вопрос о том, адекватны ли друг другу само выражение (сообщение) и его смысл (информация).

Итак, лишь благодаря письменности смысл получает независимость от слова, а слова теперь жестко отличаются от вещей, ведь смысл отныне не привязан жестко ни к тому, ни к другому, а может

менять техники своего представления – словно осцеллировать от акустических к оптическим презентациям. Письменность маркирует и реифицирует (в виде написанного, а значит – предметного) различие смысла и слова, но вместе с этим утрачивается возможность непосредственного воздействия слова на вещи²⁶, возникает дистанция между миром и его вербальным представлением, но главное – теперь уже сам язык допускает свою интерпретацию в виде реифицированных данностей. Теперь благодаря двум новым операциям общения (письма и чтения) с помощью вещей (технологий письма, изготовления бумаги и средств письма) можно опосредованно влиять на слова, а при помощи технологии чтения слова и смыслы словно без вмешательства предметных медиа практически непосредственно воздействуют и определяют друг друга.

Благодаря указанным достижениям возникают радикально иные технологии, которые уже с полным правом можно называть социальными. Собственно все современное общество, в его отличии от традиционного, дописьменного общества оральных культур, определяется этой технологией и собственно представляет разного рода ее модификации (печать, электронные медиа). Эта технология может быть обозначена как телекоммуникация, транспортровка знаков вместо вещей.

12. Письменность как технология телекоммуникации

Письмо выводит общение за пределы конкретного пространства-времени и особенностей (и давления) социального окружения. Выводимая из письменного сообщения информация теряет связь с локальными ситуативными детерминантами. Становится возможной презентация в коммуникации того, что отсутствует в данном пространстве и времени, презентация чуждых образцов поведения, толерантное отношение к Другому, и операционализация ресурсов, которые привносит Другой²⁷.

Коммуникативная операция нового типа «чтение» придает семантике «участия» совсем иной смысл. Теперь «участие» – это не личная деятельная ангажированность, а «участие» к судьбе и в судьбе литературного героя, и это участие возможно лишь до тех пор, пока герой предлагает новые и неожиданные формы поведения и речи. В противном случае читатель теряет к нему всякий

интерес. Появление сложных письменных текстов должно предложить достаточную мотивацию для преодоления естественных (и даже чрезмерных) трудностей его прочтения. Само по себе представляется в высшей степени невероятным, чтобы человек затратил столько усилий и драгоценного времени на осуществление сочетаний и воспроизводство мириад букв и слов. Такой мотивацией собственно и служит теперь «информация», получающая доминирующее значение в ее отношении к «сообщению», собственный смысл которого прежде состоял, главным образом, в демонстрации участия и готовности осуществлять солидарное поведение.

Собственно, письменность, и это составляет главный тезис системно-коммуникативной интерпретации последней, превращает прежнюю аксиому коммуникации: «главное не успех, главное – участие». В письменном обществе коммуникативный именно успех становится основной проблемой, и для его достижения единственно возможным средством становится поиск, а лучше производство нового и неожиданного знания, и научения из разочарования в знании предшествующем.

Огромные массивы телекоммуникационно-презентированного нового, более не ограничиваемого естественным пространственно-временным и коллективно-личностным контекстом общения и конкретностью ситуации, делают коммуникацию в высшей степени селективной, а достижения коммуникативного успеха в высшей степени проблематичным. Как и всякая техника, решая одну задачу, письменность создает новые проблемы, требующие привлечения новых технологий (прежде всего, технологий обеспечения коммуникативного успеха – властных, монетарных, интимных и иных типов мотивации коммуникации).

13. Письменность меняет смысловые значения коммуникации в социальном, временном и предметном измерении, что драматически расширяет возможности коннекции

Итак, письменность ведет к забвению и нейтрализации контекста – как контекста создания письменно фиксированных смыслов, так и контекста, в котором осуществляется чтение. Поскольку текст требует сосредоточения на себе самом, должен обеспечить мотивацию и пробудить интерес к собственному содержанию, предмету

описания, у участников письменной коммуникации не остается времени и интереса к конкретным мотивам порождения текста²⁸. Даже несмотря на наличие авторства, текст дефинитивно безличен²⁹, в том смысле, что обнаружение другого (подлинного) авторства ничего не привнесло бы в те способы, каким текст вовлекает и связывает читателя. Очевидно связанные между собой *безличность* текста и отсутствие интереса к мотивам его производства (*прошлым* условиям, генеративный контекст) указывает на в свою очередь связанные трансформации в социальном и временном измерениях коммуникации. Равным образом можно говорить и о сопряжении изменений во временном и предметном измерениях. О некотором, в себе (т. е. с точки зрения формы выражения или сообщения) *идентичном*³⁰ тексте можно формировать *различные* мнения, а, следовательно – приходится сдерживать *немедленные реакции*. Письменность, по самой своей природе, делает возможным *откладывание* – свободное от давления со стороны непосредственных участников коммуникации – понимания на потом, понимания, которое может осуществляться когда-то и где-то в другом месте кем-то другим.

Таковые изменения в личностном и пространственно-временном характере общения провоцируют изменения и в измерении предметном. Мультипликационная природа письма необъятно расширяет число возможных прочтений. Чтобы сохранить понятность, и главное информативность (новизну и неожиданность) предлагаемого содержания для самых разных контекстов прочтений (определяемых принадлежностью к различным социальным стратам, полученным образованием, профессиональной, конфессиональной принадлежностью, половозрастными характеристиками и психологическими предпочтениями) объем информации каждого письменного сообщения приходится минимизировать, убирая все предположительно известное, но компенсировать это сжатие беспрестанными предложениями новой информации. Эту задачу «подпитывания новизной» берут на себя специализирующиеся на этом системы коммуникаций, а именно – массмедиа.

Таким образом, в использовании письменности общество *отказывается от временной и интеракционной гарантии единства коммуникативной операции*. Единство общения (смысл как возможности подсоединения) уже не определяется конкретным пространством-временем и принуждением говорить приятные вещи.

Письменные сообщения должны все еще оставаться понятными и интересными при непредсказуемых условиях чтения (пространственно-временных и личностных контекстах и ситуациях), а реакции фактически отсутствующих читателей уже невозможно контролировать нормами и правилами личных отношений (личного участия, требующего прочитать для приличия, из вежливости или чтобы не обидеть). Отсутствие ситуационного контроля над читателем, активность которого выходит за пределы пространства-времени и личности автора, делает возможности коннекции (новых письменных реакций на прочитанный текст) поистине безбрежным, причем у автора отсутствует всякая возможность определять даже минимальную адекватность предлагаемых интерпретаций и комментариев заложенному авторскому смыслу. Хаос возможных коннекций письменно предлагаемых коммуникативных смыслов требовал новых способов редукции, восстановления утрачиваемого социального порядка, новых ограничителей для массивов возможных подсоединений.

**Вместо заключения:
выход письменной коммуникации за пределы современности
через «откладывание» понимания**

Основным следствием появления фонетического письма явилось преодоление пространственно-временной и лично-коллективной структуры традиционного общества, основанного на одновременности и фактической неразличимости сообщения, информации и понимания, и вытекающего из этого словно автоматического взаимоконтроля пространственно объединенных участников сообщества. Это касается даже и обращенных в прошлое нарративов³¹. Успех коммуникации определялся указанными контекстами и обеспечивался автоматически. Технологии письма и проблематизация успеха, вытекающие из этих технологий, меняют требования к посылаемому сообщению. Успех сообщения зависит отныне от его настроенности на пространственно-временные и личностные дистанции, на неизвестные интерес и мотивы будущих и далеких читателей. Этот слом древних технологий, гарантирующих социальный порядок, переориентировал коммуникацию с полюса сообщения (участия) на полюс информации о ранее неизвестном.

Мир, многократно обогащенный и мультиплицированный письменностью, словно выходит в своих пространственно-временных структурах за пределы локальных коммуникаций, обеспечиваемых ею возможностей предметно обсуждать реалии внешней среды. Мир (как бытие, как природа, теперь наблюдаемый сколько-нибудь адекватно лишь всеприсутствующим богом-наблюдателем) больше не укладывается в сообщении. И именно поэтому этот мир – необъятно расширившийся в своих письменных презентациях – допускает неожиданности и удивительные вещи (т. е. информацию). Поскольку он в этом смысле перестает быть «одновременным»³² коммуникации, то, следовательно, сама коммуникация должна «растягиваться», чтобы в предлагаемых ею информациях хоть как-то соответствовать обсуждаемому в ней сверхсложному миру. Этому растягиванию коммуникации служило вынесение ее завершающей стадии, *понимания*, в некоторое отдаленное, до конца не определенное время – будущее. Коммуникация теряет свое единство, теряет свою определенность с точки зрения участвующих лиц (читателя и писателя), времени и пространства этой коммуникации. Единственная определенность сохраняется отныне лишь в ее предмете, в той информации, которую выражает письменное сообщение, а лица и времена теряют всякое значение.

Предметная определенность письменной коммуникации обеспечивалась укоренившейся и стабилизовавшей ее формой – текстом. Технология оттекстовывания, правила их составления, типические формы, требования к компоновке и т. д. восстанавливало порядок, поколебленный письменностью как таковой, выступило технологическим контролем письменной техники. Текст явился формой письменного медиума, как когда-то письменность выступила формой для медиума языка, в свою очередь явившегося формой для медиума восприятия³³. Эта кажущаяся стабильность являлась паллиативным решением: единство и устойчивость текстов также растворилась в массивах накладываемых на них форм – возможных интерпретаций, а с появлением электронной телекоммуникации и единство предмета коммуникативного обсуждения сходит на нет. Кто знает, что сегодня обсуждалось в Фейсбуке? Вопрос о том, какие новые технологии могут быть предложены и предлагаются для восстановления утрачиваемого единства коммуникации и смогут претендовать на статус новых технологических гарантий социального порядка, требует отдельного обсуждения.

Примечания

- ¹ Антоновский А.Ю. О технике как культуре, технологической манипуляции и технологической нормативности // *Онтология артефактов* / Под ред. О.Столяровой. М., 2011.
- ² Базовая теория распространения коммуникативного смысла, на которую я опираюсь в этой статье, представлена в книге: *Луман Н. Медиа коммуникации*. М., 2005.
- ³ Здесь мы специально не рассматриваем третий и четвертый уровни. Речь идет об уровне сознания, где техникой в нашем понимании выступает габитус в смысле Бурдьё. Мы, чаще всего, не размышляем в процессе целепостановок и целереализаций, согласуя средства с поставленными целями. Сознание, как правило, реализует цели, словно алгоритмически. Если функция культурной техники состоит в *континуализации* времени, трансляции из прошлого в будущее латентных стандартов и программ поведения, то функцией техник сознания, напротив, выступает задача *дискретизации* времени, фиксации состояния завершенности действий через переживание удовлетворенности от сделанного. Речь идет о технике обеспечения ритма деятельности: требуется фиксация того, что сделано для перехода к следующему этапу. М.Вебер в теории идеальных типов разработал эту технику целепостановок. На четвертом уровне речь идет о рецептивных, моторных, хватательных функциях организма, но также и о нерелексированных знаниях: о том, как правильно танцевать, и как чистить рыбу, как потреблять пищу и как заниматься любовью. Здесь речь идет о технике организмического уровня с функцией адаптации и переработки природы. Это единственный уровень, где деятельность сталкивается с природой, на всех остальных уровнях она существует *для себя*.
- ⁴ Базовая концепция предложена Н.Луманом в книге «*Медиа коммуникации*» (М., 2005).
- ⁵ О технологиях социализации и иерархизации через взаимовосприятие и восприятие (вещей) см.: *George H. Mead, Mind, Self & Society From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, 1934; *Rosen R. Anticipatory Systems: Philosophical, Mathematical and Methodological Formulations*. Oxford, 1985; *Thierry B. Emergence of Social Organizations in Non-Human Primates // Revue internationale de systemique*. 8 (1994). P. 65–77. А также: *Емелин В.А. Самоидентификация как познание // Эпистемология и философия науки*. 2011. № 1. С. 175–176.
- ⁶ О знаках как технологии игнорирования (произвольного поведения) в отношении (восприятия) внешнего мира и критику этого подхода см.: *Jacobson R. Zeichen und System der Sprache* (1962); *Jacobson R. Semiotik: Ausgewahlte Texte 1919–1982*. Frankfurt, 1988. S. 427–436; *Boulding K. Ecodynamics: A New Theory of Societal Evolution*. Beverly Hills Cal., 1978.
- ⁷ О переходе от техник различения звук/смысл, лежащих в основании от дифференциации слов, к более глубокой дифференциации языка на слова и предложения, и далее – к дифференциации предложений см.: *Pask G. The Meaning of Cybernetics in the Behavioural Sciences // John Rose (ed.). Progress in Cybernetics*. L., 1970. Vol. I. P. 15–44.

- ⁸ О технологиях откладывания (седиментации знания) см.: *Schütz A., Luckmann T.* 1988. *Strukturen der Lebenswelt. Bd. 1. 3. Aufl. Frankfurt a/M.: Suhrkamp.* Klaus Krippendorff, *Some Principles of Information Storage and Retrieval in Society // General Systems.* 20 (1975). P. 15–35.
- ⁹ О технологиях коллективной памяти и ее ограниченности ресурсами психики в оральных культурах см.: *Rosalind T.* *Oral Tradition and Written Record in Classical Athens.* Cambridge (Engl.), 1989.
- ¹⁰ Об общих принципах так называемого «собственного поведения» – техниках автономизации поведения, соотносящегося исключительно с предшествующим и ориентированным на будущее поведение, см.: *Heinz von Foerster.* *Objects: Token for (Eigen)Behaviours // Observing Systems.* Seaside Cal., 1981. P. 274–285.
- ¹¹ В отрицании «“В пустыне нет людей” – ничего не говорится о том, что происходит в пустыне, как и о том, где же находятся люди, да и вообще какие люди имеются в виду. И все-таки эта коммуникация сама по себе является понятной и допускает ее продолжение – например, как предостережение. ... как раз негативные обозначения наводят мосты с нормальностью» (*Луман Н.* Медиа коммуникации).
- ¹² Это обстоятельство собственно и имелось ввиду Р.Мертном в его концепции латентных и явных функций: *Merton R.K.* *Manifest and Latent Functions // Social Theory and Social Structure.* Free Press, 1957. Само общение оказывается важнее содержательной стороны общения, ведь оно способно нести интеграционную функцию и как раз в силу того, что факт сообщения не может быть оспорен и, как минимум в этом, уже подразумевает согласие. Напротив, смысл или информация, вкладываемые в сообщения, скорее, разъединяют, поскольку оказываются недоступными для проверки, замкнутыми в границах индивидуальных сознаний.
- ¹³ Примеры и описание процессов табуирования информационного обмена в родовых обществах см.: *Barth F.* *Ritual and Knowledge Among the Baktaman of New Guinea.* Oslo, 1975.
- ¹⁴ Технология тайны как основания коммуникации в родовых обществах см.: *Klaus E. Muller.* *Das magische Universum der Identität: Elementarformen sozialen Verhaltens: ein ethnologischer Grundriss.* Frankfurt, 1987; *Он же.* *Die Apokryphen der Öffentlichkeit geschlossener Gesellschaften // Sociologia Internationalis.* 29 (1991). S. 189–205.
- ¹⁵ Поскольку и язык, в свою очередь, словно распадается на две взаимоисключающие функции – с одной стороны, предполагает заложенную в слове интегративную функцию обобщения, автономизации человеческого общения через отвлечение от всего внешнего и конкретно-предметного определенного, а с другой подразумевает (заложенную в структуре предложения) дезинтегрирующую бинаризацию (да/нет–кодирование) любого предложенного для обсуждения смысла.
- ¹⁶ О регистрационной функции см.: *Schmandt-Besserat D.* *An Archaic Recording System and the Origin of Writing // Syro-Mesopotamian Studies.* 1/2 (1977). P. 1–32.

- 17 О генезисе технологии письменности из практики предсказаний, процессе отделения идеограмм от знаков гаданий (нагретых костей, панцирей черепахи т. д.) и последующей фонетизации см.: *Vernant J.-P.* et al., *Divination et rationalite.* P., 1974; *Bottero J.* Mesopotamie: L'écriture, la raison et les dieux. P., 1987; *Marshack A.* The Roots of Civilization: The Cognitive Beginnings of Man's First Art, Symbol and Notation. L., 1972.
- 18 *Haarmann H.* Universalgeschichte der Schrift. Frankfurt, 1990.
- 19 О пространственно-временных детерминациях устного общения родовых обществ см.: *Muller W.* Raum und Zeit in Sprachen und Kalendern Nordamerikas und Alteuropas // *Anthropos.* 57 (1963). S. 568–590; *Mbiti J.* Les Africains et la notion du temps // *Africa.* 8, 2 (1967). P. 33–41; *Robert J. Thornton,* Space, Time and Culture among the Iraqw of Tanzania. N.Y., 1980.
- 20 Окончательно эта автономия общения от конкретного контекста устанавливается вместе такой формой письменности, как книгопечатание. Так, письменные законы – выводят коммуникацию из-под конкретики контекста и особенностей личности, вести себя и коммуницировать следует правосообразно. Печатные деньги обеспечивают платежи, независимо от характера плательщиков, времени года и места платежа.
- 21 О функционировании пространственных различий как коммуникационных ориентиров см.: *Marshall D. Sahlins.* On the Sociology of Primitive Exchange // *The Relevance of Models for Social Anthropology.* L., 1965. P. 139–236; *Bailey F.G.* The Peasant View of Bad Life // *Advancement of Science.* 23 (1966). P. 399–409.
- 22 О функционировании временных различий как коммуникационных ориентиров см.: *Rudiger Schott.* Das Geschichtsbewusstsein schriftloser Volker // *Archiv für Begriffsgeschichte.* 12 (1968). S. 166–205; *Burr C. Brundage.* The Birth of Clio: A Resume and Interpretation of Ancient Near Eastern Historiography // *H. Stuart Hughes* (Ed.). *Teachers of History: Essays in Honor of Laurence Bradford Packard.* Ithaca (N.Y.), 1954. P. 199–230; *Chatelet F.* La naissance de l'histoire: La formation de la pensee historique en Grece. P., 1962; *Gerdien Jonker.* The Topography of Remembrance: The Dead, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia. Leiden, 1995.
- 23 О технологиях сакрализации как техниках коммуникативного системобразования см.: *Werner Glinga.* Mundlichkeit in Afrika und Schriftlichkeit in Europa: Zur Theorie eines gesellschaftlichen Organisationsmodus // *Zeitschrift für Soziologie.* 19 (1989). S. 89–99.
- 24 В такой форме данную проблему ставит Dennis Tedlock (*The Spoken Word and the Work of Interpretation.* Philadelphia, 1983).
- 25 «Ускорения и замедления, акустически нагруженные промежутки и паузы, периоды ожидания и моменты, в которых напряжение нарастает или вновь разряжается... это общее переживание структурированного развертывания и опосредует говорящим и слушающим то впечатление, что они переживают одно и то же» (*Луман Н.* Медиа коммуникации. М., 2005).
- 26 «Лишь за Божьим Словом сохраняется способность непосредственно изменять вещи: и сказал Бог – да будет свет, и стал свет» (*Луман Н.* Медиа коммуникации).

- 27 Технология задействия формы «Другой» Эта фигура, прежде всего, в образе торговца и третейского судьи, обязана своим появлением письменным формам: деньгам и записанным законам, см.: *Simmer G. Der Fremde.*
- 28 «Кто будет спрашивать, почему Фома Аквинский написал свои “Суммы”, и какой прок в знании этого?» – задается вопросом Н.Луман (Медиа коммуникации).
- 29 О проблеме безличности (=самоавторизации текста) см.: *Marcel Detienne (Ed.). Les saviors de l’écriture. En Grece ancienne.* Lille, 1988.
- 30 Идентичность текста, его предметную определенность в предметном измерении общения, которую не смогли поколебать ни письменность, ни печать, разлагают электронные технологии распространения коммуникации. Об этом см. следующую статью, посвященную социальным технологиям печати и электронной телекоммуникации.
- 31 «Также и мифы, чье действие свершалось в незапамятные времена, в качестве рассказов представляли собой современности, так что им не вредило и то, что сам рассказ мог предполагать, и даже должен был предполагать то, что они известны. Смысл их коммуникации заключался не в неожиданности (информации), но в *соучастии*» (Луман Н. Медиа коммуникации).
- 32 «В случае устной коммуникации, например при проведении долгих представлений по ритуальным или праздничным поводам, исходят из того, что мир, *в котором* осуществляется коммуникация, и мир, *о котором* коммуницируется, принципиально не отличаются, но образуют некий континуум реальности. Еще долгое время после распространения письменности (и даже книгопечатания) создание чисто фикциональных текстов казалось чем-то само собой разумеющимся. Сколь бы невероятными ни были рассказы, речь в них велась о мире, который все могли лицезреть» (Луман Н. Медиа коммуникации. С. 283).
- 33 Восприятия, выступающего формой медиума звука, в свою очередь давшего форму и собственному медиальному субстрату – шуму, понимаемому в качестве формы медиума воздуха. Диалектику формы и медиума см.: *Heider F. Ding und Medium // Symposion. I (1926). S. 109–157.*

Е.О. Труфанова

Социальное конструирование субъекта через призму медийных и сетевых технологий*

Одной из основных проблем в исследованиях современного субъекта познания является проблема его личностной идентичности. Современная личностная идентичность представляет собой крайне сложную структуру, которая не только является результатом сложного процесса конструирования, но и постоянно вынуждена подвергаться реконструированию. В сложном процессе становления личности главенствующую роль играет социальное конструирование, т. е. конструирование в результате воздействия на индивида социокультурной среды, в которой происходит его развитие. Именно в результате социального конструирования формируются не только основные личностные особенности, но и способы идентификации и самоидентификации субъекта. В современном мире социокультурное влияние на процесс конструирования идентичности субъекта транслируется не только напрямую, непосредственно, но и опосредованно – с помощью медийных и сетевых технологий.

Именно развитие и распространение технологий глобальных коммуникаций, перешедшее в активную стадию где-то с конца 90-х гг. XX в. стало главной характеристикой новой эпохи в развитии общества и общественного сознания, и далее будут рассматриваться именно те субъекты, которые находятся «на гребне

* Статья подготовлена при поддержке НИР «Гуманитарное знание и социальные технологии». Госконтракт с Министерством образования и науки РФ от 15 сентября 2010 г. № 14.740.11.0223.

волны» эпохи, которых касаются все те технические достижения, о которых будет идти речь. Массовыми коммуникациями, конечно, затронуты достаточно широкие слои населения (даже в глухих деревнях обычно бывают телевизоры), но наибольшей яркости и концентрации эти особенности современной эпохи достигают в больших городах, в мегаполисах, и касаются они, прежде всего, людей, находящихся на достаточном уровне экономического благополучия, чтобы быть причастным к тем благам цивилизации, о которых будет говориться в дальнейшем.

Я выделяю две группы основных аспектов современности, являющиеся наиболее существенными для изменений, происходящих в идентичности современного субъекта. Это 1) социальные и 2) технологические факторы. К первой группе относятся такие аспекты как отсутствие или размывание социальной группы идентификации и моральный и культурный релятивизм; ко второй – развитие средств массовой информации и развитие способов виртуальной коммуникации. Социальные и технологические аспекты тесно связаны, причем социокультурные изменения во многом оказались спровоцированы технологическим прорывом в сфере коммуникаций. Таким образом, социальные технологии, под влиянием которых происходит конструирование и реконструирование личностной идентичности, оказываются неразрывно связанными с общим технологическим развитием.

«Информационный шум»

Наверное, важнейшей научно-технической революцией второй половины XX в., оставившей наиболее осязаемый отпечаток на социуме, стала революция в средствах массовой коммуникации и медиа. Корни этой революции уходят еще в XIX в., когда сначала приобретает существенное влияние ежедневная пресса, затем появляются телеграф, телефон и радио, а в начале XX в. и телевидение. В последней четверти XX в. набирают силу средства сотовой связи, компьютерные средства коммуникации и Интернет-медиа, и таким образом революция оказывается окончательной (для финального этапа существуют названия информационная и цифровая революция). На рубеже XX–XXI вв. медиа приобретают огромное значение в повседневной

жизни человека¹, занимая одну из главенствующих ролей в конструировании и реконструировании личностной идентичности индивида. Рост объема информации, доступной отдельно взятому индивиду происходил постоянно, с тех пор как тайное знание, передававшееся изустно в рамках привилегированной касты, стало письменным, затем печатным, а затем стало транслироваться аудио-визуальными способами. Вместе со становлением общества массового потребления, информация также становится массовой, она становится таким же продуктом потребления, как и все остальное. В итоге жизнь индивида становится перенасыщена «одноразовой информацией», как она перенасыщена одноразовыми вещами и фаст-фудом.

Удивительно, но об информационной перенасыщенности мира писал еще Г.Лейбниц в начале XVIII в., говоря о том, что распространение книгопечатания приводит к тому, что за плохими книгами хорошие могут потеряться². Наша повседневность сейчас наполнена «информационным шумом», который Лейбниц даже не мог бы себе представить. Информацию индивид встречает как востребованную или невостребованную, важную или неважную, заслуживающую доверия или же сомнительную. Но такие определения «веса» информации зависят исключительно от индивида, ему решать, какая информация для него важна и какую степень доверия вызывает то или иное сообщение. В условиях упомянутого выше «информационного шума» – переизбытка информации, обрушивающегося на человека из различных источников, сознание человека должно постоянно работать как фильтр, отбрасывающий все, что не нужно, что сомнительно и т. д. Как рассказывал о своем методе знаменитый детектив Шерлок Холмс «мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаешься. А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак... Напрасно люди думают, что у этой маленькой комнатки эластичные стены и их можно растягивать сколько угодно. Уверю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных»³. Так и современный субъект должен постоянно быть начеку, не позволяя своей памяти переполниться

лишней информацией, а это означает постоянно прилагаемые сознательные и бессознательные усилия при восприятии информации. В связи с этим сознание становится «клиповым» (этот термин предложил Ф.И.Гиренок, он, правда, говорит о «клиповом мышлении»). Возникновение клипового сознания часто связывают с распространением медийных технологий, но мне представляется, что это параллельные процессы или даже что здесь поменяны местами причина и следствие. Появление «клиповости» легче всего проследить в развитии кино. Если взять самый «быстрый», самый наполненный действием старый фильм – какой-нибудь классический боевик – и сравнить его со средней современной комедией, у последней будет заметно существенное преимущество в скорости. В скорости, с которой сменяются сцены, кадры, с насыщенностью фильма микрособытиями. Речь идет не о смысловом содержании фильма, а именно о действиях, о деталях, о частоте смены кадра. Даже актеры новых фильмов говорят быстрее, чем пару десятилетий назад. Из-за этого порой старые фильмы кажутся нам затянутыми, хотя в большинстве своем по хронометражу они короче современных картин. Однако наше сознание, привыкшее воспринимать насыщенные потоки информации, обрабатывать их за сжатые промежутки времени, уже в свою очередь требует этой новой, «быстрой» подачи материала, где один «клип» сменяет другой. Современный человек привык видеть не картину в целом, а отдельные фрагменты ее, которые складываются в мозаику, в которой хоть и проглядываются общие контуры картины, но все же очевидна раздробленность.

Эта же раздробленность является характерной чертой личностной идентичности современного субъекта. Человек, находящийся в постоянном конструировании и реконструировании своей идентичности, ищет основы стабильности своей идентичности не только внутри, но и вне себя. Самая первоначальная идентификация это само-идентификация, «Я это Я». Это изначальное тождество, однако, как правило не вызывает проблем и не требует прояснений. Однако возникающее иногда в отчаянии, в кризисе чувство «Это не Я!» сразу вызывает к жизни весь этот калейдоскоп идентичности. Один элемент выпал и рисунок рассыпался. Проблема в том, что в современной ситуации стабильность труднодостижима, ведь из-за перечисленных выше изменений в социокультурной среде не остается никаких постоянных оснований идентификации.

Информационный мир, в котором мы живем, не помогает нам в стабилизации идентичности, он только запутывает нас. Многообразие информационных источников приводит к тому, что мы не можем уцепиться даже за правдоподобный миф, поскольку любой миф тут же находит опровержение. Что уж говорить о невозможности найти хотя бы зерно истины!

Информационное общество – это общество, в котором индивид ставится перед бесконечным выбором. Какую информацию сделать частью себя, своей идентичности, положить в фундамент своего мировоззрения и самосознания, а какую «выкинуть из чердака».

Идентичность и СМИ

Наше знание о мире по-прежнему поступает через органы чувств, однако непосредственно мы воспринимаем лишь информацию о нашей локальной среде обитания. Представления о мире в целом, мире за пределами нашей обычной среды деятельности формируются у нас опосредованно, с помощью новых средств передачи информации. С одной стороны, это не ново – ведь и средневековый, допустим, индивид, знал о мире за пределами его непосредственного восприятия лишь со слов других. Но современные средства информации позволяют, во-первых, сжать до мгновения скорость передачи информации из одной точки в другую, а во-вторых – обладают достаточно реалистичными способами ее подачи, «картинка» часто оказывается чуть ли не ярче, чем реальная жизнь.

Никлас Луман подчеркивает, что все, что современный человек знает о мире, он знает из массмедиа⁴, а Е.Д.Павлова пишет: «массмедиа становятся в буквальном смысле новыми органами чувств человека, своеобразной нервной системой человечества в планетарном масштабе»⁵. Массмедиа создают, конструируют реальность, в которой человек существует. Реальный мир отступает для современного человека на второй план по сравнению с миром виртуальным.

И если Интернет, несмотря на то, что он завоевывает все новые территории, все же пока доступен достаточно ограниченному проценту населения, то такие «старые добрые» массмедиа как радио, пресса, кинематограф, но особенно – телевидение, обладают поистине всемирным охватом.

СМИ являются наиболее развитыми и эффективными социальными технологиями, влияющими на конструирование личностной идентичности субъекта. Так называемая «четвертая власть», СМИ по сути стали главной властью над формированием сознания человека, они стали его главным окном в мир, находящийся за пределами его непосредственного окружения. В современном мире самый обычный человек, не покидающий не только пределов своего города, но и пределов своей комнаты, может знать о мире в десятки раз больше, чем самый просвещенный представитель Нового времени, к тому же сведения эти будут самыми актуальными, свежими, «горячими» (эпитет, часто применяемый к самым важным новостям). Благодаря современным СМИ индивид способен ощущать свою более тесную связь со всем миром (как это отмечает Р.Дж. Лифтон⁶). Однако главная роль, которую играют СМИ в жизни индивида – они насыщают его информацией. Если раньше человек получал максимум информации из своих непосредственных взаимодействий с окружающим миром, то теперь огромный объем информации становится опосредованным. Известно, что подавляющее большинство информации человек получает через зрение. Как, однако, относиться к той зрительной информации (подкрепляемой слуховой), которая представляется ему телевизионными СМИ? Она оказывает огромное влияние на сознание и все же, она лишена эффекта присутствия, и потому человек с одной стороны воспринимает ее менее эмоционально (одно дело – видеть пожар по телевизору, другое – прямо перед собой), с другой стороны – ему дается урезанная и искаженная информация и, следовательно, выводы которые он из нее делает, также будут не вполне соответствующими действительности. Мир, показанный СМИ, это искаженный мир, однако именно опираясь на него, современный человек строит свою картину мира. Как в средние века люди верили в то, что говорила им Церковь, теперь мы верим в то, что сообщают СМИ. Проблема с идентичностью, однако, возникает вовсе не потому, что мы опираемся на искаженные сведения (основу идентичности составляют вовсе не обязательно подлинные факты), а поскольку сведения, представляемые нам СМИ, противоречивы. Одно и то же событие разными источниками может освещаться совершенно по-разному, новости выпускаются и опровергаются, в итоге человек не знает, во что он

может верить, на какие сведенья он может положиться. Не говоря уже о том беспрецедентном «информационном шуме», в котором нам приходится жить. Мы переполнены информацией, однако качество этой информации весьма спорное. Основной идентификации должно быть нечто постоянное (пусть даже и устойчивая ложь), однако постоянство отсутствует, выбор вариантов огромен, и потому идентификация опять же вызывает затруднения, в итоге субъект находится в неустойчивом состоянии.

В романе советских фантастов братьев Стругацких «Обитаемый остров» общество на далекой (но, по сути, вполне близкой и понятной) планете Саракш контролируется с помощью специального излучения, которое подавляет возможности человека к критическому анализу действительности. И находящиеся под этим воздействием жители Саракша воспринимают за чистую монету всю политическую пропаганду, которая льется на них с голубых экранов телевидения. Таких примеров в фантастике множество. Однако зачем нужны фантастические вымыслы про излучение? Как показывает опыт, большая часть населения и без того верит в то, что показывают по телевидению и пишут в газетах. Критическое отношение к действительности – это способность сравнительно небольшой части населения. Но даже и эта часть порой не способна адекватно оценивать льющуюся на нее информацию. СМИ не только позволяют человеку чувствовать свою связь со всем миром, они снабжают его потоками информации, лишь небольшая часть которой является для него востребованной и нужной. Современный человек захлебывается в этих информационных потоках, не в состоянии обработать их и отделить «зерна от плевел». Проблема политической пропаганды, манипуляции общественным сознанием – актуальна, но для рассматриваемого вопроса она вторична. Намного интересней проблема того, как медиа формируют наше представление об окружающем мире. Мы непосредственно знаем лишь нашу повседневность – допустим, городскую среду, в которой мы живем, и таким образом, наши представления о жизни в глухих деревнях будут складываться из тех сведений, которые предоставляют медиа. Наиболее вызывающим доверие источником знания будет являться, скорее всего, программа новостей, в которой события подаются якобы без прикрас и без утайки, и зачастую в прямом эфире. А поскольку человечество продолжает в

основном опираться на поговорку «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», телевидение приобретает колоссальную власть и влияние тогда, когда формируются наши представления о мире.

Герои пьесы Тома Стоппарда Розенкранц и Гильденстерн рассуждают, находясь на корабле, плывущем из Дании в сторону Британских островов:

Розенкранц (понуру). ... И вообще я в это не верю.

Гильденстерн. Во что?

Розенкранц. В Англию.

*Гильденстерн. Считаешь, что все это штучки картографов?*⁷

В самом деле, что нас заставляет верить в существование, скажем, Англии, если мы никогда там не были? Пятно на карте с названием, книги, повествующие об этой стране, свидетельства других людей о пребывании там... но этого недостаточно. А вот покажите нам Лондон на экране, с его Тауэром и Биг-Бэном, о которых мы так много слышали раньше – и все сразу встанет на свои места. Человек склонен верить своим глазам и ушам. Разумеется, современный индивид лишен «наивного» восприятия и не будет вскрывать телевизор, чтобы посмотреть, кто же это там сидит. Но уровень критического отношения к передаваемой информации весьма низок. И мы позволяем СМИ конструировать и реконструировать нашу картину мира, описывать мир вокруг нас, и мы уверенно *знаем*, что в Карибском море бушуют ураганы, в Японии произошло землетрясение, Израиль воюет с Палестиной, а Сильвио Берлускони неполиткорректно шутит над Барак Обамой. Хотя на самом деле, мы даже не можем быть уверены в существовании Карибского моря или Берлускони – быть может, это просто фикция, фильм, который снят для нашего развлечения, а может и сознательной дезинформации.

Цели подобной дезинформации (или искажения фактов) значительно чаще носят экономический характер, нежели политический. Главным ориентиром для идентификации обывателя, становятся навязываемые ему стандарты жизни, демонстрируемые в рекламе, где на первый план выходит «человек экономический» и идентификация происходит по принципу «я есть то, что я потребляю». Реклама предлагает человеку не просто товар, но образ жизни, сопутствующий этому товару и человек, часто сам не

отдавая себе в этом отчет, идет покупать именно «образ жизни». Рекламные СМИ настойчиво предлагают нам образцы для идентификации, предлагая сочетать понятия «успешный» и «автомобиль», «обаятельный» и «дезодорант», «здоровый» и «йогурт». Приблизительно то же самое происходит на более высоком уровне, когда СМИ создают фальшивую харизму избранному политику, подчеркивая его преимущество перед другими с почти такой же наивностью, с какой нам в рекламе показывают преимущество рекламируемого стирального порошка перед «обычным». Погружаясь в мир, изображенный СМИ, человек теряет точку опоры, поскольку СМИ (особенно аудио-визуальные) воздействуют на человека агрессивно, они направлены на самые уязвимые области человеческой психики, они не просто информируют, а побуждают к эмоциональному восприятию важнейших новостей (например, второстепенная с точки зрения источника СМИ информация может быть подана в новостной программе просто текстом, который читает диктор, тогда как основные новости представлены в продолжительном видеорепортаже, который зритель переживает эмоционально или даже эмпатически, и таким образом отдает приоритет именно этой информации, включая именно ее переживание в структуру своей идентичности, хотя вполне возможно, что как раз более актуальная информация была передана без дополнительных аудио-визуальных стимулов, но была вытеснена последними). Именно поэтому нет смысла говорить о СМИ как инструменте манипуляции общественным сознанием – подобное утверждение тавтологично, СМИ по умолчанию осуществляют подобную манипуляцию, они не могут быть очищены от подобных манипулятивных практик. Потому на общественно-политическом уровне единственным способом борьбы с манипулятивным воздействием СМИ является демократизация СМИ, обеспечивающая плюрализм высказываемых точек зрения.

Но у подобного плюрализма мнений есть своя негативная сторона, поскольку он предполагает отсутствие цензуры – не политической цензуры, а цензуры здравого смысла. В итоге результатом распространения СМИ с одной стороны становится тиражирование стереотипов и заблуждений, что увеличивает обскурантизм и невежество населения (нельзя не отметить, разумеется, что параллельно СМИ выполняет и образовательную функцию, однако

при уже указанной невозможности «фильтровать» информацию самостоятельно, первое перекрывает второе). С другой стороны, у человека возникает недоверие к любой информации вообще, поскольку СМИ не раз уличались во лжи. Последнее обстоятельство ведет к затруднению идентификации – как я могу идентифицироваться с чем-то, если я ни во что и никому не могу верить? Богатство выбора приводит к тому, что выбор совершить невозможно, что ставит под удар целостность идентичности субъекта, ведь ему трудно принять решение, какая информация является частью *его* мира, а какая – не является.

К другой особенности современных СМИ относится нивелирование приватной жизни человека. Они выставляют на показ общественности истории из жизни «звезд» и заодно активно приглашают стать «звездами» «простых людей» в различных реалити-шоу. Таким образом, происходит отчуждение от индивида его собственной приватной жизни, по крайней мере, в ее традиционном понимании. Возникает иллюзия, что для того, чтобы я существовал полноценно, на самом деле, моя жизнь должна быть доступна широким массам, я должен стать частью этого информационного потока, иначе я будто и не существую вовсе. Возникает что-то вроде профессии «публичная персона», представители которой являются «звездами» лишь постольку, поскольку они узнаваемы широкими массами за счет их постоянного присутствия на телеэкранах и в текстовых СМИ.

Именно революцию в СМИ американский психиатр Р.Дж. Лифтон⁸ считает одной из основных причин возникновения кризисной, нестабильной идентичности у современного человека, которую он называет «протеевской»⁹. Лифтон утверждает, что современный человек (а «протеанизм» – явление XX в.) подобен Протею, и вынужден постоянно изменяться, его идентичность просто не может больше оставаться стабильной.

Возникновение современных СМИ с их широкими возможностями приводит, утверждает Лифтон, к взаимопроникновению культур, непрерывному обмену культурными ценностями и способности к моментальному распространению информации из одного конца мира в другой. В итоге человек, хочет он того или нет, становится «гражданином мира», и, находясь в своей культурной среде, он продолжает постоянно испытывать чужеродные социокультурные влияния извне, которые воздействуют на формирова-

ние его идентичности. Еще один аспект «протеанизма» заключается в том, что благодаря обеспечиваемому СМИ чувству связанности человека со всем миром, возникновению у него экологического сознания, эсхатологические представления древности сейчас преобразуются таким образом, что человек начинает особенно остро ощущать возможность «конца света» при своей непосредственной к нему причастности. Впервые за историю человечества, человек начинает осознавать вероятность того, что «конец света» может стать делом его собственных рук, а вовсе не божественного провидения или космического происшествия. Это создает определенный фон тревожности – стоит вспомнить относительно недавние споры о возможных последствиях запуска Большого Адронного Коллайдера (БАК)¹⁰ в швейцарском ЦЕРНе, которому многие, среди них и ученые, приписывают способность разрушения всей планеты, и слухи о скорейшем запуске которого вызвали у общест-венности всплеск апокалиптических страхов, впрочем, пополам со скепсисом и юмором. Одновременно можно заметить также, что обсуждения БАК стали поистине «медийным поводом», широко обсуждавшимся в СМИ, в Интернете, а вслед за этим – на кухнях и в кафе, и все эти обсуждения велись дилетантами, а новости о БАКе воспринимались как новый щекочущий нервы фантастический триллер, но никак не научно-техническое достижение. Порой невольно возникает вопрос, а не «штучки ли это картографов» и не является ли БАК не более чем журналистской фикцией, придуманной на забаву публике. И тот же вопрос мы можем задать относительно любого факта, получаемого нами из СМИ. Поэтому мы можем сделать вывод, что хотя СМИ играют очень важную роль в формировании нашей идентичности, они же представляют собой ее дезинтегрирующий фактор, поскольку противоречивость и недостоверность получаемой информации заставляет нас находиться в постоянном сомнении. Таким образом, мы можем говорить о том, что социальные технологии, реализуемые с помощью СМИ, играют двоякую функцию в процессе конструирования субъекта, одновременно насыщая его необходимой информацией, без которой невозможно построение индивидуальной картины мира и собственной самости, и в то же время играя дезинтегрирующую роль в построении идентичности, вызывая противоречия, которые делают идентичность нестабильной, размытой.

Сетевая идентичность

Не менее важную роль в социальном конструировании идентичности современного субъекта играет новейшее изобретение современности, самым существенным образом изменившее мир – Интернет. Интернет не только является расширением сферы СМИ, он создает особую социокультурную среду, которая в свою очередь является расширением идентичности. Индивид, используя коммуникационные возможности Интернет, различные социальные сети и блоги, создает некую квазиидентичность, «выжимку» из своей полноценной идентичности, которая предъядвляется другим пользователям Интернет. Однако «онлайн»-идентичность – это не просто «урезанная» версия реальной идентичности индивида, это еще одна идентификация, «онлайн»-идентификация. Для многих современных людей их «онлайн»-жизнь является неотъемлемой частью их идентичности, но не простым отражением жизни реальной, а самостоятельной ее частью. Более того, «онлайн»-жизнь дает огромные возможности для создания вымышленных, «фальшивых» идентификаций и даже идентичностей, она позволяет индивиду (пусть и в виртуальной форме) открыть те двери, которые «в реальном мире» всегда будут для него закрыты. Хотелось бы уточнить, что в рамках реальности Интернет зачастую действуют не просто пользователи, но их сетевые Я-образы, их виртуальные *alter ego*, живущие своей самостоятельной, относительно независимой от их «хозяев» из физического мира по эту сторону экрана.

Разумеется, можно возразить, что Интернет является не более чем придатком существующих вне его общественных, политических и экономических систем, что это просто *отпечаток* или *тень* мира реального в виде электронной информации, закодированной двоичным кодом. И это возражение будет в определенном смысле справедливым. Тем не менее, даже если поверхностно проанализировать особенности поведения человеческого сознания в Сети, мы можем увидеть, что оно ведет себя особым образом, реагируя на специфику сетевой «среды обитания», и взаимодействие Интернет-пользователей создает особое Интернет-сообщество, существующее по законам определенной внутренней сетевой реальности.

Любопытно отметить следующую инициативу. Исследователь телекоммуникаций из Университета Индианы в США Эдвард Кастронова создал научно-исследовательский институт Арден¹¹ (переименованный затем в Инициативу Синтетических Миров – Synthetic Worlds Initiative at Indiana University), который должен заняться исследованиями социальных процессов, идущих в виртуальных мирах. Идея такова – проводить эксперименты над сообществами людей, но не над реальными, а над существующими на просторах сети. Хотя сами миры виртуальные, «синтетические», люди, которые стоят за их «обитателями»-пользователями – реальные. Кастронова предлагает создавать виртуальные миры, специально предназначенные для социальных экспериментов, участвовать в которых будут пользователи-добровольцы. Участники конференции, посвященной этой инициативе, отметили, что количество виртуальных миров удваивается каждый полтора года, начиная с 1996 г., и с каждым годом эти миры становятся все более сложно-структурированными и все более реалистичными. Наступает время, когда виртуальные миры Интернета начинают влиять на «оффлайновый» мир – наш реальный мир. В 2006–2008 годах эти эксперименты были проведены – были созданы виртуальные миры, основывающиеся на работах Шекспира. Правда, когда от игроков стали требовать историчности, соответствия шекспировским работам, сложной экономике «мира», это отпугивало участников. Только позволив участникам сосредоточиться на игровой составляющей, ученые смогли проводить эксперименты. Кастронову, однако, интересует в основном аспект развития экономических отношений в виртуальных мирах. Их анализу и посвящено большинство его исследований.

Другим известным сетевым явлением последних лет является проект **Second Life (Вторая Жизнь)**, объединяющий с одной стороны сетевые ролевые игры, а с другой – социальные сети. Там в виртуальном, нарисованном в трехмерной компьютерной графике мире, пользователи могут устанавливать виртуальные отношения друг с другом, а реально существующие организации и учреждения могут создавать свои виртуальные площадки. В этом мире есть своя география, своя валюта и т. д., и проект продолжает развиваться с присоединением к нему все большего числа пользователей.

Тем не менее, мне кажется достаточно очевидным, что исследования виртуальных сообществ, предлагаемые Кастранова, или же исследования проектов, подобных **Second Life**, не дадут результатов, которые могут быть адекватно приложимы к сообществам реальным. Человек сетевой ведет себя иначе, нежели его реальный прообраз, и подобные исследования ничем, в сущности, не будут отличаться от онлайн-ролевых игр, где тоже часто создаются искусственные сообщества людей, только моделирующие не наш мир, а некие фантастические вселенные. А именно ролевая игра становится основной характеристикой для пользователей Интернет. Любой пользователь Интернет, осознавая или нет, ведет определенную ролевую игру с другими пользователями. Он волен самостоятельно конструировать свою идентичность в рамках Интернет. Допустим, в пределах своего блога, он может представлять условно *правдивую* информацию о себе – он не скрывает ни свой пол, ни свой возраст, ни детали своей биографии, тем не менее, он выставляет на всеобщее обозрение лишь те детали, которые он хочет подчеркнуть, а также в той форме, в какой он их хочет подать. Он создает свой автопортрет и предлагает свое жизнеописание – как правило, в виде текста. Сейчас, впрочем, все больше появляется возможностей для «девиртуализации» пользователей – многие размещают в Сети свои фотографии или пользуются видеочатами, позволяющими видеть собеседника, а не набор знаков, за которыми скрывается неизвестно кто. Однако такие девиртуализированные «виртуалы» зачастую представляют собой лишь одну из Интернет-идентификаций пользователя – публичную, понятную, повседневную, тогда как в других областях Сети могут жить своей жизнью иные его «виртуалы». Они имеют свои уникальные биографии, свою внешность (например, набор масок – картинок пользователя (userpic) или аватар (avatar), свой стиль изложения и свою манеру поведения в сетевых сообществах. Зачастую их сетевое бытие сконцентрировано вокруг некой одной темы – например, у одного пользователя могут существовать блоги-настроения, каждый из которых подчинен одному «виртуалу», выражающему один тип настроения и связанного с ним мировосприятия пользователя. Языковые средства являются наиболее гибкими и удобными для конструирования псевдореальностей, в том числе и виртуальных псевдоидентичностей пользователей Интернет.

Интернет строится, прежде всего, на базе текста, на базе языковой составляющей, нежели чего-либо еще. Да, технологии идут вперед, и все больше объема передаваемой в Сети информации начинают занимать не текстовые, но мультимедийные фрагменты. Хотя еще в 1998 г. Умберто Эко в своей публичной лекции, прочитанной в МГУ «От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст» говорит о том, что Интернет не убивает книгу и текст (как опасались многие) – напротив, он позволяет копировать текст до бесконечности и доносить его как можно большему количеству пользователей, а также делает возможным создание новых доступных текстов¹². Средства массмедиа, пользовавшиеся особой популярностью в середине XX в. – прежде всего радио и телевидение – уводили человека от необходимости восприятия текста и работы с письменным языком, делая акцент на визуализацию (или звуковую передачу) образов, но в последней четверти XX в. происходит возвращение к тексту – через посредство Сети. Сеть является структурой символов, а наиболее эффективным способом создания этих символов и их взаимодействий являются дискурсивные практики, в которых человек обозначает и выражает свою позицию в мире с помощью языка, в виде рассказа о себе, в виде текста. И мало кто способен удержаться от соблазна вступить в игру с символами и изобрести вместо себя некую новую сущность, которая будет жить в этом лишенном материальности виртуальном мире, взаимодействуя с другими подобными сущностями.

На заре своего возникновения Интернет рассматривался как пространство для формирования новой элиты. Интернет времен упоминавшейся лекции Умберто Эко действительно являлся плацдармом для формирования новой элиты – элиты электронного текста, поскольку в отличие от визуализированной информации телевидения, воспринимаемой непосредственно, текст неизбежно заставляет человека задействовать абстрактное мышление. Однако со временем Интернет становится все более доступным для широких масс, и как следствие этого, во-первых, сообщество пользователей становится наиболее дифференцированным (вместо «элиты» – толпа обывателей, зачастую малограмотных, но при этом страдающих графоманией), за счет чего, как уже отмечалось выше, падает общее качество информации в Сети (крайне редко теперь можно поручиться за достоверность того или иного

сетевого источника – поскольку цензура и редактирование – это роскошь, недоступная для такого обширного источника информации, каким является Интернет). Во-вторых, происходит коммерциализация Интернета – если раньше основные деньги делались провайдерами на обеспечении доступа в Интернет, теперь уже «оффлайновые» дельцы берут все в свои руки, понимая, что Интернет является гигантской и весьма выгодной рекламной и торговой площадкой, еще более эффективной, нежели постепенно уходящие в прошлое «магазины на диване». Стоит только нажать несколько кнопок – и покупка совершена. Разумеется, не воспользоваться этим с точки зрения коммерции было просто невозможно. Более того – оказывается, что люди хотят «обставлять» и свой виртуальный мир. Они готовы платить не только за лишнее пространство в сети, но и за новые возможности веб-дизайна, за увеличение количества «картинок пользователя», за отсутствие рекламы в их блоге и т. п. В-третьих, сообщество текста все больше подменяется и вытесняется большим количеством визуальной информации.

В последние годы Интернет также породил такое социальное явление как twitter- или facebook-революции (параллельно с этим речь иногда идет также о sms-революциях, что неудивительно, поскольку идет определенного рода сращивание средств мобильной связи и сетевых коммуникаций). Это явление демонстрирует, какой выход «виртуальная» жизнь имеет в реальный мир. Социальные сети и блоги, подобные упомянутым Facebook и Twitter, обладают возможностью всеерного распространения информации на множество пользователей одновременно, а также от одного пользователя к другому. Итогом этого, как правило, становится явление, которое в сетевой культуре называют «флэшмоб» (от англ. **flash mob**, **flash** – **мгновение, вспышка**, **mob** – **толпа**). Изначально флэшмоб – это сугубо добровольная развлекательная или нейтральная акция, не связанная с политикой, правовыми вопросами и т. д. Например, по одной из сетей рассылается предложение в определенный день всем жителям указанного города выйти на улицу, держа в руках надутые воздушные шары и в определенный момент выпустить их в воздух. Флэшмоб становится особенно заметен, когда участникам предлагают собраться на конкретной улице или в конкретном районе. По своему замыслу

флэшмоб не предполагает создания единой управляемой толпы единомышленников, здесь каждый – сам по себе и сам за себя, нет никакого лозунга и никаких лидеров, часто целью флэшмоба является эпатаж не участвующих во флэшмобе людей. Однако сам термин быстро приобретает более широкое значение, и им начинают обозначать любую стихийную массовую акцию, которая не имеет политических целей. Флэшмоб, как правило, не предполагает сбора толпы в одном месте, как при демонстрации, либо какого-либо шествия, сама суть флэшмоба заключена в том, чтобы его участники были равномерно распределены, растворены среди «обычных» людей. Из наиболее известных государственно одобренных флэшмобов последних лет можно назвать, например, акцию «Георгиевская ленточка» на 9 мая, в которой участвуют не только автомобилисты и прохожие, но и представители власти, вплоть до президента, закрепляя на своих машинах или одежде ленты с характерными черно-оранжевыми полосами, которые раздаются добровольцами. В данном случае этот флэшмоб носит весьма положительный, патриотический характер. Однако в последнее время флэшмобы начинают приобретать принципиально иное звучание, становясь по сути общественно-политическими акциями, часто экстремистского толка, однако организованными по методу флэшмобов. Стоит вспомнить, например, совсем недавние страшные события на Манежной площади и попытки организации других подобного рода акций, в которых не последнюю роль сыграли современные средства коммуникации. Такую же значимость приобрели Интернет-коммуникации во время недавних событий в Египте, Тунисе и Ливии, где призывы к свержению власти раздавались именно через социальные сети и блоги, откуда и возникли термины twitter- и facebook-революция. Таким образом, социальные сети и блоги показывают в последнее время свою весьма высокую эффективность в качестве социальных технологий, конструирующих уже не столько индивидуальные субъекты, сколько субъекты, представляющие собой группы людей. Описание влияния новых коммуникационных технологий в организации толп было описано в работе американского социолога Говарда Рейнгольда «Умная толпа»¹³. Правда Рейнгольд полагает, что Интернет служит для организации «умных толп»-«смартмобов», т. е. интеллигентных и рационально себя веду-

щих толп, собирающихся для выполнения какого-то конкретного дела. В идеале технология флэшмоба действительно предполагает «интеллигентность» поведения – участники акции не должны доставлять неудобство или вызывать негативные чувства у окружающих, однако как показано выше, технологии флэшмоба могут использоваться для совсем других целей. Следует отметить, что общественные волнения, разумеется, возникают и без сетевых коммуникаций, однако последние облегчают возможность организации подобных акций, выступая в качестве современной версии листовок, намного более эффективной чем свой бумажный предшественник.

Таким образом, современный Интернет отказался от своей роли по созданию новой интеллектуальной элиты. Вместо этого, он выполняет четыре функции. Первая, разумеется, коммуникационная – обеспечение мгновенных интеракций с любой точкой земного шара. Следствием этой функции является рассмотренное выше явление флэшмобов и смартомобов разной степени социально-политической значимости. Вторая – обеспечивающая с финансовой точки зрения существование Сети – это сетевой рынок, представляющий собой продолжение рынка реального. Третья – это возможность для самовыражения и распространения своего творчества для любых пользователей Сети. И четвертая – это эскапистская игра с символами, реализация нереализованных или нереализуемых в оффлайн-мире возможностей – создание и поддержание виртуального бытия, необходимого многим людям в качестве отдушины от монотонности быта и ограниченности возможностей познания рамками повседневного опыта. В рамках конструирования идентичности субъекта Интернет в первую очередь позволяет реализовать эскапистские стремления индивидов, позволяя им конструировать себя и «мир» вокруг себя таким образом, какой в реальности им недоступен, однако с все большей доступностью сетевых коммуникаций «сетевая» составляющая идентичности субъекта становится одной из неотъемлемых частей его субъективного мира.

Современные социальные технологии конструирования субъекта

Таким образом, из изложенного выше мы можем сделать вывод, что современные социальные технологии прямым образом зависят от развития технических средств, которые можно использовать для достижения различных социальных целей. Ряд новых аспектов в современных способах конструирования и реконструирования идентичности субъекта возникает именно благодаря увеличению роли медийных и сетевых коммуникаций, и с помощью этих коммуникационных сфер субъект становится объектом приложения социальных технологий. То, чего опасались, о чем предупреждали антиутописты в первой половине XX в. (вспомним хотя бы «1984» Джорджа Оруэлла), стало в наши дни намного более реальным. По мобильному телефону мы можем выяснить местонахождение его владельца (при условии, что телефон при нем), по кредитным картам – проследить финансовые доходы и расходы владельца карты, а поисковые системы в Интернет запоминают нашу историю поисков и предлагают нам не случайную рекламу, а ту, которая имеет отношение к сфере наших интересов (основываясь на поисковых запросах). Каждый день, выходя из дома, мы оставляем свой след на множестве видеозаписей скрытых камер – в транспорте, магазинах, офисных центрах и т. д. Наши личные данные хранятся при регистрации на многочисленных сайтах. Страшно даже представить, какую власть над людьми могли бы получить лидеры тоталитарных режимов первой половины XX в., если бы они обладали такими техническими возможностями, как сейчас. Сейчас же на смену политическому тоталитаризму приходит экономический, основная задача которого – продать нам конкретный набор товаров, благ и услуг. Именно эту задачу прежде всего реализуют социальные технологии в рамках медийных и сетевых технологий – воздействия на потребительские предпочтения субъекта в самом широком смысле (политический аспект является в данном случае вспомогательным). Медийные и сетевые технологии участвуют в построении индивидуальной картины мира субъекта (будь то индивид или группа), однако они не являются нейтральными источниками знания и транслируют всегда не столько общие социо-

культурные стереотипы, сколько навязывают необходимые стереотипы и идеи, отбор которых осуществляется политическими и экономическими силами. Интернет в этом смысле представляет собой более «демократичную» площадку нежели СМИ, однако и его развитие, как было показано выше, идет в сторону коммерциализации и политизации, в какой мере Интернет останется свободной площадкой – покажет время. Однако можно уверенно сказать, что от степени того общественно-политического контроля, который будет осуществляться над медийными и сетевыми технологиями, будет зависеть и то, каким образом будет конструироваться идентичность субъекта. Еще один вывод, который необходимо сделать, заключается в том, что анализ социальных технологий конструирования субъекта в современном обществе невозможен без анализа технологических средств, с помощью которых они транслируются и попытка философски осмыслить связь построения личностной идентичности и этих новых технологий и была предпринята в данной работе. В данной ситуации технологии социальные и технологии «классические» выступают в неразрывной связи.

Примечания

- ¹ См.: Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2003; Sandbothe M., Nagl L. (Herausg.) Systematische Medienphilosophie. Berlin, 2005.
- ² Лейбниц Г.В. Наброски меморандума об усовершенствовании искусств и наук в Российской империи. 1716.
- ³ Конан Дойль А. Этюд в багровых тонах. М., 1991.
- ⁴ Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.
- ⁵ Павлова Е.Д. Средства массовой информации – инструмент скрытого воздействия на сознание: социально-философский анализ. М., 2007. С. 21.
- ⁶ Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.
- ⁷ Стоппард Т. Розенкранц и Гильденстерн мертвы // Стоппард Т. Травести. Пьесы. М., 2002. С. 112.
- ⁸ Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.
- ⁹ Понятие «**protean self**» вводится Лифтоном. Протей – божество из древнегреческой мифологии, постоянно изменяющее свой облик и способное сохранять свой облик только будучи захваченным в плен. Само слово «**protean**» в английском языке имеет значения «многообразный, изменчивый, разносторонний, многогранный», а в применении к театральным реалиям может означать актера, играющего несколько ролей в одной и той же пьесе.

- ¹⁰ Ускоритель элементарных частиц, созданный с исследовательскими целями в области фундаментальной физики. Представляет собой кольцо, расположенное в туннеле с длиной окружности 26,7 км, находящемся на глубине 100 метров под землей на территории Швейцарии и Франции. Строительство БАК было закончено в 2006 г., первые опыты начались в 2008 г.
- ¹¹ Synthetic Worlds Initiative at Indiana University [Электронный ресурс] – Электрон. дан. Режим доступа: <http://swi.indiana.edu/ardenworld.htm>.
- ¹² Эко У. От интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст // Интернет. М., 1998. № 6–7. С. 91–92.
- ¹³ Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М., 2006.

Соотношение жестких и мягких паттернов социального управления: социально-эпистемологический анализ*

1. Понятие и когнитивная структура социальных технологий

Реализация проекта инновационного (модернизационного) развития страны формирует социальный запрос на адекватные социальные технологии – новые формы жизнедеятельности и коммуникаций. В свою очередь, их социальное конструирование требует мобилизации широкого социокультурного контекста. Поэтому модель когнитивной структуры социальных технологий (далее – СТ) включает в себя целый кластер различных типов социально-гуманитарного знания и пластов социального опыта (научного и внеаучного, личностного и типизированного, социального, индивидуального и общечеловеческого), а также сложную констелляцию их взаимных влияний и обратных связей (эффектов кооперации и когеренции).

Социально-эпистемологический анализ СТ необходимо предполагает исследование взаимодействия различных пластов социального знания, и в первую очередь – специфических особенностей функционирования социально-гуманитарного знания в его когнитивных структурах. Поэтому для философского анализа СТ, наряду с общеполитическими подходами, необходима когнитивная мобилизация широкого междисциплинарного контекста когнитивных социальных наук. Он с необходимостью включает в себя не только содержательные аспекты различных когнитивных наук (когнитивной социологии, социальной антропологии, социальной

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-03-00425а.

психологии и т. п.), но и социально-эпистемологический анализ способов их знаково-символической презентации в культуре. Следует согласиться с мнением И.Т.Касавина, что «взаимодействие философии языка, социолингвистики, теории речевых актов, социологии речевых коммуникаций, с одной стороны, и философии науки и техники, с другой, могло бы привести к оригинальному взгляду на возможности гуманитарных наук в контексте отношений индивид-общество»¹. И в этом контексте социальная эпистемология призвана сыграть роль *когнитивного основания междисциплинарного синтеза* – локуса всех конструкторов, релевантных когнитивному анализу СТ. Подобного рода синтез предполагает не простое заимствование релевантных методов когнитивных наук, но и построения адекватных им дисциплинарных схем объекта (онтологических схем). Социальная эпистемология, повторим, могла бы взять на себя роль когнитивного и методологического модератора этих процессов.

Прагматическая направленность междисциплинарного анализа СТ состоит в экспликации базовых когнитивных принципов, регулирующих когнитивное сопровождение процессов социальной самоорганизации, государственного, муниципального и административного управления, электоральных технологий и т. п.. Ибо понятие технологии вообще и социальной технологии, в частности, отражает активное программирующее воздействие субъекта социальных преобразований на объект социально-преобразующей деятельности. Активистски-деятельностное отношение к природе, обществу и человеку в парадигме силы и власти выражает суть модернизационных трансформаций социальной реальности. Поэтому социально-эпистемологический анализ когнитивной структуры социальных технологий является важнейшей теоретической предпосылкой реализации модернизационных стратегий в современной России.

Когнитивной презумпцией исследования СТ является экспликация содержания и объема этого понятия в парадигме современной социальной эпистемологии. Последующая концептуальная разработка СТ требует углубления контекстуального анализа этого понятия и встраивания в категориальный аппарат (концептуальный каркас) социальной философии и эпистемологии. Уточнение же содержания и объема понятия СТ предполагает его соотнесе-

ние с такими базовыми философскими понятиями, как социальная деятельность, проектирование, прогнозирование, сценарное мышление и, наконец, социальное управление.

Исходя из общего положения о том, что *определение есть ограничение* содержания понятия по отношению к более общему, за исходный пункт семантического анализа СТ возьмем представление о том, что родовым по отношению к СТ является понятие социальной деятельности. В свою очередь, отличие деятельности от других форм социальной активности (поведения, общения и т. д.) характеризуется наличием *проекта*². Деятельность – это проективная активность, антиципация и последующий анализ в воображении различных конкурирующих траекторий действия. Феноменологически проект представляет собой «образ желаемого положения дел в будущем совершенном времени (*in modo futuri exacti*)³». Это экстраполяция в будущее наличных тенденций развития и типизированных образцов социального мышления и действия.

Проективный компонент выражает целеполагающий характер СТ. Социально-технологическая деятельность направлена не просто на улучшение текущего положения дел (по принципу «делай как должно и будь, что будет»), а на достижение прогнозируемого социально-технологического результата – СТ-продукта. Проектирование предполагает осознанное предвосхищение (антиципацию) результата СТ-деятельности. Субъект деятельности (актор) по определению имеет более или менее ясное и отчетливое представление о том, какой именно результат он хочет достичь в процессе своей деятельности. Однако следует иметь в виду, что практически достигнутый результат никогда в точности не соответствует спроектированному. Частичное несоответствие спроектированного и фактически достигнутого результата («хотели как лучше, а получилось как всегда») объясняется тем, что проектирование основано на *типичных*⁴ представлениях о характере, направлении и результатах будущей деятельности. Подобные типизации воплощены в наличных образцах проективно-познавательной деятельности – *когнитивных паттернах*. Типизированный же конструкт по определению не в состоянии «схватить» всех индивидуализированных характеристик конкретного проекта. Кроме того, практическая реализация проекта всегда сопряжена со случайными, эмерджентными факторами, которые нельзя предумышленно

треть в полном объеме в идеализированном образе желаемого будущего. Поэтому любой проект объективно нагружен элементами неопределенности, т. к. основан на вероятностной экстраполяции в будущее наличных, типизированных представлений (когнитивных паттернов). Иными словами, когнитивный анализ показывает, что частичное рассогласование спроектированного и фактически полученного результата (СТ-продукта) неизбежно, и не является принципиальным недостатком ни самого проекта, ни способов его практической реализации. А потому, не достигнув желаемого, нередко делают вид, что желали достигнутого.

В социально-философском измерении СТ – это, прежде всего, коммуникативная деятельность, направленная на социальное конструирование реальности. Поясним. Термин «социальное конструирование реальности» ввели в широкий философский оборот П.Бергер и Т.Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» (The Social Construction of Reality. Anchor, 1961.) В рамках разделяемой ими феноменологической эпистемологии он означал *конструирование интрасубъективной смысловой структуры на основе когнитивных паттернов социального мышления и действия*. Их интериоризация (когнитивное освоение) социальным субъектом означала его социализацию в определенном социокультурном сообществе. Применительно к понятию СТ социальное конструирование реальности означает процесс формирования новых когнитивных паттернов социального мышления и действия, адекватных задачам инновационного развития (модернизации) России. Их социально-гуманитарная составляющая должна быть ориентирована на формирование *новых мотиваций* социального действия, т. е. обнаружение и использование новых источников социальной энергии.

Специфика СТ как способа социального конструирования реальности состоит в том, что объектом СТ выступает не системно-институциональный аспект социальной организации (социальные структуры, институты, роли), т. е. реальность, абстрагированная от человека и культурных артефактов его деятельности, но *коммуникативные практики* наличной социальности. СТ представляет собой субъект-ориентированную (субъект-субъектную) проективную деятельность, направленную на социальное конструирование заданных параметров коммуникативной среды человека.

В структуре проективной деятельности можно выявить самую цель (образ желаемого будущего) и средства ее достижения. Феноменологический анализ проективно-целеполагающей деятельности позволяет выявить сложный характер связи между самой целью и средствами ее достижения. По типу целе-средственной связи СТ можно условно подразделить на *жесткие и мягкие*. Жесткие социальные технологии могут быть адекватно представлены в парадигме классической рациональности. Их когнитивным основанием, как правило, выступает классическая социальная концепция. «Раз у Маркса ничего не сказано про этот класс, то его и быть не должно», – рассуждает герой «Котлована» А.Платонова, решив уничтожить всех деклассированных и бездомных. Жесткие СТ реализуют сценарии целерациональности, т. е. предполагают реализацию проекта минимально возможными средствами, не считаясь с человеческими и социально-культурными потерями своего «объекта».

Мягкие СТ являются более «щадящими» по отношению к своему объекту. Они требуют «когнитивной настройки», прилаживания к конкретному случаю ранее зарекомендовавших себя схем опыта, воплощенных в наличных когнитивных паттернах. Субъект деятельности личным когнитивным усилием преодолевает «эпистемологический разрыв» (М.Полани) между знанием усреднено-всеобщего и индивидуализированным случаем его применения. Мягкие СТ адекватны ценностной рациональности и требуют мобилизации «смыслосберегающих» методов социального познания: феноменологической дескрипции, экспертизы и социально-культурной герменевтики. Для исследования «фонового знания» как когнитивной основы адекватного восприятия мягкого воздействия адекватны методы *этнометодологии*.

СТ, как правило, содержат элементы как жестких, так и мягких социальных технологий, но в различном соотношении. Воспитание и образование, напр., содержат отдельные элементы жесткой СТ (реализация нормативных предписаний и образовательных стандартов), но для успешной реализации требуют и мягких методов реконструкции смысловой структуры и ценностных ориентиров подростковых и молодежных сообществ.

В социальной практике СТ реализуются главным образом в процессах *управления*. Управление представляет собой неклассический тип социального взаимодействия, для которого характер-

на несоразмерность причины и следствия. Подобная несоразмерность свойственна и сложным неравновесным системам природы (сход лавины от звука голоса), но в социальных процессах управления подобная несоразмерность – не вырожденный, но типичный случай. «Причина», т. е. управленческое действие, в силовом, энергетическом и информационном отношении является сравнительно небольшим (воздействие-укол в нужном пространственно-временном локусе), последствия же способны произвести системные трансформации в масштабах всего социума и вывести его на новый путь-аттрактор устойчивого развития.

Равно как и СТ, социальное управление варьируется от жесткого, директивно-нормативного: военное командование, административное руководство («вертикаль власти»), исполнение судебных решений и т. п. до сравнительно мягкого: педагогика, психотерапевтическая помощь, юридическое сопровождение, социальная поддержка. Жесткое управление, как правило, осуществляется с помощью социальных структур и институтов, канализирующих человеческое поведение посредством механизмов социального контроля («административный ресурс»). В этом случае следствие с необходимостью следует за причиной по типу жесткого механического (лапласовского) детерминизма. Мягкое управление реализуется посредством целенаправленного формирования желаемых параметров коммуникативной среды своего объекта. В образцах мягкого, «средового» управления результат управленческого воздействия носит вероятностный характер. Его успешность зависит от достигнутого уровня коммуникативного диалога и взаимопонимания: умения субъекта управления не только посылать команды на языке, понятном его объекту⁵, но и предвосхитить (антиципировать) возможные схемы интерпретации управленческой команды объектом управления («как слово наше отзовется»).

Вероятность получения желаемого результата в случае мягкого управления тем выше, чем лучше субъект управления информирован о ценностных и смысловых предпочтениях (интерсубъективной смысловой структуре) своего объекта. Поэтому необходимым условием эффективности мягкого управления является исследование процессов седиментации значений, формирующих интересубъективную смысловую структуру коммуникативной среды объекта управления. Кроме того, для повышения эффективности мягкого управления необходима экспликация «фонового знания», т. е. куль-

турных априори объекта управления, воспринимаемых обыденным мышлением как «сами собой разумеющиеся» – именно они служат когнитивным основанием интерпретации управленческого сообщения (месседжа). Для их исследования адекватны методы современной *этнометодологии*.

Мягкие СТ не только более демократичны, но и благодаря развитию электронной культуры обладают большей «проникающей способностью» в равнении с институционализированными каналами жесткого управления. Поэтому мягкий тип социального управления представляется мне более перспективным. Он станет преимущественным предметом рассмотрения в настоящей статье.

2. Социальное управление и тип рациональности

Содержание понятия «социальное управление» детерминировано контекстом его употребления. В рамках классической рациональности деятельность управления вполне укладывается в рамки традиционной формулы «субъект – объект». При этом субъект выступает активным, программирующим началом, тогда как объект – система, управляемая естественными (или естественно-историческими) законами. Классическая концепция управления предполагает асимметрию «искусственного» (как более ценного) и «естественного», подлежащего переделке и преобразованию на основе достижений классической науки.

В целом же классическая концепция управления основана на следующих (отнюдь не всегда явных) когнитивных презумпциях:

– объект управления когнитивно «прозрачен»: у него нет скрытых параметров (качеств, связей, свойств), не ведомых субъекту управления;

– язык управляющего воздействия (команды) подобен искажающему эфиру классического естествознания и транслирует управленческую команду «буквально», не искажая и не предполагая ее субъективной интерпретации;

– управляющее воздействие и его результат связаны по типу классической причинности (линейный характер связи причины и следствия, отсутствие обратной связи управляющей инстанции с объектом управления – циклической причинности).

Неклассическая рациональность формирует предпосылки осознания более сложного характера связи субъекта и объекта управления. Это отражается в усложнении классической формулы S-O за счет включения в нее принципа относительности к средствам и операциям деятельности⁶. Подобный «субъект-субъектный» подход означает:

- связь управляющего воздействия и его результата осуществляется не по типу механической причинности, а как сигнальное взаимодействие с присущей ему несоразмерностью воздействия и результата (сигнал-причина как незначительное физическое воздействие приводит к несоразмерным по масштабу изменениям);

- отказ от классической презумпции «абсолютной прозрачности» языка сообщения. Осознание того, что восприятие команды – результат интерпретации, «преломления» сквозь призму интерсубъективной смысловой структуры объекта управления;

- необходимость учитывать обратное воздействие объекта управления на его субъект – формирование петли обратной связи (рефлексивность управления).

Постнеклассическая рациональность открывает новые возможности рефлексивного анализа управленческой деятельности. Она позволяет эксплицировать не только отнесенность к средствам и операциям деятельности, но и к ценностно-смысловым установкам субъекта и объекта управления. Исследование таких установок означает вовлечение в сферу рефлексивного анализа социального управления широкого коммуникативного контекста (среды), в рамках которого формируются ценностно-смысловые ориентации культурного сообщества (процесс седиментации социальных значений).

Мобилизация широкого социального контекста означает, что в рамках постнеклассической рациональности управление как субъект-ориентированная деятельность (субъект-субъектный подход неклассической рациональности) трансформируется в полисубъектную⁷, коммуникативную парадигму, параметры которой существенным образом заданы смысловыми характеристиками коммуникативной среды. Средовой подход в социальном управлении означает, что управляющее воздействие осуществляется не директивными методами, не на основе управляющего сигнала (команды), а путем целенаправленного *изменения средовых параметров* объекта управления.

«Средовое» социальное управление по определению является *мягким*. Оно предполагает *социальное конструирование условий* для желаемого (само)развития объекта управления на заданном пути-аттракторе устойчивого развития, создание и поддержание социально-культурных предпосылок реализации наиболее предпочтительного сценария его развития. Мягкое (средовое) социальное управление адекватно ранее упомянутым процессам обучения, медицинской и психологической помощи, юридическому и когнитивному сопровождению социальных процессов. И задача управления в контексте постнеклассической рациональности состоит в том, чтобы научиться социальному конструированию условий средового, сценарного управления. Именно это «теоретическое обоснование «экологического», «мягкого», сбалансированного и просчитанного, органического и незаметного социального действия и составляет теоретическую актуальность научного исследования СТ»⁸.

Когнитивными императивами социального управления в рамках постнеклассической рациональности являются:

– социальное конструирование объекта, восприимчивого к мягким, средовым воздействиям. Развитие способности не беспрекословного (жесткого) подчинения команде, а навыков ответственного и компетентного принятия решений на основе самостоятельного поиска ситуативно релевантной информации;

– учет социально-конструирующих функций языка (невозможности вневелингвистического доступа к социальной реальности) и порождающей силы контекста. На практике это означает преодоление упрощенных взглядов на простое семантическое декодирование сообщения-команды, но учет и изучение социальных функций всех ее возможных интерпретаций;

– связь управляющего воздействия и его результата осуществляется не столько как сигнальное взаимодействие на сам объект, сколько как мягкое воздействие на социокультурные параметры среды (контекста), в которую «встроен» объект управления.

Управление посредством целенаправленного изменения параметров среды не предполагает однозначного прогноза, поскольку все нюансы обратного (реактивного) воздействия объекта управления на ход процесса заранее предвидеть невозможно. Когнитивное сопровождение такого управления предполагает социальное конструирование и последующий анализ возможных *сценариев* даль-

нейшего развития. В сценарном мышлении постнеклассической рациональности образ желаемого будущего (СТ-продукт) представит как *кластер возможных сценариев устойчивого развития* – «созвездие возможностей» (В.С.Степин). Поэтому в основе сценарного мышления – не классически-детерминистские пролонгации наличных тенденций, а принципы социальной синергетики. Важнейший из них состоит в том, что реализация одного из возможных сценариев, т. е. выбор пути-аттрактора устойчивого развития, зависит от сравнительно небольшого энерго-информационного воздействия в нужном пространственно-временном локусе (точке бифуркации). Это означает практическую необходимость изучения процессов социальной самоорганизации и социальных механизмов их устойчивого развития, в частности, социально-интегративную роль «фабрики социальных значений» – анализ повседневности.

В выборе оптимального, т. е. наиболее предпочтительного сценария (и, соответственно, блокировке условий реализации наименее предпочтительных) следует руководствоваться не только соображениями целерациональности, но и принципами *социальной экологии*: непрерывности повседневности и минимизации социальных рисков.

3. Жесткое и мягкое социальное управление в контексте социальной онтологии

Определив содержания понятий жесткого и мягкого социального управления, обратимся к проблеме их соотношения. Но прежде сформулируем предварительные выводы.

– *Образцы жесткого (командного) социального управления* свойственны классическому типу научной рациональности. В когнитивном отношении ей соответствует классическая социальная концепция, жесткие классические идеализации которой адекватны состоянию социальной стабильности (марксизм, структурный функционализм). В социально-онтологическом плане жесткое социальное управление – атрибут административно-командной системы с присущей ей «формально-бюрократической рациональностью» социального управления. Формально-бюрократическая рациональность основана на сильной идеализирующей предпо-

сылке – представлении о том, что объект управления воспринимает не искажаемое социокультурной средой управляющее воздействие по типу военного приказа и выполняет его буквально – интерпретация исключена.

Когнитивные паттерны жесткого социального управления реализованы в советской административно-командной экономике. Ее главной, конститутивной характеристикой, отличающей ее от экономик рыночного типа, является всеобъемлющее планирование всех областей человеческой деятельности: от развития народного хозяйства («пятилетки») до научных открытий и технологических прорывов, приуроченных к знаменательным датам в жизни страны (пуск электростанций к октябрьским праздникам, запуск космических ракет к съездам КПСС и т. п.).

Объективная тенденция к универсализации планирования в условиях советской административно-командной экономики опиралась на заимствованные от традиционного общества псевдотеократические структуры сознания, активно используемые в осуществлении задач социальной модернизации. Теократические установки выразились в стремлении поставить под государственный контроль все стороны общественной жизни: от экономики до высших сфер искусства и философии. В условиях господства жесткого социального управления тоталитарного типа любые очаги самоорганизации отождествлялись с социальной девиацией, антигосударственной, а то и просто антиобщественной деятельностью. Директивная сила плана, придание ему силы закона, а главное – отсутствие гибкой настройки и обратной связи с объектом управления не только заметно снижали эффективность управленческой деятельности, но и способствовали трансформации реальных социальных запросов в откровенно утопические проекты (продовольственная программа, жилищная программа, программа «500 дней» и т. п.).

Жесткая модель социального управления обнаруживает пределы своей адекватности еще в условиях административно-командной экономики по мере усложнения объекта управления. Неадекватность жесткого социального управления в СССР обнаружилась в становлении нетрадиционных для жесткого управления объектов, приобретающих все большее значение в общественной жизни страны. Это социальные конфликты, протестные (дис-

сидентское, националистическое и т. п.) движения, молодежные субкультуры и т. п. Объективным свидетельством «прорыва» социальной материи за рамки жестких паттернов социального управления стало развитие кооперативного движения в СССР – первая ласточка трансформации административно-командной экономики в рыночную. Потребностям рыночной экономики соответствуют мягкие методы управления. Конъюнктура рынка требует гибкой настройки на изменчивый спрос и диверсификацию потребностей, неперменного учета «петли обратной связи».

– *Образцы мягкого социального управления* восходят к когнитивным практикам неклассической рациональности и достигают расцвета в рациональности постнеклассической. Им адекватна не классическая социальная концепция, но мягкие методы социального анализа – экспертиза, социально-культурная герменевтика, этно-методология. В социально-онтологическом плане им соответствует сетевая (средовая) парадигма информационного управления, присущая рыночной экономике с обратным воздействием (коммуникативным откликом) на вариативную конъюнктуру рынка.

Средовая парадигма мягкого социального управления, адекватная постнеклассической рациональности, означает, что управление осуществляется не путем непосредственного воздействия (силового или сигнального) на объект управления, а путем соответствующей «настройки» его коммуникативно-смысловой среды. Постнеклассическая рациональность апеллирует к самоорганизующимся системам, которым свойственно размывание жесткой дихотомии искусственного и естественного. В таких системах оптимальной стратегией управления является стимулирование соответствующих механизмов самоорганизации, например, путем мягкого, информационного сопровождения.

Желая подчеркнуть мягкость управленческого воздействия, в подобном случае нередко прибегают к терминологической замене «управления», нередко ассоциируемого с командным «криком», на более щадящий термин «сопровождение». Поясним на примере, почерпнутом из практики педагогического сопровождения процесса всеобщего среднего образования. Воспитательная работа хорошего педагога не ограничивается не только нравственными наставлениями (или порицаниями) по типу библейских заповедей или морального Кодекса строителей коммунизма,

но и личной презентацией образцов (паттернов) достойного поведения. В целях мягкого, латентного воздействия хороший учитель апеллирует к ближайшему коммуникативному окружению ученика, прежде всего – к его домашней группе. Формируя (или модифицируя) смысловые характеристики его первичной социальной группы, он оказывает мягкое, опосредованное воздействие на сознание ученика. К аналогичным практикам мягкого сопровождения прибегают и в постмедицинской реабилитации лиц, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. В настоящее время установлено, что решающим фактором социального закрепления результатов медицинской реабилитации социально девиантных зависимостей является модификация ближайшего коммуникативного окружения (смена «дружеской компании») как решающее средство коммуникативной поддержки «новой» субъективной реальности. Таким образом, экспликация принципов мягкого социального управления опирается на наличный опыт мягких коммуникативных практик (педагогического сопровождения и социальной реабилитации).

Мягкое социальное управление, без сомнения, более эффективно применительно и к таким сложным объектам, как социальный конфликт (экономический, этнический, межрелигиозный). В демократически организованном обществе столкновение интересов – нормальное явление, однако каждый конфликт требует творческого подхода к выбору мягких стратегий управления. Наилучший способ управления социальным конфликтом заключается в социальном конструировании условий, при которых он «гаснет» сам по себе.

Когнитивный анализ конфликтов на постсоветском пространстве (трудовых, этнических, религиозных и т. п.) свидетельствует, что в их основе – не только нерешенность базовых социально-экономических проблем, но и разрушение фундаментальных структур понимания и ориентации в социальном мире – коммуникативных структур жизненного мира человека. Опыт разрешения социальных конфликтов в индустриально развитых странах свидетельствует о том, что удовлетворение базисных социально-экономических потребностей, общее повышение качества жизни и уровня социальной защищенности способны заметно снизить остроту социальных конфликтов. Но

при этом важнейшую социально-стабилизирующую роль играет самоидентификация человека в системе духовных координат своего времени, в интересующей смысловой структуре социально-культурного сообщества. Главная причина неудач предшествующих масштабных социальных проектов (нанотехнологий, модернизации, инновационного развития и т. п.), на наш взгляд, состояла в том, что *их внедрение в ценностно-смысловые структуры общественного сознания осуществлялось по типу жесткого социального управления*. Такое управление не учитывает когнитивных особенностей рецепции инновационных проектов массовым сознанием, не предполагает изучения механизмов трансформации интересующей смысловой структуры. Спущенные «сверху» без надлежащего разъяснения их смысла и значения, такие проекты не в состоянии активировать новые источники социальной энергии. Ибо, как показал один из наиболее глубоких философов XX в. Э. Гуссерль, наука, оторванная от жизненного мира человека, способна породить не только «кризис европейских наук», но и кризис европейского человечества вообще.

Тенденция к увеличению удельного веса мягких методов социального управления по мере активизации рыночных механизмов в современной России не означает полного угасания значимости жестких. Выбор управленческой стратегии в каждом конкретном случае осуществляется на основе социальной целесообразности. Он детерминирован не только социокультурными особенностями объекта управления, но и оценкой порождаемых ситуацией социальных рисков. В ситуации, когда объектом управления выступает экологическое бедствие, техногенная катастрофа или террористическая угроза, использование жестких методов социального управления, основанных на профессиональной компетенции, не только стратегически целесообразно, но и морально оправдано. Ибо в условиях повышенной социальной ответственности профессиональная компетентность (и, добавим, управленческие решения, принятые на ее основе) с необходимостью обретает этические характеристики⁹.

4. Основные принципы мягкого социального управления

В основе мягкого социального управления можно условно выделить следующие регулятивные принципы: принцип учета социокультурных параметров объекта, принцип толерантности, принцип герменевтического реализма. Как правило, в явном виде они не осознаются самим субъектом управления и выявляются лишь в процессе когнитивно-методологической рефлексии управленческой практики.

1. *Принцип учета социокультурной специфики объекта* требует гибкой настройки на коммуникативно-смысловые параметры объекта управления. В когнитивном отношении мягким методам социального управления адекватна *социально-культурная экспертиза* объекта. Главное когнитивное преимущество экспертизы в сравнении с использованием классических идеализаций, адекватных жесткому административно-командному управлению, состоит в том, что она позволяет учесть культурную индивидуальность и ценностно-смысловые характеристики объекта управления.

Методологический анализ экспертизы как формы мягкого социального анализа не входит в задачу настоящей статьи. Отметим лишь ее адекватные функции мягкого социального управления когнитивные характеристики:

– взаимодействие научного и вненаучного социального знания в структуре экспертной оценки. Когнитивная мобилизация вненаучного социального знания позволяет преодолеть теоретическую дальнорочность классической социальной концепции и на практике реализовать социально-феноменологический «принцип адекватности»: поиска генетической связи социально-научных понятий с жизненным миром человека;

– экспертиза как абдуктивный вывод (по неполному основанию). Эта когнитивная особенность экспертизы открывает пространство для реализации социального воображения в принципах сценарного мышления, «не предписанных» жестко правилами формально-логического вывода;

– семантический анализ языковых практик в структуре экспертизы обнаруживает сложную констелляцию научного и вненаучного языка в структуре экспертной оценки, открывает широкие

возможности использования аналоговых образов и литературных метафор, связывающих научные понятия с конструктами обыденного сознания;

– социальные конвенции в структуре экспертизы имеют специфические особенности: это консенсус профессионалов, опирающийся не столько на доказательства, сколько на убеждение. В условиях мягкого социального управления, объектом которого является массовое, а не научное сознание по преимуществу, эта когнитивная характеристика мягкого социального управления нередко приобретает решающее значение.

2. *Принцип герменевтического реализма.* Этот термин подразумевает использование метафоры текста для обозначения социальной реальности. В социальной эпистемологии метафорика текста широко используется для обозначения процессов семантического раскодирования символического содержания социальных и культурных агрефактов. Восходящее к нему направление в социальной эпистемологии Патрика Хилана (**Patrick Heelan**) основано на представлении о том, что социальный объект дан нам в технологиях прочтения предметов познания как «текстов».

Герменевтический реализм исходит из того, что социальная реальность всегда конституирована смысловым образом, будучи текстуализированной и доступной прочтению¹⁰. Применительно к интересующей нас проблеме это означает следующее. Для эффективного воздействия на социокультурные параметры среды в процессах мягкого управления необходима предварительная реконструкция ее смысловых характеристик – интерсубъективной смысловой структуры. Показательно, что повышение внимания к смысловым (мотивационным) характеристикам человеческой деятельности характерно для одной из самых строгих и точных социальных наук – экономики. Тематический анализ «прорывных» исследований в этой области, удостоенных Нобелевских премий за последние годы, свидетельствует о непрерывном нарастании удельного веса работ, исследующих влияние на экономическую деятельность факторов субъективной мотивации, информированности, взаимного доверия агентов экономического процесса. В этой связи специалисты говорят о становлении новой области экономического анализа – *поведенческой* экономической теории. Она исследует специфику принятия решений в условиях неопре-

деленности (конфликта, кризиса, неравной информированности рыночных игроков), принципы стимуляции самоограничений, корпоративного контроля, снижения структурной безработицы¹¹. Социальная феноменология описывает подобные процессы в терминах реконструкции intersубъективных смыслов, объединяющей индивидов в относительно устойчивые социокультурные сообщества. Подобной задаче адекватны методы *этнометодологии*.

Методологической презумпцией этнометодологии является возможность использования методов изучения дописьменных обществ для исследования intersубъективной смысловой структуры современных социокультурных сообществ. Суть этнометодологического метода изучения социальных коммуникаций состоит в экспликации «фонового знания» – непроговариваемого когнитивного фундамента социальных коммуникаций. Это культурное априори, «само собой разумеющееся» определенного социального сообщества. Сравнительное изучение повседневных разговоров («конверсационных логик») методами этнометодологии¹² и экспликация непроговариваемого содержания коммуникативных практик составляет когнитивное основание реконструкции intersубъективной смысловой структуры социального сообщества.

Методологическим императивом когнитивной деятельности по исследованию иных типов социального опыта является соблюдение феноменологического постулата «чистоты метода» – требования воздерживаться от привнесения в исследуемый предмет собственных социальных значений, почерпнутых из традиций образования, профессиональной подготовки, научной школы, а также и здравого смысла своего культурного и профессионального сообщества. Полностью эксплицировать и нейтрализовать воздействие на предмет исследования собственных социокультурных предпосылок невозможно¹³, но методологически культивируемое стремление строго следовать постулату чистоты метода способно избавить от «демона реификации», который нередко одолевает исследователя, стремящегося рассматривать теоретические вопросы в отрыве от методологических.

3. *Принцип толерантности*, фундамент которого составляет этика ненасилия, означает возможность объекта управления осуществлять социальное конструирование коммуникативной среды и социально идентифицироваться в ней. Непременным условием

такого социального конструирования является *информационная открытость*, возможность принимать решения на основе ответственного выбора релевантной информации. На языке социологии повседневности принцип толерантности означает признание легитимности плюрализма социокультурных жизненных миров с присутствующими им культурно-стилевыми, религиозными и иными особенностями, императив невмешательства структур социального управления в повседневную жизнь человека (экологию повседневности).

В отсутствии масштабных социальных рисков (экологических бедствий, техногенных катастроф и т. п.) предпочтителен сценарий мягкого социального управления – социального конструирования параметров коммуникативной среды. Однако, вопреки господствовавшему в 1980–1990-е гг. неолиберальному социал-дарвинизму, принцип толерантности вовсе не означает полного отказа от управления процессами социализации и воспитания. Но процессы эти – повторим – необходимо осуществлять не директивными методами, но мягкими методами реорганизации социокультурной среды. И в этом отношении в современной России мы наблюдаем кричащие противоречия между официально декларируемыми и конвенционально принятыми приоритетами, с одной стороны, и тенденциями эволюции социокультурной среды, с другой. Так, поставив задачу борьбы с коррупцией и преступностью, особенно подростковой, мы наблюдаем почти экспоненциальный рост сцен насилия, коррупции и бандитизма на экранах ТВ – для многих подростков единственного окна в большой мир. Между тем, образцы мягкого, незаметного, латентного (но оттого не менее действенного) воспитания посредством ТВ можно и позаимствовать. Так, если в американском вестерне полиция преследует нарушителей закона, среди которых – афроамериканец, то в роли одного из полицейских также непременно афроамериканец. А на китайском ТВ реклама товаров перемежается с рекламой образцов благопристойного поведения: ребенок подвязывает ветку дерева, молодой человек помогает старику перейти дорогу и т. п.

Задачи инновационного развития в современной России активизируют социальный запрос на мягкие методы социального управления. Почему? Во-первых, инновационное развитие означает заметное увеличение темпов социальной динамики. А это, в свою очередь, актуализирует задачу гибкой настройки на быстро

меняющиеся параметры социальной среды. Во-вторых, инновационное развитие в сфере научных и промышленных технологий повышает уровень требований к человеческому ресурсу, способности ответственного принятия решений на основе ситуативно релевантной информации. Наконец, в-третьих, осуществление задач социальной модернизации и инновационного развития невозможно без дальнейшей демократизации общественной жизни. А это, в свою очередь, означает необходимость повышения качества обратной связи СТ для выбора оптимальной стратегии последующих управленческих решений.

Примечания

- ¹ *Касавин И.Т.* Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXVI. № 4. С. 11.
- ² Наделение социальной деятельности атрибутивным признаком проекта можно обнаружить еще у К.Маркса: «худший архитектор от лучшей пчелы отличается тем, что, прежде чем построить дом, он строит его в своей голове» – Экономическо-философские рукописи 1844 г.
- ³ *Шюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 117–118.
- ⁴ Следуя феноменологической традиции, под типизацией мы будем понимать смысловую конфигурацию, сложившуюся эмпирически в синтезе опытов.
- ⁵ В социальной феноменологии это требование называется постулатом адекватности.
- ⁶ О типах рациональности см. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003.
- ⁷ *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М., 2010. С. 117. Термину «полисубъектная среда» я предпочитаю более привычный «коммуникативная среда».
- ⁸ *Касавин И.Т.* Социальные технологии и научное знание. С. 11.
- ⁹ *Гусейнов А.А.* Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль. М., 2000.
- ¹⁰ *Гинев Д.* Между феноменологией и постаналитической философией: перспектива герменевтического реализма // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXVI. № 4. С. 17.
- ¹¹ *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М., 2010. С. 117–127.
- ¹² Подробнее см.: *Огурцов А.П., Смирнова Н.М.* Этнометодология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 1177–1180.
- ¹³ Эта сложность осознается в «парадоксе бесконечной триангуляции» А.Сикурела: экспликация одних предпосылок неявным образом вовлекает другие, в свою очередь, также требующие прояснения.

Этическая инфраструктура в университете: мягкие социальные технологии

Концептуализация социальных технологий в университете

Представление о социальном является ареной борьбы между сторонниками и противниками его онтологической самостоятельности. Наделение социального самостоятельным онтологическим статусом ставит перед защитниками такой позиции задачу спецификации соответствующих качеств объектов. Указанная концептуальная стратегия оказывается связана с систематическим производством избыточных по отношению к любому данному множеству объектов объяснений. Преодолеть растворение социального в серии «добавочных» объяснений может точка зрения, в соответствии с которой социальное, не обладая онтологической самостоятельностью, является эффектом, производимым внутри различных типов многоакторных взаимодействий¹. Если рассматривать взаимодействия в человекообразной перспективе, то совокупность связанных с ними процессов и результатов можно обозначить термином «мягкие социальные технологии»². Следует подчеркнуть, что действие мягких социальных технологий осуществляется через коммуникацию и благодаря ей. Следовательно, концептуализация социальных технологий требует исследования характера и средств коммуникации в определенной среде. В настоящей работе в качестве соответствующей среды рассматривается университет. Последние десятилетия связаны с усилением дискуссий о характере современной университетской коммуникации, которая подвергается существенным изменениям в результате бурно развивающихся процессов коммодификации знания³. Укрепление свя-

зей между университетской средой и бизнесом при этом рассматривается исследователями не только с точки зрения ограничения познавательной автономии науки, но и в плане угрозы ценностям академической культуры⁴. Реакцией на этот процесс является активизация попыток создания этической инфраструктуры научно-образовательной деятельности посредством процедур кодификации и создания этических кодексов⁵. В отечественных условиях связь академической среды с бизнесом гораздо слабее, однако процесс этической кодификации также постепенно набирает силу⁶. Представляется, что указанный процесс является отражением кризисных явлений в академической жизни как общемирового, так и российского масштаба. Таким образом, развитие этической инфраструктуры университетов в целом и создание этических кодексов в частности является способом более или менее тонкой настройки академической коммуникации в условиях кризиса.

Практики университетской коммуникации: случай России

На протяжении Нового времени университеты в Европе были не только и даже не столько местом обучения и исследования, сколько местом формирования гражданской ответственности и самосознания выпускников⁷. Сплетение научного и общественного в деятельности высшей школы было неоспоримым фактом. В советскую эпоху это единство было существенным образом подорвано в пользу общественной компоненты. Университет фактически потерял значение как самостоятельная общественная сила⁸. Предпосылки специфических проявлений сегодняшнего кризиса университетов в России были во многом сформированы именно тогда. На мой взгляд, преодоление трудного времени в истории высшего образования должно быть связано с восстановлением единства научно-преподавательской и активистской деятельности в рамках академического сообщества. В российских вузах есть талантливые исследователи и есть общественные активисты, однако, они, как правило, отделены друг от друга стеной недоверия. Нужно признать и осознать эту разобщённость, а также отнестись к ней как к стимулирующему поиск новых форм обстоятельству. Создание социальных практик, в которых будут

осуществлять своё гражданское и этическое самоопределение учёные и педагоги, является актуальной задачей именно с точки зрения социальных технологий. Инкубатором или полигоном для развития социальных технологий может стать площадка, где профессиональные компетенции представителей разных специальностей вступают в продуктивный диалог. В условиях узкой специализации научного знания необходимо оставить какое-то «окно» связи с внешним миром, включая сюда и представителей других наук. Могут возразить: такое окно уже существует, и оно называется научная этика. Но должны ли удовлетворять требованиям научной этики в её Мёртоновской версии представители факультета искусств или бизнес-школы? Очевидно, здесь необходимо какое-то более широкое объединяющее основание, в качестве которого и может выступить уже не просто этика науки, а академическая этика. Эта последняя является, с одной стороны, технологичным ответом на потребность в прагматической консолидации академического сообщества перед лицом бурно изменяющейся структуры профессий и компетенций и, с другой стороны, способом «внутренней» кристаллизации стратегий академической коммуникации перед лицом кризиса университетов. Только сейчас в отечественной практике становится реальностью то, что, например, в США уже давно приобрело черты «этического бума»⁹. Соответственно, помимо прочего, деятельность в области академической этики следует воспринимать и как способ коррекции институтов образовательной системы в условиях Болонского процесса, т. е. в терминах развертывания платформы для реализации мягких социальных технологий.

Академическая этика и принципы создания этической инфраструктуры

Происходящие изменения значительно увеличивают самостоятельность студентов и их студентов на процессы, происходящие внутри академического сообщества. Но своеобразие их статуса заключается в том, что они являются одновременно и членами сообщества, и потребителями тех услуг, которые это сообщество предлагает¹⁰. Соответственно, к ним невозможно напрямую применить

действие стандартов тех или иных стандартов рациональности, которые могли бы восприниматься как внутреннее ядро научно-исследовательской деятельности. Напротив, академическая этика принципиально строится как совокупность открытых публичных практик оптимизации образовательного процесса.

Занятия академической этикой являются в российских условиях одной из форм реализации активистской позиции внутри научно-образовательного поля, интегрирующей студенческие и преподавательские запросы. Общественный активизм в университете проявляется прежде всего в установке на критику действующих оснований и условий воспроизводства интеллектуального сообщества, которое сможет претендовать на широкое общественное признание, только если оно станет действительно актуальным для самого себя. Мерой этой «самоактуальности» является вовлеченность членов сообщества в осуществление возможно большего числа проектов.

Изменения в жизни сообщества, таким образом, будут результатом обратного влияния деятельности этих центров активности на общий дискурсивный ландшафт. Успешность профессиональной деятельности в современной науке определяется способностью сделать отдельные исследовательские достижения интересными непрофессионалам, имеющими оптимально широкий резонанс. Следствием такого резонанса в пределе должно становиться артикулирование научных результатов в новых социальных практиках. Именно в академической этике (да и в прикладной этике вообще) «зазор» между исследованием и применением минимален. Исследование при этом принимает форму учреждения и обоснования определённого числа принципов инфраструктурной консолидации академического сообщества. К числу этих принципов можно отнести следующее.

1. Принцип коллегиальности: все важные решения должны приниматься сторонами образовательного процесса совместно, по возможности с привлечением незаинтересованных третьих лиц, обладающих соответствующей компетенцией.

2. Принцип доверия: все стороны образовательного процесса разделяют в отношении друг друга убеждение в высоком чувстве ответственности за результаты профессиональной и учебной деятельности до тех пор, пока убедительно не доказано обратное.

3. Принцип необходимых ограничений: каждая сторона образовательного процесса при некоторых обстоятельствах вправе требовать от другой стороны безусловного выполнения определённых правил или процедур, ограничивая тем самым свободу другой стороны.

4. Принцип доказанной целесообразности: каждая сторона образовательного процесса вправе обоснованно сомневаться в необходимости осуществления тех или иных действий для достижения конечной цели образовательного процесса и требовать и получать развернутое доказательство наличия такой необходимости.

5. Принцип адекватности: каждая сторона образовательного процесса вправе получать от другой стороны информацию и претерпевать воздействие в объёме, адекватном запросам, потребностям и способностям первой стороны.

Проблемы имплементации инфраструктурных принципов

«Простота»¹¹ перечисленных принципов в соединении с мерой сопротивления, которую они вызывают, является лучшим доказательством специфического состояния российской академической среды. В основе разговора об академическом сообществе в России лежит неустранимое подозрение по поводу его возможности. Причиной этого выступает недоопределённость сообщества в повседневной организации научно-образовательной деятельности, неовплощённость её в наборе совместно разделяемых техник и правил поведения. Существование академического сообщества продолжает быть возвышенной иллюзией или недостижимым образцом, вместо того чтобы стать системой практик. Академическая среда России во многих своих составляющих представляет собой очаг сопротивления модернизационным процессам, причем сопротивление парадоксальным образом организованного в риторике модерна. Дело обстоит таким образом, что декларация подозрительности в отношении одной части академической среды становится пропуском на попадание в другую её часть. В результате вместо содержательной полемики представителей различных групп мы имеем бесконечный ритуальный танец, представляющий собой одну и ту же фигуру. В такой ситуации любая отдельная инициатива почти не имеет шансов на спокойное, взвешенное обсуждение:

она непременно будет осмеяна и отвергнута, её обязательно будут третировать как скрытое властное притязание. Академическая среда, таким образом, оказывается не в состоянии инициировать и осуществлять академическую политику.

Состоится ли академическое сообщество в России, зависит от того, удастся преодолеть господство логики взаимного недоверия¹². Для этого не нужно задавать заведомо обречённые на неудачу вопросы о том, что такое сообщество, что такое «академия». Нужно совместно создавать, развивать и стимулировать трансдисциплинарные практики, в которых будут участвовать учёные-профессионалы из разных отраслей знания. Созданию таких практик, на мой взгляд, способствует углубленная рефлексия проблемы академической этики. Важно отметить, что эффект совместности возникает в таком случае до складывания определенной «концептуальной» платформы¹³. Воля к совместности, проявленная в общественном активизме внутри (и вне) научно-образовательного пространства, должна рассматриваться как главная составляющая мягких социальных технологий в академической среде. Следует прекратить возведение ироничной отстранённости в ранг основополагающей рефлексивной добродетели.

Общественный активизм академического интеллектуала проявляется прежде всего в установке на продуктивную критику действующих оснований и условий воспроизводства как отечественной научно-образовательной среды в целом, так и отдельных её институций. Интеллектуальная деятельность никак не может оставаться в границах чистой теории. Ближайшим полем её реализации естественно должно становится академическое сообщество, являющееся питательной средой интеллектуалов. К числу болевых точек, нуждающихся в широчайшем публичном обсуждении, относятся, в частности, неразличение научно-образовательной и просветительской деятельности, замкнутый внутри самих корпораций процесс кадрового обновления, совмещение научной и административной карьеры.

Инструментом решения указанных проблем может быть этический кодекс, занимающий позицию центрального звена этической инфраструктуры. Действенность кодекса зависит от чёткой проработки вопроса о способах контроля за соблюдением его рекомендаций. Оставляя в стороне замечание о необходимости операцио-

нализации таких предписаний, хочу отметить, что такой контроль не может и не должен осуществляться исключительно изнутри той самой организации, деятельность которой регулирует кодекс. Происходящая при этом своего рода этическая инкапсуляция грозит превращением любой контролирующей инстанции в инстанцию *самоконтроля*, проникнутую апатией или административным восторгом. Внедрение кодекса требует инструментов публичного, внешнего по отношению к конкретной институции контроля за соблюдением его предписаний. Разумеется, сохраняются также и инструменты внутреннего контроля в пределах самой институции. Для описания системы инструментов этического контроля и, говоря шире, этического регулирования определенной сферы профессиональной деятельности наиболее релевантно понятие этической инфраструктуры. Инфраструктура в данном случае может быть понята как семейство сетей, каждая из которых является счётным множеством нелинейно связанных элементов. Применительно к практике внедрения этического кодекса это означает, что его эффективность зависит от насыщенности инфраструктуры *различными* типами элементов. Этическая комиссия не должна монополизировать функции «нравственного контроля» в университете. Полноправными участниками процесса этического регулирования могут быть также попечительский совет университета, ассоциация выпускников университета, представители региональных и федеральных СМИ и т. д. Существенно важным является то, что в состав перечисленных органов входят лица, которые не зависят непосредственно от администрации вуза и его подразделений. К деятельности, связанной с этическим регулированием могут быть также привлечены представители региональных подразделений профсоюзных организаций.

Сообщество как регулятив этической инфраструктуры

Вопрос заключается не в том, каким именно должно быть сообщество, а в том, почему только стремление к существованию в виде сообщества может считаться основой для успешного создания этической инфраструктуры в академической среде. Мой ответ заключается в том, что именно установка на сообщество способна

обеспечить удержание постоянно высокого уровня интеллектуального поиска. Иными словами, если сообщество функционирует, то оно уже достигло некоторой интуитивной ясности в отношении своего функционирования. Работающее академическое сообщество – это своего рода моральная машина¹⁴. Такой машине не обойтись без академической этики, выступающей в качестве своего рода инструкции по эксплуатации.

Понятие машины применительно к проблематике академического сообщества и его инфраструктуры интересует меня в двух аспектах. Во-первых, функционирование машины построено на упразднении иерархического соотношения входящих в неё элементов. То есть, например, нельзя сказать, что в легковом автомобиле руль более важен, чем двигатель. Детали машины соотнесены или, точнее говоря, скоординированы таким образом, чтобы каждый отдельный элемент конструкции обладал своеобразной функциональной уникальностью. Это позволяет менять детали машины, но не позволяет произвольно менять набор выполняемых ею функций. Во-вторых, фиксация работоспособности каждого элемента в машине производится по его действиям. Частью машины в смысле детали может, видимо, считаться только то, что участвует в выполнении рабочей функции. Элемент машины не может быть тотально непроектируем. Во всяком случае, это не может быть его нормальным состоянием.

Указанные черты могут быть перенесены с анализа техники на анализ социального устройства. Сама по себе идея применения понятия о машине к области межчеловеческих отношений не является, как известно, новой. Здесь не место входить в разбор истории вопроса, хотя в последнее время наблюдается заметное оживление интереса к этой теме. На мой взгляд, метафора машины позволяет зафиксировать две важные характеристики определённого типа мягких социальных технологий. Того типа, который можно назвать взаимодействием в сообществе.

Мой тезис заключается в том, что каждое сообщество может рассматриваться в качестве моральной машины или серии моральных машин со своим режимом функционирования. Моральность машины означает в этом контексте, что упразднение внутренних иерархий и определение производительности осуществляется изнутри машины, посредством её элементов. Машина через конфи-

гуирование элементов определяет, что и как она будет делать. Очевидно, что речь о свободе элементов внутри машины не идёт. Однако они свободны в смысле «изолированности» от внешнего воздействия. Моральная машина радикально неуправляема в том смысле, что её функционирование не поддаётся внешнему инициированию. Моральная машина не может быть принуждена к действию извне.

Запуск моральной машины, соответственно, представим как достижение всеми её элементами приемлемого уровня соотнесённости, сопровождающееся затуханием спонтанных флуктуаций. «Разогрев» моральной машины заключается в выработке оптимальных способов взаимодействия между элементами. Иначе говоря, инициальная фаза функционирования моральной машины заключается в налаживании каналов коммуникации между её элементами и завершается после того, как это происходит. Причём существенным является возможность отсутствия каких бы то ни было предварительных ограничений на коммуникацию. Желательным является достижение максимальной коммуникативной доступности каждого элемента. Более того, степень коммуникативной доступности может превращаться в интегральный показатель эффективности производительных усилий того или иного члена сообщества. Каждый элемент моральной машины должен нечто сообщать. Упорядоченные последовательности коммуникативных актов формируют «личностные профили» элементов, определяющие характер их (само)репрезентации в социальном пространстве.

Перспективы развития этической инфраструктуры в университете

Современная научно-образовательная система меняется очень быстро, поэтому тот или иной текст, связанный с данной системой, часто рискует устареть быстрее, чем будет опубликован. В особенности это касается документов в области этической кодификации. Избежать этого можно путем организации на сайтах соответствующих институций постоянных разделов, посвященных интерактивному обсуждению текстов кодексов и других документов в области

академической этики с возможностью электронного голосования всех зарегистрированных пользователей. Документы, подобные кодексу, будут действительно выполнять функции элементов мягких социальных технологий для всех членов университетского сообщества, если все они смогут принимать действительное участие в его создании. Для интерактивного обсуждения кодексов, а равно и для облегчения его повседневного использования, такие тексты желательно снабдить подробной рубрикацией, облегчающей нахождение тех или иных конкретных разделов.

Сфера применения этических кодексов в академической среде вряд ли может быть описана с достаточной степенью корректности любым экспертом. Тем не менее, ориентируясь на общее представление о специфике организации университетской деятельности, я обозначил бы следующие направления: 1) исследовательская деятельность (недопущение плагиата, почетного авторства и т. п.); 2) учебная деятельность (недопущение каких-либо форм эксплуатации учащихся, дискриминации и т. п.); 3) вопросы кадровой политики (прием молодых специалистов, ротация кадров, критерии конкурсного отбора и т. д.); 4) вопросы материального стимулирования работников (установление справедливого вознаграждения, распределение дополнительных выплат).

В задачи настоящего текста не входило формулирование исчерпывающих рекомендаций по созданию этической инфраструктуры в университетах. Я пытался прояснить условия, способствующие созданию среды, пригодной для извлечения из совместной интеллектуальной деятельности в пространстве университета значимых для каждого её участника результатов. Причем качество результатов оценивается не по их «фундаментальности», а по уровню удовлетворения потребностей личности. Такое удовлетворение достигается в процессе доверительного совместного обмена идеями, которые циркулируют в сообществе и одновременно создают основание для его существования. Установление атмосферы доверия в университете – это задача, решению которой должно и может содействовать развитие мягких социальных технологий в области академической этики.

Примечания

- ¹ См.: *Latour B. Reassembling the Social. Oxford, 2005.*
- ² *Касавин И.Т. Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. Т. XXVI. № 4. С. 8.*
- ³ См.: *Radder H. (ed.). The Commodification of Academic Research. Pittsburgh, 2010.*
- ⁴ *Kunnean H. Viable Alternatives for Commercialized Science // Radder H. (ed.). The Commodification of Academic Research. Pittsburgh, 2010. P. 308.*
- ⁵ *Radder H. Mertonian Values, Scientific Norms and the Commodification of Academic Research // Radder H. (ed.). The Commodification of Academic Research. Pittsburgh, 2010. P. 239–241.*
- ⁶ В качестве примера можно указать на Этический кодекс МГУ им. М.В.Ломоносова, вступивший в действие 17.11.2009. Текст кодекса см.: <http://www.dmr2.ru/all/msu/ekodeks.pdf> (дата проверки 12.04.2011).
- ⁷ См. формативный для данной позиции текст В. фон Гумбольдта О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине (*Неприкосновенный запас*. 2002. № 2 (22). С. 5–10).
- ⁸ См. об этом мою статью: *Сафронов П.А. «Чутко отразить все требования революции»: советский университет в 1920-е–1930-е гг. // Вопр. образования. 2010. № 4. С. 182–196.*
- ⁹ *Davis M. Ethics and the University. L., 1999. P. 8.*
- ¹⁰ См об этом: *Прокофьев А.В. Этический кодекс академического сообщества – параллельный опыт разработки // Ведомости. Вып. 34 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень, 2009. С. 96–113.*
- ¹¹ В смысле близком веберовской «простой интеллектуальной честности». См.: *Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М Избранное. 2-е изд. М., 2006. С. 546.*
- ¹² К обсуждению проблематики доверия подключен в настоящее время широкий круг специалистов в области общественных наук. Пример социологического анализа этого вопроса с использованием количественных методов см. напр. в кн.: *Buskens V. Social Networks and Trust. N.Y.–Boston–Dordrecht–L., 2002.*
- ¹³ О том, как это происходит см. статью Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности (НЛЮ. 2006. № 77).
- ¹⁴ Термин «моральная машина» заимствован нами. См. работу: *Allen C., Wal-lach W. Moral Machines Teaching Robots Right from Wrong. Oxford, 2009*, где он применяется для анализа проблем, связанных с развитием искусственного интеллекта. В настоящей статье он используется вне связи с проблемами ИИ, хотя и предполагает связь с вопросами «технологической организации» взаимодействия в пост-человеческой среде.

**Управление пониманием
в процессах социального развития:
возможные технологические конфигурации***

Технологии социальных изменений остаются одним из самых интересных и проблемных современных вопросов сразу для представителей многих социальных групп и профессиональных сообществ, имеющих разные установки, формы мышления и понимания, способы действия: политиков и философов, коммуникаторов и социологов, представителей региональных властей, бизнеса и общественных организаций, важнейших социальных институтов – образования, здравоохранения, культуры. Прибавим к этому то, что участниками социальных перемен по итогу становятся и те, кто не является активно заинтересованными в вопросах теории или технологий, но заинтересованы в результатах и итогах социальных перемен, приводящих к переменам в их повседневной жизни. Такая разноплановость активных и пассивных участников социальных изменений делает разработку технологий социальных перемен достаточно непростой деятельностью, потому что в первую очередь эта деятельность ставит вопрос об организации взаимного понимания. В силу уже упомянутой разности ценностных установок и образовательного уровня вряд ли можно поставить задачу создания общего для всех дискурса по поводу социальных перемен, который задавал бы общий для всех порядок понимания. Ещё для первой половины XX в. **социальные перемены было воз-**

* Статья выполнена в рамках НИР «Гуманитарное знание и социальные технологии». Госконтракт с Министерством образования и науки РФ от 15 сентября 2010 г. № 14.740.11.0223.

можно (пусть и с большими искажениями от заявленного идеала) осуществлять с опорой на естественнонаучные представления о социальности, тотальные проектные конструкции и представления о единой антропологической реальности¹, – и в этом смысле было возможно приближаться к единому дискурсу, обеспечивающему понимание практически всех. Сегодня же, в связи с изменениями видения стратегий социального развития, изменениями представлений о социальной и антропологической реальности, с процессами дифференциации и различия, происходящими в обществе, управление пониманием и взаимопониманием в ходе социальных перемен становится ещё более важной задачей, однако для её решения приходится использовать сложный и столь же дифференцированный, как и сам объект перемен, технологический набор.

Дифференциации риторического дискурса происходит параллельно с усложнением и дифференциацией социальности. Как известно, простейшая ситуация управления пониманием начала рассматриваться древними греками как ситуация убеждения отдельного человека или группы людей с помощью правильного построения речи – риторики. Разработка правил риторики и обучение этим правилам были одновременно созданием единого порядка построения речи и её понимания, формированием ожиданий от убедительной речи в отличие от неубедительной. Но вместе с изменением социологических представлений, особенно в связи с введением представлений об аутопойэзисе², самопорождении социума³ и построения модели общества, где коммуникации и смыслообразование представляются процессами, порождающими социальные структуры⁴, появляется возможность сопоставлять понимание и социальные перемены, поскольку понимание уже не рассматривается лишь только как процесс, связанный с сознанием отдельного человека или двух общающихся между собой людей. Это очень точно охарактеризовал М.Кастельс: «Смысл постоянно продуцируется и репродуцируется через символическое взаимодействие между актерами, определяемыми этой социальной структурой и в то же самое время действующими в направлении ее изменения или воспроизводства. Под смыслом я понимаю символическую идентификацию актером цели его/ее/их действий. Консолидация общих смыслов через кристаллизацию практик в пространственно-временные конфигурации создает культуры, ко-

торые являются системами ценностей и верований, определяющих содержание кодов поведения. В этой матрице отношений нет системного доминирующего фактора. Все пласты и каузальные отношения взаимопроникают друг в друга и могут быть разделены только аналитически»⁵. Понимание становится со-масштабным процессам социальных перемен⁶. Например, вводя представление о социуме, как самореферентной системе, Луман указывает, что развитие социальных систем ведёт к усложнению технологий управления процессом понимания, представляя процесс понимания как постоянное самоизменение смысла, происходящее через процессирование дифференции события и структуры⁷. Событие порождает его описание, порождающее следующее событие. Так происходит самоизменение смысла. Таким образом, управление смыслами и пониманием становится управлением событиями и структурами их описания (наблюдения, рефлексии, познания).

Собственно, мы наблюдаем дифференциацию риторического дискурса, как единственного и единого в простейших ситуациях управления пониманием в коммуникации на типы и отдельные техники управления пониманием аналогично тому, как показал С.А.Наумов, происхождение путём дифференциации разных операторов пространства публичной коммуникации (легитимных позиций, экранов, знаковых конструкций, собственно событий) из одного исходного оператора – события, понимаемого как некоторое происшедшее, о котором потом рассказано⁸. Эта дифференциация наблюдается в ситуации, когда слушателей явно больше одного, эти слушатели могут никогда произносящему речь/слово не встретиться в реальной его жизни, они ему незнакомы как конкретные люди и не будут никогда знакомы, когда слушатели одновременно являются ещё и зрителями и всё больше сами участниками (писателями, режиссёрами, певцами, организаторами событий и т. п.), когда слушатель работает в «клиповой технологии» восприятия, то есть не задерживает своё внимание надолго на одном сообщении. В ситуации, когда вообще невозможно определить – а кто он, этот слушатель? (До этого понимания наконец дошли даже российские гуру пиара, обсуждая, что понятие «целевой аудитории» перестанет работать⁹.) В такой ситуации множественной и распределённой коммуникацией, с множеством накладывающихся друг на друга коммуникативных посланий и действий, с явно непредсказуемым,

непросчитываемым точно результатом понимания дискурс, как единственный инструмент управления пониманием, сам должен был расщепиться, дифференцироваться по крайней мере в пять перечисленных технологических групп управления пониманием, которые мы перечислили выше. И, в общем, понятно, как именно происходила дифференциация (расщепление):

из дискурса обособилась как самостоятельная технологическая группа – группа, несущая функцию формирования установок (группа технологий, несущих рефлексивное управление);

обособилась группа, связанная со знанием (от теоретического до практического и навигационного);

группа, которая внутри дискурса несла собственно функцию общительности;

группа инфраструктурного управления (в дискурсе это была функция установленного, порядка речи вместе с каналами и позициями, которые осуществляли (могли осуществлять данный дискурс), которая, собственно и обеспечивала понимание, делала его возможным и селективным¹⁰ и одновременно оставляла достаточную степень свободы говорящему и понимающему);

и, наконец, группа, определяющая направление дискурсивности, коммуникации и её ограничения (интересно, что при ближайшем рассмотрении она сближается с первой группой рефлексивного управления).

Важен при этом также эффект мультипликативности применяемых технологий или технологических приёмов из разных групп. Каждая, взятая в отдельности сама по себе сегодня редко когда применяется в практике управления пониманием, если мы говорим о понимании в контексте социальном, а не индивидуальной tet-a-tet приватной коммуникации. Эти технологии и даже несколько групп технологий приходится применять и организовывать вместе (что само является техникой и искусством социальной инженерии) в зависимости от поставленной задачи (или того, как видится эта задача).

В данной статье это показано это на двух реализующихся в настоящее время больших государственных программах социального развития, на материале которых и можно увидеть проблемы и решения, связанные с управлением общественным пониманием: на программе развития службы крови и программе формирования здорового образа жизни.

1. Программа развития Службы крови России и развития безвозмездного массового донорства

Эта программа была принята и реализуется начиная с 2008 г.¹¹. Хотя этот проект еще не завершился, его вполне можно считать успешным, поскольку россияне пошли сдавать кровь. Этим самым мы фиксируем общественный сдвиг и один из результатов социальных изменений.

В России с 1990-х гг. начало падать число доноров, дойдя к 2007 г. до 11 человек на 1000 донороспособного населения (в то время как в Европе – 40 человек, а в США – 60 человек на 1000). Причин этому много, в том числе давно не переоборудовались станции переливания крови (СПК), не отвечая современным требованиям, донорство утратило свой высокий социальный статус, разрушилась советская административная система призыва доноров на донорские пункты. Стала очевидна острая потребность в реформировании службы крови, осознаваемая всеми заинтересованными субъектами (врачи, государство, НКО, общественность).

Проект развития службы крови начал выстраиваться как полноценный проект социального развития, когда одно направление проекта не обгоняет другое, а наоборот усиливает успешность реализации всех остальных. Проект базируется на нескольких направлениях: развитие инфраструктуры (переоборудование станций переливания крови), выстраивание новой корпоративной культуры, объединение всех станций переливания крови в единую информационную базу данных, развитие безвозмездного массового донорства.

Рассмотрим состояния общества и его отношению к проекту на начало его реализации. Ситуация характеризовалась тем, что люди не ходили сдавать кровь, сложилось множество мифов и страхов, которые мешали им это делать: боязнь самого процесса, отсутствие мотивации, неудобный график сдачи, плохо оборудованные станции переливания крови и т. п. Все эти проблемы необходимо было решить за счет технологий управления общественным пониманием. Здесь важно отметить то, что результативность применяемых технологий в данной программе поддается прямому измерению: её можно измерять в увеличении количества доноров и сданных литров крови.

При реализации проекта его авторы пришли к необходимости институциональной идентификации и, следовательно, построению института донорства, где донор – лишь одна из фигур. Доноров много там, где донорство существует как социальный институт. Это мы наблюдаем сегодня (как, например, в Европе или США) или в прошлом (как, например, в СССР).

Каждый социальный институт характеризуется своим набором социальных ролей и правилами и традициями коммуникации и взаимосвязи между ними. Институт донорства составляют: органы власти, СПК, общественные организации, регулярные доноры, а также потенциальные участники института – первичные доноры и будущие потенциальные доноры. Для включения института донорства в социальную жизнь очень важно также создать устойчивые взаимодействия этого института с другими существующими общественными институтами, такими как: СМИ, бизнес, образование, религиозные конфессии, другие общественные (не донорские) объединения.

Исследования процессов институционализации в истории позволило построить следующую схему этапов становления социального института:

- выделение институционального образца (образец может браться как из современного, но другого общества (другой страны, общности и т. п.), так и из прошлых общественных организаций или даже из будущих, футурологически сконструированных);

- принятие этого образца узкой, элитной группой общества, которая знает, что надо делать и берет на себя ответственность за преобразования перед лицом остального общества;

- передача этого образца другой, менее элитной, но более массовой социальной популяции, которая закрепляет результаты начатых преобразований и обеспечивает самовоспроизводство института, и для которой этот институт становится формой социальной идентификации.

Проведенные методологические исследования позволили разработать и выполнить в 2008–2010 гг. следующие действия (мероприятия):

- детальное информирование населения России о базовой социальной потребности, которую удовлетворяет институт донорства, ее масштабах и последствиях неудовлетворения этой потребности в случае невыполнения институтом донорства своих функций;

- формирование и формулирование ценностей института донорства (донорство – норма жизни, донорство – это полезно, донор – здоровый человек и т. п.);
- выявление всех основных участников института донорства, стимулирование их активности;
- создание стандартов и норм коммуникации, взаимодействия и поведения как внутри отдельных социальных организаций и позиций, так и между ними;
- проведение всероссийской коммуникационной кампании по развитию безвозмездного массового донорства, создание символики и фирменного стиля Службы крови, с которым идентифицируется институт донорства в целом, проведение символических акций (Всероссийская видеоконференция, Форум службы крови, отдельные акции в регионах);
- формирование коммуникации и взаимодействия службы крови с другими социальными институтами.

Нужно отметить, что все эти действия реализовывались только в тех регионах, где к переменам была готова инфраструктура (было проведено соответствующее переоснащение станций переливания крови). То есть был соблюден основной принцип схемы социального развития – одно действию по развитию не должно обгонять другое.

Особо стоит обсудить аксиологическую сторону задания целого. В данном конкретном случае для всех были очевидны положительные ценности восстановления института донорства. Для больных – это надежда на спасение жизни и излечение. Для врачей донорская кровь – совершенно необходимое средство и ресурс их профессиональной деятельности. Для доноров сдача крови – одно из условий реализации личности и социальной идентификации (помогаю ближнему, жертвую свою кровь на благое дело, поэтому ощущаю единство с другими людьми и соотечественниками, и прочее). Для общества донорство, как массовое движение – свидетельство его консолидации и единения.

Но значительно чаще абсолютная положительная ценность намечаемых социальных изменений не проглядывается, зато возникают разные соображения, свидетельствующие о возможных негативных последствиях. Это можно проследить на примере второго проекта социального развития – программы по формированию здорового образа жизни.

2. Программа по формированию здорового образа жизни

В отличие от формы реализации проекта «Развитие службы крови» – построение института, программа по формированию здорового образа жизни реализуется по принципу *сетевой организации социальных изменений*. В этом плане нам пригодились представление структуры общества как сетевого образования Мануэля Кастельса. И, соответственно, задавались инструменты, которыми можно оперировать при построении новых сетей.

Разрабатывая методологический проект, мы постарались реализовать известный принцип, по которому комплексность должна была соблюдаться во всех типах предлагаемых проектных решений.

Инфраструктурные решения – это проекты, связанные с созданием условий для здорового образа жизни в разных сферах общественной жизни:

сфера архитектуры и градостроения (включая стадионы, дворовые спортплощадки, дорожки для велосипедистов, места для роллеров и скейтбордистов);

сфера образования (дошкольного, школьного и вузовского). Сегодня образовательные учреждения не способствуют здоровому образу жизни и не формируют его;

сфера труда. Хотя уже есть программы по снижению травматизма и вредных условий на рабочих местах, но пока нет программ по формированию рабочих мест и условий труда, способствующих здоровому образу жизни.

Законодательные и нормативные решения – прежде всего в целях реализации:

инфраструктурных проектов (это касается градостроительного кодекса, трудового кодекса, законов об образовании);

ограничительно-запретительных мер (законодательные изменения, направленные на борьбу с курением и потреблением алкоголя).

Бизнес-решения – здоровый образ жизни и здоровье представляет значительный интерес для бизнеса (это фитнес-индустрия, SPA-индустрия, индустрия биологически активных добавок и т. п.). Необходимо, чтобы этот бизнес, во-первых, поддерживался государством, а во-вторых, его нужно включать в коммуникативную кампанию по формированию здорового образа жизни;

семиотические решения – на каждом типе решений можно строить свою программу действий, но обязательно согласованную с другими типами решений и программ.

Среди доступных мер, которые выходят за рамки коммуникации, ставили следующие задачи:

сделать каждого гражданина активным участником сохранения его собственного здоровья, формируя ответственное отношение к своему здоровью, доступность знаний о состоянии своего здоровья и знаний о мерах по его укреплению и предотвращению заболеваний;

способствовать развитию необходимых для ведения здорового образа жизни инфраструктур;

исправить сложившийся в России перекос в сторону дорогостоящих видов медицинской помощи, которые оказывают незначительное влияние на здоровье популяции в целом. Усилить массовые профилактические мероприятия и расширить диспансеризацию населения, что в итоге приведет к улучшению здоровья населения, увеличению продолжительности жизни и к более эффективному использованию финансовых средств на здравоохранение;

внести изменения в законодательство, направленные на ограничение употребления алкоголя и табакокурения;

начать формирование программ по культуре здорового питания населения.

Государственная программа по формированию здорового образа жизни включает две части – инфраструктурную и коммуникационную.

Коммуникационная часть – это активное продвижение идеи здорового образа жизни в общественном пространстве, стимулирование и мотивирование граждан к ведению здорового образа жизни, то есть – непосредственно формирование приоритетов здорового образа жизни.

Инфраструктурная часть программы заключается в открытии сети бесплатных государственных центров здоровья для взрослых и детей, где любой человек может пройти экспресс-диагностику и получить индивидуальные рекомендации по сохранению здоровья.

При реализации данной программы осуществляется комплексный инновационный подход по всем составляющим здорового образа жизни с использованием интегрированных и интерактивных

форматов коммуникации, направленных на формирование социальных изменений по сетевому принципу. Впервые при реализации государственных коммуникационных программ применяется технология управления общественным знанием, которая направлена на формирование здорового образа жизни.

Коммуникационная кампания по формированию здорового образа жизни реализуется посредством проведения масштабных рекламных кампаний, разработки телевизионных проектов, разработки и распространения полиграфической продукции, поддержки «горячей линии», организации специальных акций и других мероприятий. Центральным элементом коммуникационной кампании является мультимедийный Интернет-портал о здоровом образе жизни www.takzdorovo.ru, созданный в 2009 г. Все эти проекты строятся исходя из парадигмы управления пониманием.

На первый взгляд обе программы похожи. Во-первых, и в том и другом случае можно выделить некоторую критическую ситуацию, высокую общественную потребность в изменениях. Во-вторых, программы схожи по формулировке своих стратегических установок: в одной мы должны изменить общественное понимание донорства так, чтобы донорство стало нормой жизни, а в другой – изменить общественное понимание так, чтобы здоровый образ жизни стал нормой жизни каждого нашего гражданина. Но при кажущемся сходстве в принципиальной, стратегической постановке целей программ, каждой из них требуется своя конфигурация, сборка технологий управлений пониманием, имеющихся на сегодня в арсенале.

Заключительные замечания

Представляется, что часто неудачи по управлению общественным пониманием заключаются как раз в том, что не прорабатывается, не проговаривается стратегическая установка, специально для управления пониманием, в которой, собственно, выражена потенциально уже конфигурация используемых затем технологий управления пониманием.

Эта статья, безусловно, не повод для того, чтобы подробно рассказывать о том, к каким технологическим следствиям и находкам в управлении пониманием в программе развития массового безвоз-

мездного донорства нас привела такая формулировка задачи, с этим можно ознакомиться в краткой версии презентации программы¹². Можно только сказать, что правильная формулировка стратегии управления пониманием привела к тому, что в регионах, где проходила программа в среднем число доноров увеличилось на 30 %.

Совершенно иной стратегической формулировки для управления пониманием и, соответственно, конфигурации технологий управления пониманием потребует Программа формирования здорового образа жизни. Здесь ситуация схожа с той, которую ещё в 1974 г. описывал и формулировал Г.П.Щедровицкий по отношению к системному движению. Тогда, обсуждая системное движение, он писал: ««анализ систем», «системный подход», «общую теорию систем» и т. п. – я буду рассматривать как элементы, функциональные компоненты и организованности одного целостного образования – системного движения; я буду считать системное движение исходным предметом, а все образования – вторичными предметами, включенными в системное движение. Это означает также, что наряду с понятием «системная область» понятие «системное движение» будет рассматриваться как самое широкое в предметном плане: оно должно будет охватить и обозначить все, что так или иначе относится к «системам», «системному исследованию», «системному проектированию», «общей теории систем» и т. д. и т. п., но должно будет представить все это иным образом, нежели представляет каждое из названных понятий, и в целокупности»¹³. «На мой взгляд, основная особенность системного движения (особенность, делающая его «движением») состоит в том, что оно объединяет представителей самых разных профессий, носителей разных систем средств, разных ценностных установок и точек зрения. В этом я вижу характерную особенность всякого научного и социокультурного движения (если сравнивать его с научным направлением)»¹⁴.

Это очень похоже на то, что мы имеем сегодня в сфере здорового образа жизни и здоровья. В одной стороны, мы наблюдаем явный тренд (по крайней мере в Европе и других развитых странах, хотя, в последнее время и в России тоже) в сторону ведения людьми здорового образа жизни, поддержания здоровья, отношения к нему как к ценности, ресурсу и даже капиталу, но с другой стороны, если мы попробуем обзреть все имеющиеся знания и теории

по поводу того, а что же такое – «здоровый образ жизни» – то мы не только не сможем получить на это единый ответ, но, полагаю, даже на простую инвентаризацию точек зрения и теорий уйдёт немало времени. При этом они будут строиться на совершенно разных основаниях, моделях и т. п.

Выше мы уже отмечали, что больших успехов в увеличении потенциала здоровья и продолжительности жизни населения исключительно за счёт развития института здравоохранения произвести невозможно. Это уже было сделано практически всеми странами в мире на первом этапе эпидемиологического перехода¹⁵, когда продолжительность жизни и состояние здоровья граждан увеличивалось за счёт развития института здравоохранения. Но и тогда, при формировании нового института здравоохранения требовалась и проводилась работа по управлению пониманием с населением. Многие, наверняка ещё помнят сделанные в виде «комиксов» и висящие кое-где до сих пор на стенах в поликлиниках пугающие плакаты о том, к чему приводит самолечение и несвоевременное обращение к врачу. Тогда понимание формировалось в рамках стратегической установки на институционализацию¹⁶. Сегодня, когда Россия пытается перешагнуть границу средней продолжительности жизни за 70 лет, она вынуждена переходить ко второму эпидемиологическому переходу¹⁷, который как раз требует ухода от патернализма по отношению к здоровью человека, активной жизненной позиции человека по отношению к собственному здоровью и, соответственно, к другой организации работы с пониманием.

Пока для нас очевидно, что мы должны сконцентрироваться на решении как минимум двух проблем управления пониманием. Первая – это формирование рефлексивно-понимающего отношения человека к собственному телу, его идентификации с собственным телом (что, каким бы странным не показалось это некоторым читателям, в большинстве своём такое отношение у жителей России отсутствует). Вторая – запустить процессы циркуляции и получения знаний о собственном здоровье, об управлении здоровьем, о техниках и формах здорового образа жизни. Такими каналами могут быть интернет, СМИ, врачи, учителя, тренеры, менеджеры в корпорациях. Вопросы управления знаниями сегодня в принципе стоят на повестке дня как важнейшие, но касаются

они чаще всего работы корпораций и «убыстрения» рефлексивно-понимающих процессов, обеспечивающих корпорации конкурентоспособность. Вопросы же управления знаниями в обществе обычно заканчиваются обсуждением вопросов доступности, цензуры и т. п. То есть носят технологически-политический характер. У нас же стоит задача сформировать новое знающе-понимающее отношение, постоянную коммуникацию вокруг темы здоровья и здорового образа жизни как для профессионалов, так и для тех, кто этими знаниями будет пользоваться на практике. Мы уже столкнулись с проблемой перевода теоретических, экспертных знаний в знания проектно-прикладные и понимаем, что это только начало сложного пути управления пониманием и рефлексией через механизмы управления знаниями (но уже не в масштабе корпорации, а в масштабе страны). Очевидно, что без максимального задействования интернета и в особенности социальных сетей, мы не можем решить поставленных задач. Таким образом, проблема управления пониманием здесь, как и в программе развития донорства, только уже в другом аспекте встретится с технико-технологическими проблемами и решениями.

И уже очевидно, что следующие программы социального развития будут вызывать к жизни новые, пока ещё не существующие, стратегические формулировки по управлению общественными пониманием.

Примечания

- ¹ Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. М., 2008. С. 3.
- ² Варела Ф.Х., Матурана У.Р. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
- ³ Ги Дебор. Общество спектакля. М., 2000.
- ⁴ «Смысл указывает на дальнейший смысл. Циркулярная закрытость этих указаний предстает в своем единстве как конечный горизонт всякого смысла – как мир. Поэтому мир обладает такой же неизбежностью и неотрицаемостью, какой и смысл. Любая попытка мысленно переступить смысл лишь расширяет его; она должна учитывать смысл и мир и поэтому быть тем, чем стремится не быть. Гуссерль описывал это положение вещей метафорой «горизонта», не вдаваясь в подробный анализ самореференции всего смысла» (Луман Н. Социальные системы. М., 2007. С. 109–110).

- ⁵ *Castells M.* Materials for an exploratory theory of network society // *Brit. J. of Soc.* 2000. № 51. P. 7.
- ⁶ «Смысл и есть то, что задаёт ситуацию деятельности, это её конституирующий, образующий элемент. Таково это определение смысла: смысл – это вся система связей, отношений и отнесений, которая связывает текст сообщения со всеми другими элементами ситуации, добавлю, соотносит все эти элементы ситуации друг с другом и создаёт целостность, систем самой ситуации» (*Щедровицкий Г.П.* Знак и деятельность. Т. 1. М., 2005. С. 101–102).
- ⁷ *Луман Н.* Медиа коммуникации. М., 2005. С. 19.
- ⁸ *Наумов С.А.* Гуманитарные знания и технологии в пространстве масс-медиа (философско-методол. анализ): Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 2010.
<http://www.raso.ru/?action=show&id=59393>
- ⁹ *Луман Н.* Власть. М., 2001. С. 16.
- ¹⁰ www.yadonor.ru
- ¹¹ <http://www.minzdravsoc.ru/health/donors/18>
- ¹² *Щедровицкий Г.П.* Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/69>
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Андреев Е., Кваша Е., Харькова Т.* Возможно ли снижение смертности в России // <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0145/tema01.php>
- ¹⁵ Вот, например, характерная статья того 1925 года, описывающая процессы институционализации и работы с пониманием рабочими необходимости прохождения диспансеризации: *Гольдовская Т.И., Гурвич Б.Р.* Диспансеризация рабочих прядильного цеха Трёхгорной мануфактуры // *Пограничная психиатрия.* М., 2006. С. 809–812.
- ¹⁶ *Сатеруэйт М.* Россия, застрявшая в переходе // <http://demography.invur.ru/index.php?id=300>

И.Т. Касавин, В.А. Колпаков

О субъектах и социальных технологиях инновационного процесса*

Суть анализируемого коммуникационного конфликта определяется как противоречие между наличием в российском научном сообществе научных и технических результатов, обладающих высоким инновационным потенциалом, с одной стороны, и отсутствием адекватных каналов коммуникации участвующих субъектов для трансфера идей в производственно-техническую среду, с другой.

Оптимизировать этот процесс позволяют, с одной стороны, непрерывный мониторинг и прогнозирование развития системы и ее деятельностного окружения с целью формирования спроса заранее, а с другой, наличие мобильной системы исследований и разработок, способной такого рода спрос удовлетворять. При этом известный «переход к рынку» оказывается необходимым, но недостаточным условием смены основных стереотипов, сопровождающих процесс внедрения инноваций: для этого нужно как минимум выстроить альтернативную практике «внедрения» организационную систему.

Важную роль здесь может сыграть анализ структуры и функций субъектов инновационного процесса. В философско-психологической литературе принято выделять способности, мотивы, цели и ценности как основные структурные компоненты субъекта деятельности. Исходными здесь являются, очевидно, способности, которые мы подразделяем на когнитивные, деятельностные и коммуникативные при всей условности такого деления.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 11-03-00425а.

В качестве самих субъектов мы берем четыре типа: ученых (теоретиков и экспериментаторов), инженеров (конструкторов, технологов, техников), бизнесменов (предпринимателей, банкиров, инвесторов) и государственных чиновников (политиков). Соответственно дифференцируются и мотивы – для первых двух групп – это интеллектуальная самореализация, для третьей – прибыль, для четвертой – власть.

Непосредственной целью научной работы является публикация нового результата, цель инженера – создание нового прибора, цель предпринимателя – создание и продвижение нового товара, цель политика и чиновника – разработка и реализация некоторой стратегии общественного развития.

Наконец, главной ценностью для ученого является истина как адекватное знание своего предмета, для инженера-конструктора это изобретение того, что не дано природой, для бизнесмена ценны деньги, а для чиновника – служебная карьера.

Однако структура – только условие понимания того, как реально действует субъект в качестве функции социальной группы, к которой он принадлежит, и какой тип дискурса он при этом реализует. Для такого рода анализа можно с успехом применить модификацию того метода «grid-group analysis», который разработан английским антропологом Мэри Дуглас¹.

В самом общем виде смысл последнего таков. «Решетка» (grid) – это всякая социальная регуляция, не связанная с принадлежностью к группе. Речь идет о степени внутригрупповой дифференциации, которая задается способом общения, принятым внутри группы, ролевой структурой сообщества. Второе понятие – «группа» – обозначает опыт принадлежности к группе или сознание коллективности. Эти два социальных измерения – внутригрупповая дифференциация и групповая граница – служат основаниями для классификации типов языка и сознания разных социальных общностей. Отражение этих социальных параметров в сознании группы и формирует, по М.Дуглас, специфику его содержания.

Однако идея простого отражения социальных структур в сознании недостаточна для понимания процессов духовного производства уже потому, что не раскрывает его внутренней динамики. Функционирование познавательной культуры состоит в выработке особых социальных смыслов, обеспечивающих процесс познания.

В данном исследовании метод grid-group analysis используется в расширенном виде, исходя из сходства используемых в нем параметров с двумя выделяемыми нами формами социальности: «решетка» интерпретируется как форма познавательного общения, форма внутренней социальности, а «группа» – как форма внешней социальности, социальные условия познания, отражающиеся в предпосылочном знании. Но если Дуглас добавляет к своим параметрам только слабую и сильную степень их выраженности, то в данном исследовании были добавлены еще два качественных параметра. Внешней и внутренней социальности предпосылается способность вырабатывать, с одной стороны, и усваивать, использовать социальные смыслы – с другой, т. е. обеспечивать собой продуктивную и репродуктивную деятельность.

Различие внутренней и внешней социальности обуславливает специфику смыслов, вырабатываемых в каждой из них. В сфере внутренней социальности, непосредственно связанной с живым познавательным процессом, эти смыслы непредметны, регулятивны, задаются его схемами, нормами и идеалами. Они тесно связаны с субъектом, имеют личностный характер. Внешняя социальность знания – это его наполненность предметными смыслами, говорящими о структуре познаваемой реальности в терминах социальных условий, в которых происходит познание. Порождаемые на этом уровне смыслы интерсубъективны, общезначимы, относятся к некоторому объекту.

Исходя из этого, мы выделяли четыре ситуации социального производства знания (табл. 1): А) производство социальных смыслов на уровне внутренней социальности; Б) использование их на этом же уровне; В) производство смыслов на уровне внешней социальности; Г) использование их на этом же уровне. Соответственно выделялись четыре условные эпистемические группы: авторы первичных текстов, или исследователи (А), авторы вторичных текстов, или комментаторы (Б), субъекты коллективных верований и масс-медиа (В), идеологи и PR-технологи (Г).

А – Б - уровень внутренней социальности

В – Г - уровень внешней социальности

А – В - ось производства

Б – Г - ось потребления

Таблица 1.

А	Б
В	Г

Разделение имеет относительный характер, так как каждый из субъектов инновационного процесса как производит, так и потребляет социальные смыслы. И все же, если мы будем понимать инновационный процесс как практическую реализацию инвестиционной идеи, то различие создания и использования социальных смыслов будет иметь существенное значение.

Для отнесения к типу социального производства используется упомянутый выше метод «grid-group analysis». Он позволяет выделить четыре социальных общности по тому, насколько сильно («high» или «low») в них выражена внутренняя структурность (grid) и групповая граница (group). Модификация этой схемы относительно способов социального производства дает типологию внутрисоциального и внешнесоциального дискурсов, каждый из которых может быть также продуктивным и рецептивным. Различие этих дискурсов определяется тем, что они осуществляют использование и выработку смыслов на уровнях внутренней и внешней социальности.

Это позволяет дать типологию дискурса относительно контекста (табл. 2). Если мы заменяем измерение внутренней структурности (grid) текстом, а групповую границу (group) контекстом и предписываем каждому из них способность быть выраженным сильно или слабо, то получаем четыре группы. Первая из них (А – high text-high context), отличающаяся высокой внутренней структурированностью текста, одновременно определяется и жесткой контекстуальной, или социальной, привязкой. Это характеризует политико-экономический дискурс, использующий рациональные стандарты языка науки и одновременно отвечающий определенным общественным реалиям и социальным целям (политической эффективности, экономической выгоде).

Таблица 2.

	High context	Low context
High text	А	Б
Low text	С	Д

Во второй группе (В – high text-low context) также принят специализированный рациональный язык, но контекст универсализируется, расплывается. Это – научный дискурс, ориентированный понятиями истины, достоверности, обоснованности и не ограниченный никакими внешними – предметными и социальными сферами.

Третья группа (С – low text-high context) представляет собой художественный дискурс. Он характеризуется своеобразием индивидуального стиля, не укладывающегося в унифицированные знаковые стандарты. Одновременно искусство, как выражение исторической эпохи, несет в себе отчетливый контекст, составляющий смысл произведения.

И, наконец, четвертая группа (D – low text-low context) обнаруживает близость искусству благодаря субъективности своей языковой артикуляции, а с наукой ее роднит универсальность контекста. Это – моральный дискурс, в котором Ю.Хабермас усмотрел родовые черты дискурса как такового. В силу своей неопределенности он представляет собой, по сути, внеинституциональный, или экстрапарадигмальный дискурс, сферу становления (или разложения) всякого дискурса вообще.

Мы будем обозначать дискурс А как «жесткую» социальную технологию, и дискурсы В, С и D как социальную технологию «мягкого» типа.

Коммуникационный конфликт выступает как столкновение разных («мягких» и «жестких») типов дискурса, которые оказываются трудно совместимыми не столько в силу своих лингвистических особенностей, сколько по причине своей социально-культурной детерминированности, обусловленности дивергентными интересами и целями субъектов инновационного процесса.

Б.Бернштейн, один из основателей социолингвистики, эмпирически установил и теоретически осмыслил тот факт, что представители разных социальных групп практикуют особые способы артикуляции своих психических состояний так, что используемые дискурсы задают разные картины мира и способы деятельности. Следуя этой идее, мы полагаем, что субъекты инновационного процесса выступают в коммуникационном пространстве как носители некоторых дискурсивных особенностей и эти особенности определяют особенности коммуникации и соответствующих социальных технологий.

Так, деятельность ученых (У), которые занимаются выдвижением и разработкой идей (теорий, гипотез, законов, понятий) в рамках своей индивидуальной культурной лаборатории или конгениального научного коллектива, будет пониматься нами как изобретение социальных смыслов на уровне внутренней социальности. Практикуемый ими дискурс будет, поэтому, носить черты сильно выраженной внутренней структурности, т. е. будет сильно теоретически нагруженным, понятным только узкому специалисту. Одновременно он будет лишь в малой степени определяться задачами использования этих идей в технике, производстве или обществе целом. Этот дискурс по созданию первичного текста² можно обозначить как high text, low context (группа В в табл. 2).

Инженеры (И), занятые применением научных идей для изобретения некоторого прибора или технического приспособления, используют социальные смыслы на уровне внутренней социальности, т. е. на уровне конструирования экспериментальной установки. Последняя применима исключительно для решения научных задач, не может быть лицензирована или продана как рыночный продукт и даже едва ли может быть произведена повторно. Инженеры сами по себе остаются, поэтому, в том же коммуникативном пространстве, что и ученые, практикуют совместимый с научным дискурс – high text, low context (группа В в табл. 2).

Несколько труднее охарактеризовать тот тип дискурса, который отличает политиков (П) и бизнесменов (Б). В принципе, коль скоро политики и бизнесмены получают специальное образование, проходят особую школу рационального мышления, политико-экономический дискурс должен использовать стандарты

языка науки (экономики, политологии, теории управления и пр.). Одновременно он призван отвечать определенным общественным реалиям и социальным целям (политической эффективности, экономической выгоде). Отсюда политики и бизнесмены должны принадлежать группе А и практиковать дискурс high text-high context, отличающийся высокой внутренней структурированностью текста и одновременно определяемый жесткой контекстуальной, или социальной, привязкой. Однако на деле, и российская ситуация это демонстрирует в полной мере, это не совсем так. Деятельность политика – это использование социальных смыслов, изобретенных экономистами, политологами и прочими «высоколобыми», уже за пределами науки, на уровне внешней социальности для выработки и реализации стратегии. Он практикует, поэтому, дискурс ненаучного типа. Действительно, контекстуальная составляющая такого дискурса выражена в большой мере; структурность же имеет неожиданные параметры – она выражена достаточно слабо. Алогичность, необоснованность, эмоциональная нагруженность, художественная суггестивность, апелляция не столько к реальным аргументам, сколько к социальным ожиданиям населения – вот что отличает речь политика. Пусть в его глубинных предпосылках коренится и трезвый расчет на захват и удержание власти, но не только и не столько этим расчетом отличает успешный политик от неудачника.

Дискурс бизнесмена, имея под собой расчет на получение максимальной прибыли, также не может удержаться в рациональных рамках. Бизнесмен занят применением результатов работы ученого и инженера, но уже за пределами науки. И одновременно он не только использует, но и изобретает социальные смыслы, правда, на другом уровне, уровне внешней социальности, производя и продавая некоторый рыночный товар. Настоящее предпринимательство – дело творческое, в котором правит не только и не столько расчет, сколько чутье, страсть и воля. Доклады и дискуссии на конгрессе предпринимателей или на совете крупного банка будут, поэтому, по форме вполне рациональны, аргументированы, логичны. Однако их подоплекой все равно останется тонкое понимание экономической конъюнктуры и способность к риску, обязанные интуиции, опыту и инсайдерской информации, а вовсе не логике и не научным исследованиям.

Поэтому и бизнесмены, и политики не могут быть однозначно позиционированы в одну из групп классификации. Они работают не в специализированном и локальном сообществе, а в многообразной и противоречивой внешнесоциальной среде, и единственно подходящая стратегия для них – это миграция между группой А и группой С. Группа С, в которой практикуется дискурс *low text – high context*, представляет собой, как указывалось выше, художественный дискурс. И политик, и бизнесмен не могут обойтись в своей речи и мышлении без творческого вдохновения, без особого индивидуального стиля, который не укладывается в унифицированные стандарты. Постоянные переходы туда и обратно от политико-экономического дискурса к дискурсу художественному и образуют тот язык, на котором разговаривают политики и бизнесмены.

Ученые и инженеры, политики и предприниматели – вот две пары, дискурс которых обнаруживает существенное сходство. И вместе с тем их различия нельзя игнорировать; они становятся явными, когда мы от общих классификаций и типологий переходим к рассмотрению деятельности этих четырех субъектов на разных стадиях реализации инновационной идеи в условиях современной России. Хотя дальнейшее изложение и лишено конкретных пространственно-временных координат, но по существу оно базируется на совокупности неявных интуиций, касающихся положения дел именно в нашей стране (оно охарактеризовано в заключении).

В процессе *формулировки идеи* главная роль принадлежит ученому, который в рамках своей индивидуальной культурной лаборатории подвергает анализу все доступные ему ресурсы, совокупный познавательный контекст и вырабатывает то, что называется «первичным текстом». Первичные тексты связаны с процессом исследования, их смыслы индивидуальны и закрыты, интровертны, связи образов ассоциативны, стиль личностный, отражающий структуру их индивидуального творческого процесса, «индивидуальной культурной лаборатории». До сих пор ни инженеры, ни политики, ни бизнесмены, ни даже коллеги-ученые не участвуют в работе первооткрывателя идеи.

Это начинается лишь на стадии *выдвижения и публикации идеи*, когда ученый, проанализировав собственную систему обоснования и аргументации, пытается адаптировать ее к общепри-

нятым стандартам, известным из учебников и практики работы в научном сообществе. Он начинает создавать «вторичный текст», предназначенный для понимания другими учеными и рассчитанный на их хотя бы частичное одобрение. Это значит, что в нем должна быть достигнута определенная мера новизны и общепринятости, идея должна опираться на уже известные теории и факты, а обоснование должно строиться от известного к неизвестному. В принципе для публикации достаточно, чтобы идея была просто правдоподобной и правильно оформленной, в том числе и с помощью математических выкладок, т. е. обрела бы статус научной гипотезы; настоящее же обоснование требует уже специальной серьезной работы, для которой возможностей ученого оказывается недостаточно.

Обоснование идеи, т. е. установление связей инновационной идеи с предшествующим знанием, моделирование, эксперименты – это деятельность, которой ученый уже не в состоянии заниматься в одиночестве. Как только идея становится проектом, она предполагает участие коллектива научной лаборатории – лаборантов, инженеров, научных сотрудников – каждый из которых выполняет свою функцию. И здесь, в процессе эмпирического обоснования научной гипотезы решающая роль отводится конструированию лабораторной установки и проведению эксперимента. Ученый не понимает, как инженеру из разного, порой случайного набора материалов удастся смастерить работающую установку. Инженер не понимает, как ученый с помощью математических выкладок в состоянии предсказать результат на выходе экспериментальной установки. Однако в рамках научного дискурса «high text, low context» не возникает проблемы перевода для ученых и инженеров: хотя они и ставят перед собой разные цели и занимаются разной деятельностью, они могут говорить на одном языке.

На стадии *преобразования идеи в изобретение* деятельность инженера, будучи преобладающей, осуществляется вместе с деятельностью ученого, который контролирует степень реализации идеи, не позволяет творчеству инженера слишком далеко отступить в конструировании некоторого прибора от научной гипотезы или теории.

Для *патентования идеи* и поддержания патента требуются существенные инвестиции, и здесь альянс «ученый-инженер» должен быть расширен за счет привлечения предпринимателя.

Поиск инвестора – генеральная задача в процессе превращения идеи в изобретение. В качестве инвестора может выступать государство в виде научных фондов, коммерческие предприятия разных форм собственности, частные лица. В экономически развитых странах существует система инновационно-инвестиционных организаций, способствующая реализации идей, имеющих рыночное значение. В России же, если не иметь в виду конструкторские бюро на предприятиях, которые работают по плану и не сталкиваются с такого рода проблемами, изобретатели, как правило, предоставлены самим себе и вынуждены искать и находить частные контакты с предпринимателями и политиками для продвижения своих продуктов.

Процесс организации частной коммерческой фирмы

Люди, преодолевшие вышеуказанные трудности и продемонстрировавшие энергию и рациональное мышление, оказываются способны создать новую социальную организацию – частную коммерческую фирму.

Все социальные общности (социальные группы, сообщества, институты, организации) можно делить на два типа – естественные и искусственные. Первые обычно выступают в форме *социальных ассоциаций* – стихийных продуктов деятельности людей, стремящихся реализовать свои интересы и потребности. Они основаны на принципе добровольного членства, не предполагают жесткой ролевой структуры, формальных отношений власти и управления, поскольку общая цель ассоциации и цели ее членов практически совпадают. Такие объединения, вместе с тем, напрямую зависят от мировоззрения, идеологии и психологии своих членов, а потому не отличаются устойчивостью организационной структуры и, как следствие этого, эффективностью в достижении долгосрочных целей. Этот недостаток призваны компенсировать *искусственные* социальные общности, которые специально создаются для достижения определенной цели, которая, как правило, не совпадает с целями большинства включенных в нее индивидов. Поэтому их отличает высокая устойчивость к внешним воздействиям, жесткость ролевой структуры, формальность внутренних связей.

Специфическая деятельность, практикуемая в рамках социального института, представляет собой социальную технологию. Используя компьютерную метафору, можно уподобить социальный институт **hardware**, а социальную технологию – **software**. Однако, даже если социальный институт выступает как такая социальная общность, в которой неизбежно присутствует, а иногда и доминирует элемент искусственности, в нем всегда также имеется элемент исторического формирования. Так, к примеру, институт специальных представителей Президента России создан, казалось бы, как специальный инструмент осуществления властной вертикали. Однако даже этот вполне искусственный институт сложился во многом исторически, постепенно, по мере того, как накапливались проблемы, не решаемые в рамках наличной структуры правительства. Таким представителем Президента был назначен Черномырдин для ведения переговоров с Милошевичем накануне американской бомбежки Югославии еще до создания самого института спецпредставителей, хотя к услугам федеральной власти было целое министерство иностранных дел. Позже В.В.Путин взял на вооружение эту практику, и назначение спецпредставителей обрело регулярную основу, стало особым социальным (политическим) институтом, призванным оперативно решать конкретные проблемы (спецпредставители по Чечне, по Калининградской проблеме, по регионам и пр.), не привлекая для этого неповоротливый бюрократический аппарат министерств и ведомств.

«Институты... служат посредниками в отношениях социальных субъектов, *рационально* (курсив мой. – И.К.) упорядочивают и формализуют их, выполняя в обществе роль средств, обеспечивающих относительно устойчивое и предсказуемое протекание процессов взаимодействия и коммуникации между различными социальными единицами (индивидами, коллективами, организациями)»³. Автор данного определения использует идущую от М.Вебера идею формальной рациональности, или калькулируемости, для характеристики социального института. Развивая эту мысль, можно сказать, что институт является организационной структурой, способом фиксированной регламентации деятельности и коммуникации на основе их формальной детализации для осуществления эффективного управления. Здесь мы, вслед за К.Поппером, принимаем широкую трактовку понятия «социаль-

ный институт» как социально-организационной единицы. Следует при этом подчеркнуть сверхколлективный характер социальной институциональности: это новое качество, несводимое к совокупности социальных ролей, к сумме членов этого объединения. Напротив, это форма *внешней* регламентации, отвечающая определенной социальной потребности.

Рациональность деятельности и общения обретает в социальном институте свою конкретную историческую и социальную форму: процесс социальной рационализации совпадает с институционализацией. Два вектора рациональности – экспансия и мера – и здесь реализуют себя в качестве стремления регламентировать весь социальный организм, превратить его в механизм, с одной стороны, и сбалансировать данный институт по отношению к другим социальным институтам, по отношению к индивиду и природе. В философии науки, к примеру, широко обсуждается проблема соотношения науки и общества в целом. При этом нарушение сбалансированности их отношения, отрыв определенных разделов науки от обыденного сознания, от задач общественного блага приводит к обвинениям в иррационализме науки.

Социологи в течение долгого времени ставили вопрос о природе некоторых социальных институтов независимо от выполняемых ими функций. Так, первоначально даже Р.Мертон считал возможным анализировать науку как социальный институт без учета специфики его продукта – научного знания. П.Фейерабенд, напротив, пытался показать, что агрессивность и вредность науки как социального института состоит в продуцировании особых мифов (данного, истины, рациональности), назначение которых в идеологическом самообосновании, в утверждении господства науки. М.Дуглас, проводя мысль о принципиальном подобии всех социальных образований, стремилась вывести из их структуры свойственные им функции, включая порождаемые ими формы сознания.

Задаваясь вопросом о рациональности социальных институтов, необходимо начать с их генезиса, с поиска соответствующей социальной потребности, которая не может реализоваться никак иначе, кроме как при помощи определенной организации. Рассматривая такие социальные институты как политическую партию, церковь, школу, университет, общество садоводов, мы увидим, что они возникли на определенной стадии развития некоторой социальной по-

требности. Некоторый тип деятельности рождается как практика локальной социальной группы, вокруг него возникают особые коммуникативные структуры, и все это первоначально происходит по правилам, которые зафиксированы только в сознании вовлеченных субъектов. Затем данное социальное образование, функционирующее на основе личного общения, начинает осуществлять экспансию на более широкие группы населения. При этом уже не происходит трансляции личных связей, и правила утрачивают свою цементирующую роль. В таком случае возможны три варианта развития: разрушение социальной общности и забвение специфического типа деятельности; превращение социальной общности в эзотерическую группу; формирование социального института, или организации. Первый сценарий осуществился по отношению к средневековому ремесленному цеху, что привело к утрате рецептов выделки булата, изготовления скрипок и пр. Второй реализовался применительно к средневековой магии, которая из широко и повседневно практикуемой деятельности превратилась в сферу интересов замкнутых локальных групп. Примером третьего варианта развития может служить судьба шахмат, сегодня существующих не только как одна из настольных игр, но и как целый набор различных организаций.

Итак, мы будем исходить из того, что успешная экспансия некоторого типа деятельности и соответствующей ему формы общения требует их *рационализации*. Ведь всякая экспансия представляет собой нарушение однажды установленной меры – соразмерности внутренней структуры и внешнего окружения. Такое нарушение должно быть восстановлено для успешного развития, и это происходит в установлении нового уровня соразмерности, в модификации внутренней структуры и отношения с окружением.

В целом конкретное соотношение экспансии и меры определяет характер того или иного социального института. Для *типологии* социальных институтов, так же как и для социальных общностей вообще, применима уже упомянутая схема М.Дуглас (табл. 1). В таком случае типу «А» будет соответствовать бюрократический социальный институт, типу «В» – **демократический**, типу «С» – тоталитарный, и типу «D» – **социальный институт на стадии формирования или распада**. Что же касается модифицированной схемы (табл. 2), то она применима для понимания *формирования и динамики* социальных институтов (тип «D»).

Организации и социальные институты, являясь элементарными социальными единицами современного общества риска, преобразуют неопределенность и конфликт в рациональную коллективную деятельность. Именно на уровне социального института рациональность и проявляется в наибольшей степени как компромисс экспансии и меры, как взгляд на реальную сложность социальных процессов с точки зрения соединения в них закрытой и открытой рациональности.

Процесс организации частной коммерческой фирмы, завершившийся успехом, – это и есть третий сценарий развития социального института, когда некоторая исторически сложившаяся социальная общность (ученые, инженеры, предприниматели) в ходе своей рационализации, согласования интересов, нахождения баланса экспансии и меры приобретает черты искусственной организации, жестко регламентирующей поведение своих членов для эффективной работы. С этого момента процесс развития инновационной идеи существенно определяется инвестициями; вложенные средства диктуют направление, темп и ритм, в котором должна двигаться мысль.

Преобразование экспериментальной установки в технологию делает возможным решение специальных технических задач, в частности, переход от лаборатории к промышленному цеху. И здесь экспериментальная установка, на которой можно было наблюдать некоторый эффект, должна быть преобразована в технологическую систему. Ученый здесь ограничивает свое участие до консультативных функций, а главную роль играют уже инженер и предприниматель.

На стадии *маркетингового исследования* все выполняют свои собственные функции в ходе самостоятельных исследований рынка и при формулировке и экспертизе выполнения технического задания для профессионального маркетолога. Ученый оценивает конкурентоспособность и перспективность лежащих в основе теоретических положений, инженер проводит сравнение данного и аналогичных продуктов по их технологическому совершенству, предприниматель изучает прибыльность продукта, а политик рассматривает данный продукт в контексте экономической стратегии государства и перспективы развития законодательства.

При *создании прототипа рыночного продукта* ученый, инженер и предприниматель вновь меняются ролями. Поскольку цель и ее достижения в целом определены, то главную скрипку начинает играть инженер, а его бизнес-коллеги выполняют лишь консультационные функции.

На следующей стадии организации *мелкосерийного производства* ученый уже не участвует, а инженер сотрудничает с предпринимателем, чтобы достичь наиболее эффективного промышленного тиражирования продукта и внести коррективы в технологию.

Разворачивающаяся на этой основе подготовка *промышленной документации, включающей ноу-хау*, целиком ложится на плечи группы инженеров, осуществляющих взаимный надзор и экспертизу.

В свою очередь последующее *массовое производство продукта* оказывается уже целиком делом предпринимателя, а в *организацию продаж* включается, помимо предпринимателя, и политик, обеспечивающий определенные рыночные предпочтения.

Нельзя не упомянуть *социально-правовые следствия всего этого процесса*. Успешный бизнес, основанный на инновациях, предполагает постоянные прогрессивные изменения в законодательстве, поскольку имеет дело с циркуляцией в обществе принципиально новых товаров, условия производства и последствия использования которых обычно выходят за пределы ожиданий. Предприниматели заинтересованы в том, чтобы обеспечить себе наиболее комфортные условия деятельности и застраховать себя от нежелательных последствий, обеспечить себе условия наибольшего благоприятствования в плане реализации продукта, защиту интеллектуальной собственности, государственные гарантии и инвестиции. Здесь им нужны интеллектуальные способности ученых, а также поддержка политиков и государственных чиновников для формулировки и продвижения своих предложений. Инновационная экономика – реальный двигатель законодательного процесса.

В результате идеальная коммуникативная цепочка, сопровождающая развитие инновационной идеи, выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} &U \rightarrow U \& U \rightarrow U \& I \rightarrow U \& I \rightarrow U \& I \& B \rightarrow U \& I \& B \& P \rightarrow \\ &U \& I \& B \rightarrow U \& I \& B \rightarrow U \& I \& B \& P \rightarrow U \& I \& B \rightarrow I \& B \rightarrow \\ &I \& I \rightarrow B \rightarrow B \& P \rightarrow U \& B \& P \end{aligned}$$

В реальности, однако, конъюнкция, в особенности в отношениях с политиками и бизнесменами, есть продукт длительного процесса согласования интересов, преодоления конфликтов, т. е. преобразования строгой (или нестрогой) дизъюнкции в конъюнкцию, что придает цепочке реальных отношений следующий вид:

$$\begin{aligned} & У \rightarrow У \vee У \rightarrow У \vee И \rightarrow У \vee И \rightarrow У \vee И \vee Б \rightarrow У \vee И \vee Б \vee П \rightarrow \\ & У \vee И \vee Б \rightarrow У \vee И \vee Б \rightarrow У \vee И \vee Б \vee П \rightarrow У \vee И \vee Б \rightarrow И \vee Б \rightarrow \\ & И \vee И \rightarrow Б \rightarrow Б \vee П \rightarrow У \vee Б \vee П \end{aligned}$$

Как показывает наше рассмотрение, не оправдалось первоначальное предположение о том, что дискурсивное пространство инновационной деятельности может быть сведено к схеме М.Дуглас, пусть и модифицированной, в которой выделяются четыре типа относительно самостоятельных социальных групп и дискурсов. Реальная инновационная деятельность в современной России порождает сложные структуры коммуникации, образованные по типу цепочек (семейные сходства, в терминологии Л.Витгенштейна). В них формируются и распадаются различные альянсы, чередуются союзы ученого, инженера, политика и предпринимателя в самых разных конstellляциях. Некоторые из них обязаны внутренней логике реализации инновационной идеи и характеризуют универсальные мировые стандарты инновационной деятельности. Другие вытекают из национальной специфики российской инновационной среды, которая не отличается благоприятностью. Ее основными характеристиками являются:

- прогрессирующий упадок науки;
- оторванность науки от технологии и производства;
- тотальное недоверие работников интеллектуального труда к бизнесу и власти; – экономический монополизм;
- стремление предпринимателей к быстрой прибыли, во что бы то ни стало;
- непонимание выгоды инноваций и наличие иных возможностей неинновационных инвестиций;
- коррумпированность политической системы;
- отсутствие стратегического планирования общественной жизни;
- игнорирование роли науки и культуры в формировании благоприятного инновационного климата.

Таким образом, коммуникационный конфликт в процессе реализации инновационной идеи – это закономерный феномен, отражающий реальное столкновение интересов, рассогласование картин мира и языков общения. В условиях современной России он усугубляется системными проблемами, без решения которых невозможна не только инновационная, но даже просто эффективная экономика. Социальные технологии поиска консенсуса в этих условиях могут приводить к позитивному результату в основном в порядке исключения, но зато весьма эффективными оказываются технологии диссенсуса, усугубляющие коммуникационный разрыв.

При построении подобных типологий нужно учитывать ряд принципиальных ограничений. Во-первых, это касается условного, относительного различия выделяемых типов дискурса, а также и того, что живая деятельность вообще сопротивляется и бежит всякой таксономии. И как только мы начинаем типологизировать дискурс, мы попадаем в ловушку: разговор переключается с дискурса на текст или контекст.

Примечания

- ¹ См.: *Douglas M. Natural symbols*, L., 1970; *Douglas M. (ed.) Essays in the Sociology of Perception*. L., 1982; *Douglas M. Implicit Meanings*. L., 1975.
- ² См.: *Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания*. СПб., 1999.
- ³ *Быченков В.М. Институт социальный // Новая философская энциклопедия*. Т. 2. М., 2001. С. 124.

Особенности социально-гуманитарных технологий с точки зрения психологической науки и практики

1. Понятия «техника» и «технология» в психологическом знании

В психологическом знании понятия «техника» и «технология» достаточно популярны, а объем и содержание этих понятий размыты. И в этом смысле психология – не исключение. Известная путаница в отношении приведенных понятий имеет место и в технической литературе и в литературе, посвященной философии техники. Как справедливо отмечают специалисты в области методологии А.М.Новиков и Д.А.Новиков, «...общих подходов к описанию технологий, общих принципов, правил их построения пока не существует, а применение тех или иных технологий целиком определяется конкретным содержанием каждого проекта»[□].

Во многом, размытость в определениях понятий техника и технология в различных областях знания, объясняется неоднозначностью их перевода на разные языки. Ведущий специалист в области философии техники, В.Г.Горохов, ссылаясь на исследование Карла Митчама и Эрика Шатцберга[□], пишет, что «в английском языке слово *«technology»* употребляется как синоним дискурса о практических, материальных искусствах, а *«technique»* применяется для обозначения реальных процессов и методов этих видов деятельности. Во время Второй мировой войны оба термина, однако, переводились как *«technology»*, что затушевывало данное различие. Позже доминирующим термином, по их (авторов исследования. – Д.С.) мнению, можно считать слово *«technique»*, которое на русский язык передается обычно словом «техника». Впрочем, английский термин *«technology»* также часто по-русски обозначают

термином «техника». Термин же «технология» чаще всего использовался в повседневной жизни как обозначение технологических процессов на производстве, с целью подчеркнуть процедурный характер этого понятия в отличие от субстанционального смысла понятия «техника»[□].

Что касается психологии, то большая доля авторитетной психологической литературы издавалась и издается на Западе, и интересующие нас понятия переводятся на русский язык далеко не всегда единообразно, поскольку и в русском, и в европейских языках они в разных контекстах обозначают различные сущности.

В психотерапевтической литературе описано огромное множество «техник». Слова «техника» или «технология» содержатся в названии ряда книг. Приведу несколько определений, представленных в специальной литературе.

«Техники – их можно назвать “Как это сделать”... Это тщательно разработанные планы действий, основанные как на теории, так и на наблюдениях. Каждая техника имеет определенную цель и должна применяться в особых, подходящих для нее обстоятельствах. <...> Техники практически осуществляют идеи. <...> Техника – это комплекс приемов, предписаний и предложений, осуществляемых непосредственно психотерапевтом. Их применение предполагает, что клиент совершает серию действий, в результате чего он может лучше понять свое поведение, а также изменить его в позитивную сторону»².

Техника представляет собой «систематическую процедуру, посредством которой решается та или иная комплексная или научная задача»[□].

Понятие техники иногда употребляется как синоним понятия методики. («При разных подходах к выделению методов психологических исследований критерием остается тот аспект его организации, который позволяет определиться в способах исследовательского отношения к изучаемой реальности. Тогда методики рассматриваются как процедуры или «техники» сбора данных, которые могут быть включены в разные структуры исследований»[□].)

А понятие метода иногда соотносится с понятием технологии. («В рамках академической психологии, считающей прикладную психологию наукой, а не ремеслом или искусством, подчеркивается аналогия между методом и технологией (последняя называется методом прикладной психологии)»[□].)

Психологические технологии – это «...операционализированный вид психологического знания, имеющий много общего с методическим знанием психологии, однако отличающийся от него по целевому назначению: если в методах психологи содержится преимущественно знание о том, как *получать* психологическое знание, то в психологических технологиях – о том, как его *применять для решения практических задач*»⁴.

Понятия «техника» и «технология» употребляются психологами как в отношении прикладной психологии, так и в отношении исследовательской практики. С определенными оговорками, можно предложить следующую таблицу синонимов⁸.

Таблица 1.

Понятия академической психологии	Понятия прикладной психологии
1. Уровень методики	1. Уровень техники
2. Уровень методического приема	2. Уровень технологии
3. Уровень метода	
4. Уровень организации исследования	3. Уровень «подхода».
5. Уровень методологического подхода	

Что интересно, термин «метод» может употребляться по отношению к любому из уровней левой колонки. «Например, в психофизике есть метод средней ошибки, метод границ; в психодиагностике – проективный метод (Уровень методического приема); в психосемантике говорят о методе семантического дифференциала и о методе репертуарных решеток (уровень методики); в психологии развития обсуждают психогенетический метод и его разновидности – близнецовый метод (уровень организации исследования)»¹⁰.

То же можно сказать и о термине «техника», который может употребляться в отношении как минимум двух первых уровней правой колонки. Например, техника валидации чувств (уровень

техники); техника циркулярного интервью (уровень технологии). При этом, прикладные технологии часто называют методами («метод замещающего онтогенеза»).

Нельзя не отметить еще один важный момент в рассматриваемой теме. Традиционно техника понимается в двух основных аспектах – предметном (субстанциональном): техника как совокупность артефактов, и процедурном, как процесс технической деятельности.

В психологическом дискурсе субстанциональный аспект техники практически не артикулируется, а само понятие «техника» ближе по смыслу к техническому понятию «технология». В субстанциональном смысле «психологическая техника» представлена множеством артефактов, связанных а) с организацией психологического исследования (разнообразные приборы и устройства, назначение которых в моделировании специальных ситуаций, либо в измерении определенных переменных), и б) связанных с воздействием на психику человека с той или иной целью. Вместе с тем, употребление в отношении технических артефактов терминов «психотехника» или «психологическая техника» встречается крайне редко. Иногда технические артефакты, связанные с реализацией психологической (или педагогической) деятельности, называют «техническими средствами». Например, «технические средства обучения».

Подведем промежуточный итог.

1. В психологическом знании понятия техника и технология не имеют однозначного определения и часто используются как синонимы.

2. Имеет место аналогия в парах понятий «метод» и «технология», «методика» и «техника». Часто эти понятия употребляются в качестве синонимов.

3. Понятия «техника» и «технология» обычно употребляются в контексте прикладной психологии.

4. На первый план выступает процедурный, деятельностный аспект понятий техника и технология. Субстанциональный же аспект техники в психологическом дискурсе практически не артикулируется.

5. Понятия «техника» и «технология» в психологическом дискурсе аналогичны понятию «технология» в техническом. Техническое же понятие «техника» (в предметном, субстанциональном смысле) имеет синонимом понятие «техническое средство».

Основываясь на вышесказанном, попробуем в общих чертах определить понятия «техника» и «технология» применительно к психологической науке.

Под *техникой* в психологии будем понимать некоторый, в той или иной мере регламентированный, способ (схему) решения конкретной задачи («техника присоединения», «техника отражения» и т. п.).

Технология – 1) специальным образом («технология оценки социальной напряженности», «технология работы с супружескими парами» и т. п.). Одна из важнейших характеристик технологии – воспроизводимость, т. е. возможность ее трансляции; 2) деятельность, направленная на создание и применение конкретных техник и технологий.

Приведенные определения, основным смыслом которых является акцент на процедурной стороне техники, созвучны с пониманием техники в современной философии техники. В.Г.Горохов указывает, что «... деятельностный подход к определению сущности техники и «технического» является наиболее репрезентативным и конструктивным, поскольку он позволяет не только учесть технологические и естественные, но и социальные характеристики техники, а также инструментализировать полученные знания о научно-техническом развитии в целях выработки наиболее рационально приемлемых стратегий устойчивого развития современного общества...»¹¹.

Под деятельностью в данном контексте понимается не только деятельность материализованная, но и деятельность мысленная. Таким образом, сущность технического с точки зрения деятельностного подхода, Горохов видит в «... изобретении, сохранении и трансляции (знаковых и материальных) средств, приемов, процедур и продуктов этой деятельности»¹².

2. Особенности социально-гуманитарных технологий (на материале психологической науки и практики)

Итак, мы установили, что в психологическом дискурсе понятия техника и технология обычно употребляются по аналогии с техническим термином «технология», т. е. подчеркивается процедурная сторона технического, «технология» деятельности. Да-

лее будем употреблять понятие «техника» именно в этом смысле. Чтобы избежать терминологической путаницы, еще раз отмечу, что в психологическом дискурсе понятие технологии включает в себя два аспекта: 1) технология как система техник и 2) технология как деятельность по созданию и применению техник и технологий. Технологию во втором смысле будем обозначать термином «*техническая деятельность*». Под техникой будем понимать некоторый, в той или иной мере регламентированный, способ (схему) решения конкретной задачи.

Согласно А.Грунвальду, с точки зрения процедурной стороны техники, понятие техники включает: а) практику технических работ (производство артефактов); б) практику применения техники и в) практику изъятия отработанной и изношенной техники из употребления¹³. *И в этой связи оказывается не принципиальным – идет ли речь о технологии применительно к созданию технических артефактов, или нет.*

В.Г.Горохов дает еще более детализированное описание процесса реализации техники: а) развитие техники в качестве мысленной конструкции (открытие, изобретение, исследование, проектирование и т. д.); б) материализация техники (конструирование, внедрение); в) социализация техники (воплощение в хозяйственных и социальных нуждах); г) применение и использование (организация эксплуатации); д) «потребление» и ликвидация отработавшей техники¹⁴.

Опираясь на эту схему, попытаемся сформулировать особенности социально-гуманитарных технологий по отношению к «технической технологии» на материале психологической науки.

На первый план выступает главное принципиальное отличие, которое заключается в разнице объекта технической деятельности. В психологии таким объектом будет не материальный артефакт (хотя это не исключается), а *технология* или *техника* в смысле схемы деятельности, направленной на решение определенной задачи, либо «психологическое орудие». То есть техническая деятельность в максимально общем смысле будет направлена на производство и реализацию *схем деятельности* (технологий и техник). Эти схемы деятельности имеют своей целью формирование у их носителя более эффективных программ деятельности¹⁵.

А) с точки зрения **развития техники в качестве мысленной конструкции**, подразумевается открытие, изобретение, проектирование по большей части не технических артефактов, а схем деятельности – психологических технологий и техник (собственно, технология в смысле технической деятельности). Процесс открытия и проектирования техник и технологий в разной степени осознан и регламентирован, при этом систематическое его описание в виде алгоритма решения изобретательской задачи, возможно.

Согласно широко известной и популярной теории решения изобретательских задач Г.Альтшуллера (ТРИЗ)¹⁶, процесс изобретательского творчества может быть структурирован и схематизирован. Общий смысл изобретательской деятельности сводится к варьированию ограниченного числа переменных в технической системе (изменение материала, формы, действующих сил и т. п.). В обычной практике, искомый эффект достигается благодаря случайному перебору возможных вариантов, который часто занимает много времени и не всегда приводит к требуемому результату. Основной пафос ТРИЗ заключается в том, что эта теория является систематической процедурой, четким алгоритмом изобретательской деятельности, исключающим случайный перебор вариантов.

Аналогичные алгоритмы создания техник существуют и в практической психологии. Конечно, они уступают ТРИЗ, поскольку не отличаются значительной детализацией и проработкой, однако базируются на тех же принципах. Например, Р.Шерман и Д.Фредман в качестве интродукции к практическому руководству по семейной и супружеской психотерапии, приводят список основных переменных, варьируя которые можно проектировать психотерапевтические техники работы с семьей[□]: 1) расширение или сокращение числа членов психотерапевтической системы; 2) изменение временных рамок встреч или временных рамок решения тех или иных психотерапевтических задач; 3) изменение места психотерапевтической встречи; 4) внесение изменений в совместную деятельность с клиентами или введение новой формы деятельности; 5) задействование различных уровней сознания и мыслительных процессов; 6) структурирование образцов коммуникации; 7) Изменение позиции членом семейной системы или их ролей; 8) изменение стиля поведения психотерапевта с клиентами.

Б) материализация техники, в психологии заключается в разработке программы или алгоритма деятельности, подборе (изготовлении) вспомогательного оборудования и материалов, а также в обучении данному алгоритму носителя техники (если таковой подразумевается). Важнейшим этапом материализации техники (технологии) считается ее *апробация*, т. е. специальным образом организованное (спланированное)¹⁷ исследование, направленное на 1) оценку возможности применения данной техники (технологии) и 2) на оценку *эффективности* той или иной техники (технологии). Под эффективностью в данном контексте понимаем степень соответствия реальных практических результатов применения техники запланированным. Если речь идет о технике исследования реальности, то эффективность обычно обозначают термином «валидность» (вероятность того, что результаты эксперимента являются истинными). Если же речь идет о практической технике, то используют понятие «эффективность» как вероятность достижения запланированной цели.

В) социализация техники (воплощение в хозяйственных и социальных нуждах). В ряде случаев социализация психологических техник и технологий происходит стихийно, в ответ на возросшую востребованность того или иного вида психологической помощи. В качестве примера такой стихийной социализации можно привести крайне популярный в настоящее время «метод замещающего онтогенеза»¹⁸. Согласно результатам исследований автора данного метода, А.В.Семенович¹⁹, развитие современного ребенка происходит совершенно иначе, чем 20 лет назад. За последние десятилетия наблюдается резкая перестройка мозговых патологических механизмов психической дезадаптации (нарушения адаптации). Этот факт А.В.Семенович обозначила как «дрейф нормы реакции» или «дрейф популяционного нейропсихологического синдрома отклоняющегося развития». И это отклоняющееся развития рассматривается как часть общепопуляционной онтогенетической тенденции. Другими словами, за последние 20 лет в детской популяции происходит прирост девиаций развития мозговых механизмов психической деятельности, что позволяет совершенно по-новому смотреть на диаду «норма-патология». В современной детской популяции Семенович насчитывает 60–70 % детей, имеющих различные девиации, т. е. сегодня эти девиации уже можно считать

нормой. Другая особенность развития психической деятельности у современных детей – нарастание числа феноменов *псевдопроцессуальности*²⁰. Драматизм описываемой ситуации заключается в том, что для развития каждой психической функции существует свой сенситивный период, и если функция в этот период не формируется, впоследствии ее формирование либо сильно затруднено, либо вообще невозможно.

Суть предложенного Семенович метода (технологии) замещающего онтогенеза заключается в последовательной имитации в специально организованных условиях всех онтогенетических форм сенсомоторной активности ребенка. Иными словами, в специальных упражнениях моделируются и отрабатываются виды и формы сенсомоторной активности, которые ребенок в норме должен был выполнять самостоятельно, и благодаря которым происходило бы развитие соответствующих нейронных ансамблей в коре головного мозга, на базе которых функционируют элементарные факторы психической деятельности²¹.

Описанная технология считается «абилитацией», т.е. организованным извне развитием тех способностей, которые должны развиваться естественным путем.

Технология МЗО в настоящее время крайне популярна, что определяется ее высочайшей востребованностью в семьях с детьми различного возраста, т.е. социализация этой технологии происходит стихийно, исключительно по причине ее высокой эффективности и значительной степени алгоритмизации, что определяет востребованность. Обратной стороной стихийной социализации данной технологии можно считать отсутствие любого регулирования процесса ее внедрения в социальную практику, отсутствие нормативной базы, системы оценки качества реализации технологии.

Другой пример – организованная социализация психологических технологий в рамках реализации проектов различного уровня. Наиболее часто этот тип социализации встречается в системе образования. В качестве примера приведем технологию «Лекотека», распространенную в настоящее время, и направленную на развитие детей, имеющих различные отклонения в развитии²².

Г) применение и использование (организация эксплуатации). В качестве субъектов организации эксплуатации психологических техник и технологий выступают методические и об-

разовательные организации, осуществляющие методическую и образовательную поддержку психологов. Основная идея состоит в систематическом воспроизводстве психологических техник и технологий, а также в надзоре за их применением, оценке эффективности и т. п. В ряде случаев (к примеру, в системе образования), требование участия в системе воспроизводства техники (регулярные образовательные и методические мероприятия) для субъектов образовательного процесса закреплено нормативно.

Д) потребление и ликвидация отработавшей техники. Применительно к психологическим техникам и технологиям, о данном этапе развития техники говорить не приходится, поскольку вывод из практики техник и технологий происходит стихийно по мере появления других техник, лучше отвечающих поставленным целям и задачам. К примеру, в последние десятилетия с целью коррекции широкого круга проблем, возникающих в детском возрасте (эмоциональные нарушения, проблемы с поведением, учебной и т. п.), все чаще используется семейный системный подход, согласно которому значительный кластер симптомов дезадаптации у детей имеет системную семейную природу. В целях коррекции организуется воздействие и работа с семейной системой в целом, а не с отдельно взятым ребенком, как принято в индивидуальном, традиционном для детской психологии подходе. Таким образом, технологии индивидуальной работы с ребенком постепенно вытесняются иными технологиями, направленными на работу с различными уровнями семейной системы.

Выводы.

1. Психологические технологии являются частью более широкого кластера социально-гуманитарных технологий.

2. С точки зрения психологической науки и практики, на первый план выступает процедурный, деятельностный аспект понятий техника и технология. Сфера технического включает производство и реализацию схем деятельности, направленных на достижение конкретного результата.

3. Понятие технологии рассматривается в двух смыслах:

а) как специальным образом организованная система техник, объединенных общими принципами, направленная на решение некоторого кластера задач;

б) как процесс создания (открытия, проектирования), материализации (алгоритмизации, апробации), социализации (внедрению в социальную практику), систематического воспроизводства техник и технологий (образовательная, методическая поддержка), процесс их вывода из социальной практики; а также учение об этих процессах. (В данном смысле понятие «технология» аналогично понятию «методология» в фундаментальном знании).

Примечания

- ¹ Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М., 2007. С. 321.
- ² Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. № 2. С. 110–124.
- ³ Там же.
- ⁴ Шерман Р., Фредман Н. Структурированные техники семейной и супружеской терапии: Руководство / Пер. с англ. А.З.Шапира. М., 1997. С. 12–13.
- ⁵ Там же. С. 12.
- ⁶ Корнилова Т.В. Экспериментальная психология: Теория и методы. М., 2003. С. 39.
- ⁷ Габер И.Е. Оппозиция метода и технологии в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 112.
- ⁸ Юревич А.В. Психология и методология. М., 2005. С. 157.
- ⁹ За основу взята уровневая классификация методов (см.: Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. 2-е изд. доп. СПб., 2001. С. 35).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Горохов В.Г. Основы философии техники и технических наук. М., 2007. С. 91.
- ¹² Там же. С. 105.
- ¹³ См.: Грунвальд А. Техника и общество: западноевропейский опыт исследования социальных последствий научно-технического развития. М., 2011. С. 10.
- ¹⁴ См.: Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий. С. 110–124.
- ¹⁵ Например, ряд техник супружеской терапии направлен на повышение уровня осознанности членов супружеской пары, прояснение их коммуникации и развитие безопасной эмоциональной привязанности, т. е. на развитие эффективных и гармоничных программ взаимодействия. Техники по развитию и оптимизацию психических процессов, нацелены на формирование более эффективных и гибких программ переработки информации (мнемотехники, техники быстрого чтения и т. п.).
- ¹⁶ См.: <http://www.altshuller.ru>.
- ¹⁷ Шерман Р., Фредман Н. Структурированные техники семейной и супружеской терапии: Руководство. С. 14–15.

- 18 Термин «планирование» употребляется в контексте теории планирования экспериментов. Под «планом» понимаем проект исследовательских операций. См., например: *Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980.
- 19 См., например: *Семенович А.В.* Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: Учебное пособие. М., 2007.
- 20 Метод МЗО разработан А.В.Семенович с соавторами в рамках нейропсихологического подхода А.Р.Лурия («Теория системной динамической локализации психических функций»). Сама Семенович активно подчеркивает преемственность своего подхода по отношению к идеям Лурии.
- 21 Для нормального развития любой психической функции должно удовлетворяться 2 основных условия: 1) сохранность и зрелость нервного субстрата данной функции и 2) востребованность функции извне. При невыполнении одного из этих условий психическая функция будет развиваться ненормативно, либо не будет развиваться вообще. Феномен детей-маугли, развивавшихся вне социума, является прекрасной иллюстрацией. Необходимость соблюдения первого условия кажется очевидной. Однако одного этого недостаточно. Проиллюстрируем сказанное на развитии функции речи. В определенных условиях, при отсутствии востребованности этой функции извне, даже при сохранности нервной ткани, речь не будет развиваться вовсе. Так, речь не развивается у детей-маугли, которые по какой-то причине растут вне социума. Поскольку нет необходимости общаться с себе подобными, речь не формируется. Те же особенности формирования относятся ко всем остальным высшим психическим функциям. Суть феномена псевдопроцессуальности заключается в несформированности или в недостаточной сформированности той или иной психической функции (ряда функций) вследствие отсутствия востребованности этой функции извне при зрелости нервной ткани. Часто феномен псевдопроцессуальности возникает вследствие обедненной сенсорной среды, в которой растет ребенок (значительно ограниченный набор игрушек, пространства), а также при недостаточной вовлеченности взрослых в процесс развития ребенка.
- 22 Например, для осуществления быстрого и эффективного зрительного восприятия важна точная фокусировка взора на любом объекте. У многих детей эта фокусировка затруднена, а репертуар движений глаз значительно снижен. Таким детям легче повернуть голову целиком, чем сфокусировать на объекте свои глаза. На занятиях по МЗО у таких детей при помощи имитации слежения за движущимся объектом, формируется способность к плавным и четким движениям глаз (формируется оптико-моторная координация).
- 23 Программа «Российская лекотека» финансировалась Агенством США по международному развитию (USAID) в рамках программы «Помощь детям-сиротам в России», осуществляемой Американским Советом по международным исследованиям и обмену (АЙРЕКС) и Национальным обществом защиты детей от жестокого обращения. Технология лекотеки активно внедрялась и продолжает внедряться в работу учреждений образования, здравоохранения и социальной защиты. В настоящее время в одной только Москве открыты десятки служб «Лекотека» на базе учреждений различного типа. См., например: <http://www.lekoteka.ru>.

Социальные технологии и власть-знание*

Концепт всегда задается с целью разрешить некую локальную проблему, поэтому система, средствами которой он задается, не должна быть слишком общей и всеобъемлющей, если только мы не пытаемся состязаться в умении громоздить роскошные, но бесполезные конструкции. Речь не идет о том, чтобы вместить в такую систему все, что только можно (ибо нам уже давно понятно, что при наличии некоторой сноровки можно обнаружить связь всего со всем). Напротив, задача заключается в том, чтобы отсечь все имеющее то или иное отношение, но не существенное. Так что конструирование концептуальных систем – это и политическая задача.

Задавая концепт социальных технологий, поэтому, я намерена сразу отбросить такое понимание этого термина, при котором «социальные» подразумевает «технологии, имеющие социальную природу», поскольку данное выражение оказывается тавтологичным: технологий, не связанных с обществом, попросту не существует. Тогда термин «социальные» может быть понят как «направленные на социум». Под социальными технологиями мы, таким образом, понимаем технологии, которые имеют своим объектом общество, подобно тому, как имеются пищевые технологии, военные технологии, медицинские технологии, политические технологии и т. д. (хотя всем им свойственна социальная природа). Понятые таким образом, *социальные технологии* неиз-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 11-03-00425а.

бежно связаны с проблемой власти, поскольку они *выстраивают социум, иницизируют, направляют и купируют его процессы*, или претендуют на эту роль.

Для того чтобы задать понятие социальных технологий возможно более исчерпывающим образом, я сначала остановлюсь на концепте технологии вообще, а потом ограничу и конкретизирую его смысл областью социального.

1. Власть-знание и технологии

Концепт технологий вообще связан, как об этом уже было сказано выше, с концептом процесса или функции. Этот термин принадлежит системе динамического типа, причем по двум причинам. Во-первых, он внутренне динамичен, поскольку сами понятия технологии, процесса, функции включают в себя неустранимую темпоральную компоненту: они необходимым образом определяются через понятие времени, которое входит в качестве элемента в систему, с помощью которой задается концепт социальных технологий. Во-вторых, он динамичен внешне, поскольку динамика присуща любому концепту в отношении его генезиса: было время, когда понятия социальных технологий не существовало, и наверняка наступит время, когда оно опять выйдет из активного употребления. Это последнее свойство внешней динамичности концепта закрывает вопрос о наличии социальных технологий в эпоху, скажем, Средневековья или Нового Времени: социальные технологии появляются тогда, когда появляется понятие социальных технологий, ибо мы – философы – живем в мире слов и должны считаться с ритмами их употребления.

И.Т.Касавин датирует начало активной разработки проблематики социальных технологий серединой шестидесятых годов прошлого столетия¹. Неслучайно, что именно в этот период Мишель Фуко формулирует концепцию «власти-знания», показывая в ряде своих работ², как власть принимает форму знания, и как вопрос об истине становится вопросом о власти. (Эта проблематика, разумеется, восходит еще к Ницше.) Однако термин «власть-знание», предложенный Фуко, да еще и с отсылкой к Ницше с его волей к власти, соблазняет нас сместить акцент в

этой дихотомии на первый термин, на подмену знания властью. Концепция власти-знания Фуко оказывается таким образом конспирологически заряженной, окрашенной в параноидальные тона благодаря мысли, что то, что мы принимаем за знание, есть на самом деле лишь орудие манипуляции, орудие власти. На самом деле необходимо воспринимать терминологическую конструкцию власть-знание как абсолютно равновесную. Дело в том, что в этой новой реальности уже нет власти в чистом виде, как нет и в чистом виде знания: мы имеем дело с реальностью, в которой эти феномены сплелись и сплавились в нераздельное единство. Термин «технология», как и еще один термин – «информация», обозначают это единство, взятое в двух различных его аспектах, избегая тем самым конспирологического искушения. «Технология» и «информация» по сути – одно и то же, но «информация» ставит акцент на коммуникативном, передаточном аспекте этого явления³, а «технология» на его производительном аспекте. Неслучаен поэтому синтез этих понятий: «информационные технологии» – выражение, которое, как и «социальные технологии» может рассматриваться как тавтология в том смысле, что не бывает иных технологий, кроме информационных. Но, подобно тому, как есть такие технологии, которые имеют своим предметом общество, есть и такие, которые нацелены на передачу информации. Именно в этом втором значении мы можем употреблять выражение «информационные технологии» как нетавтологичное.

Любая технология есть информация. Но верно и обратное: любая информация есть технология, поскольку, если тот или иной блок информации на первый взгляд ничего не производит, то мы наверняка имеем дело с социальной технологией.

2. Технологии как микрофизицирующаяся власть

Сращивание власти со знанием, превращение того и другого в общее явление под названием «технология» одновременно способствует тому, что в соответствии с весьма уместной в данном случае концепцией микрофизики власти Мишеля Фуко определяется как микрофизикация власти. Рассмотрим, чем отличаются «технологии» от генетически исходной для них «власти».

А) власть в дотехнологическом обществе *материальна*, то есть задействует материальные средства в качестве своих орудий, и направлена прежде всего на тела как на материальные объекты. Это означает, что *власть привязана к физическому пространству*. Пространство власти – дисциплинарное пространство. Это может быть определенным образом организованное пространство школы, казармы, предприятия или тюрьмы с их системами наблюдения и контроля за перемещением в этом пространстве тела. В целом все государство дотехнологической реальности является дисциплинарным пространством, в котором перемещение тела контролируется механизмами регистрации и учреждением соответствующей системы документов (паспорт). Технология, приходящая на смену власти, действует значительно тоньше. Если власть – это хард и софт, то технология – это уже чистый софт. И контролирует он уже не тело, а душу, сознание, личность. И то, как технологии это делают, заслуживает особого внимания. Мы должны остановиться на этой проблеме подробнее, поскольку без четкого уяснения этого вопроса мы не приблизимся к пониманию столь сложного понятия, каким являются социальные технологии.

Виртуальные миры. Тело живет в физическом мире. Это – обыденное понимание ситуации. Но самые недоверчивые во все времена задавались вопросом: что, если физический мир – всего лишь галлюцинация? Если даже это и не совсем так, то во всяком случае очевидна следующая закономерность: чем примитивнее организовано сознание, тем большее место в жизни этого сознания занимает внешний, объективный, материальный мир. И, наоборот, по мере развития сознания человек все основательнее обживает другой мир – мир знаков и знания, информационный, не признающий разделения на внешний и внутренний миры, сметающий эти границы (именно в силу своей нетелесной, нематериальной природы). Если мы сравним средневекового крестьянина и современного европейского интеллектуала, то станет понятно, о чем идет речь. Когда общество в целом достигает определенного уровня развития сознания, при котором каждый из его членов проводит в тонком мире информации больше времени, чем в грубом материальном мире (а процесс переселения протекает лавинообразно, поскольку чем более развито сознание, тем активнее оно стремится к

дальнейшему развитию и тем эффективнее его усилия), контроль над телом становится избыточным и неэффективным. Наступает черед работы с сознанием.

Но если тело можно силой удерживать в определенной точке пространства, в определенной ситуации, принуждая к действиям определенного типа под страхом физического наказания, то сознание гораздо свободнее и труднее уловимо. Для его схватывания требуются средства гораздо более деликатные, и они оказываются тем действеннее, чем добровольнее сознание стремится в расставленные ему ловушки. Это выражение является, однако, не вполне легитимным. Оно представляет дело так, будто уже есть некое готовое и самостоятельное сознание, которое пытается захватить и включить в себя некая сеть технологий. Но чаще всего имеет место нечто радикально другое.

Молодое зарождающееся сознание хочет развиваться и с жадностью набрасывается на любую информационную пищу. Незрелое сознание само ищет информационные потоки, в которые ему при его пока еще слабо дифференцированной⁴ структуре легче встроиться, и без труда их находит. А поймав их, оно постепенно приходит в соответствие с их структурой, поскольку становится их частью и продолжает развиваться уже при их непосредственном участии. То есть, оно добровольно становится питанием и одновременно функцией выбранного им виртуального мира, усиливая и развивая его.

Таким образом, мы понимаем, что никаких ловушек нет, или, что то же самое, наше сознание одновременно является и ловушкой, и жертвой.

Резюме: технология, в отличие от власти, не принадлежит физическому пространству материальных объектов, а создает свои виртуальные пространства, которые могут быть к тому же наделены характеристиками, отличными от таковых пространства физического.

В) из этого следует *расщепление субъекта*. Коль скоро технология, в отличие от власти, не интересуется физическими телами, субъект, который есть некая условно автономная совокупность нематериальных процессов, привязанных к конкретному телу, также перестает ее интересовать. На уровне технологий власть перешла в столь высокодифференцированное состояние,

что такое крупное, тяжеловесное и инертное образование, каким является субъект, не вписывается больше в тонкую сеть ее подвижных отношений. Каждая технология заинтересована лишь в одной или нескольких функциях, которые он способен осуществлять. (Если речь идет о программисте, он должен быстрее и дешевле других создавать эффективные программы, а такие его характеристики, как политические взгляды, сексуальная ориентация, религиозная позиция и т. д. для данной технологии безразличны.) Кажется, что технологическая властная реальность «не видит» субъекта, поскольку *перестает его создавать*. Но на самом деле это не совсем так: продолжают существовать и духовные технологии или технологии развития личности, – их даже становится тем больше, чем большее распространение получают технологии, направленные на расщепление субъективности. «Техники себя» – еще одно актуальное для нашей темы концептуальное решение позднего Фуко периода герменевтики субъекта. В соответствии с этой концепцией, если излагать ее предельно коротко, властные и истинностные игры, которыми характеризуется всякий тип дискурса, содержат в себе ресурс, который субъективность способна использовать для саморазвития и самоуглубления. Заложенные в каждом дискурсе механизмы подчинения, контроля и порабощения являются также и ключом к свободе для деятельного субъекта, не ленящегося постоянно создавать самого себя.

Представление о такой субъективности, принадлежащей миру технологий, сильно отличается от представлений о субъекте в дотехнологическом мире главным образом тем, что привязанная к осязаемому и устойчивому телу субъективность дотехнологической реальности казалась, как и само это тело, данной изначально. Теперь же субъект должен выстраиваться сознательным усилием вопреки раздирающим его на части технологическим процессам, поэтому он становится динамическим, самоконституирующимся, требующим постоянного внутреннего усилия по самосохранению и саморазвитию. Собственно, это внутренне волевое усилие и является субъектом: субъект теперь, как и всякий элемент этой новой энергетической реальности, – не предмет, не сущность, а процесс, и время как организующий элемент для него гораздо важнее пространства.

3. Социальные технологии, информация, дискурс-технологии

В уже упоминавшейся выше статье И.Т.Касавин предлагает, среди прочих, подход к пониманию социальных технологий как дискурс-технологий. Использование термина «дискурс», активно задействованного в своей философии Мишелем Фуко, может навести нас на мысль, что речь идет о специфическом развитии темы власти-знания, но это не вполне верно. И.Т.Касавин, насколько я могу об этом судить, склонен использовать термин «дискурс» не в фукианском, а, скорее, в хабермасовском смысле, с упором на проблему коммуникации. Поэтому он и завершает фрагмент, в котором вводит понятие дискурс-технологий, замечанием об отношениях индивид-общество. Дискурсивная реальность Фуко принадлежит принципиально другому порядку, в ней не идет речи об индивидах, коммуницирующих друг с другом в рамках социального посредством дискурса, но скорее о некой сложной сети процессов, которые есть силы или власть; в узлах их столкновения и взаимодействия как временный нестабильный эффект появляется субъект, который в этом смысле есть лишь позиция, диспозитив. Поэтому не субъекты коммуницируют между собой, а коммуникация, точнее, властные течения порождают субъектов, задним числом присваивающих себе честь установления коммуникации.

Дальше, однако, возможно два сценария: либо возникшая субъективность бесследно растворится в потоках вызвавшей ее к жизни власти после того, как они изменят направление или соотношение, либо она сохранится неким внутренним волевым усилием, продолжая углублять и развивать себя, обретая относительную независимость от сети властных отношений (техники себя). Однако следует понимать, что такое развитие сюжета – скорее исключение, нежели рядовое событие. Абсолютное большинство субъективностей является продуктом власти-знания и возникает и распадается по прихоти более или менее тонкой, более или менее дифференцированной динамичной сети ее взаимодействующих между собой течений.

Как мы понимаем, такая интерпретация природы субъективности как всего лишь узла в сети отношений власти-знания, то есть технологии, как раз и является опорой для существования социальных технологий, фабрикующих, задающих субъекта социума,

то есть человека общественного. С такой постановкой проблемы связан ряд вопросов. Во-первых, где проходят границы социально-го? Во-вторых, насколько эти границы подвижны?

Социальное вездесуще, как вездесуща и власть, или дискурс, или коммуникация или любое другое философское понятие, которое мы устанавливаем в основании концептуальной системы, в которой предпочитаем себя обнаружить, которую стремимся обжить. Для того, чтобы понять, где проходят границы этой системы, надо отдавать себе отчет в ее природе. Она – не что иное, как возможный мир, виртуальная реальность, которую мы создаем по собственному произволу. Есть попытки навязать этому произволу некие исторические или социальные закономерности (взять хотя бы эпистемы Фуко), но и сами эти попытки при ближайшем рассмотрении оказываются образчиком произвола. На уровне конкретного мыслителя этот выбор произволен всегда: даже если на социальном плане те виртуальные миры, которые мы выбираем, не находят поддержки, можно мечтать втихомолку, не пытаясь обнаруживать плоды своей фантазии. Философия – это всегда контролируемая шизофрения. (Речь здесь, правда, может идти не только о философском сознании. Любое сознание оперирует множеством виртуальных миров, подчас совершенно несогласуемых друг с другом.) И, тем не менее, налицо мода на те или иные типы виртуальных миров: период увлечения экзистенциализмом сменяется периодом почитания структурализма и т. д. И здесь мы, казалось бы, видим власть социума в действии, проявление социальной природы человека во всей красе. Однако, стоит лишь присмотреться попристальней, и социальное рассеивается, подобно туману, и на авансцену выходят иные силы, определяющие принадлежность того или иного исследователя именно к данной философской традиции. Личные или родственные связи, финансовые выгоды, отсутствие других вариантов, географические и языковые факторы и т. д. Все это свидетельствует о том, что социальное существует до тех пор, пока нам удобно его замечать, пока мы предпочитаем замечать именно его, что имеет и вторичные выгоды, например, повод не замечать чего-либо другого.

Почему же, спросим мы еще раз, в последнее время все столь активно предпочитают замечать социальное? И ответим словами Ницше: «Для чего у нас нашлись слова, с тем мы уже и распроща-

лись». Общество сходит со сцены. Подобно другим громоздким образованиям, вроде государства, организованного на национальной, политической или географической основе. Реальность виртуализируется, и в ее условиях становятся заметны не сущности и состояния, а функции и процессы. Пространство уступает свое первенство времени. Внимание выхватывает не то, что пребывает, а, напротив, то, что меняется. Акцент смещается с тождества на различие.

Общество – концептуальный рудимент. Это понятие делит человечество на отдельные замкнутые образования, приучая нас мыслить в категориях «свой-чужой». Оно стандартизирует, иерархизирует, стабилизирует, нормализует, а, значит, и выбраковывает. В условиях расцвета общества власть работает весьма грубо и тяжело. Советский Союз был апофеозом общества, вершиной, за которой следует спуск. *Технологизация власти означает рассеивание, дисперсию обществ*, которая протекает в двух направлениях: во-первых, в направлении освобождения телесного индивида от жестких властных структур в пользу тонкой сети сверх- и внесоциальных властных отношений; во-вторых, в направлении размывания границ отдельных обществ в пользу Человечества вообще.

4. Социальные технологии и сфера политического

В дотехнологической реальности проблемой регулирования социальных процессов в существенной степени занята политическая власть. Логично предположить, что социальные технологии есть результат микрофизации политической власти. Тогда политической власти, достигшей уровня микрофизации, на котором она превращается в социальные технологии, свойственны те же характеристики, что и власти как технологии вообще.

И прежде всего для нее характерно расщепление субъекта властных отношений. Политическая власть на уровне, которому соответствуют социальные технологии, уже не может включать в себя столь крупный элемент, каким является отдельная личность: диктатура отдельной личности несовместима с высокотехнологическим уровнем общества. Любой участник политических процессов инвестирует в тот процесс, в котором участвует, лишь одну из

имеющихся у него функций. При этом он должен соответствовать стандартам личности технологической реальности, а это значит, что длительное существование в политической реальности, тем более на сходных ролях, неприемлемо. Мир высоких технологий подразумевает высокую скорость смены элит. В идеале, при достижении обществом определенного уровня технологического развития государство в его политических функциях угаснет, поскольку общество обретет способность саморегуляции. Таким образом, социальные технологии являются неким переходным явлением между дотехнологическим и технологическим обществами. Понятно, что отомрут они не в результате политической борьбы (политическая борьба сама как раз и есть социальная технология, и чем более продвинутым в технологическом плане является общество, тем больше политическая борьба вырождается в ее имитацию, в политический спектакль), а естественным образом, поскольку никто не захочет инвестировать свои функции в их процессы: это окажется попросту никому не интересно.

Политические технологии как часть социальных технологий. Но если политическая власть, срачиваясь со знанием, трансформируется в социальные технологии, то какая роль отводится в этой новой технологической реальности собственно политическим технологиям, о которых нам тоже хорошо известно? В предыдущем абзаце упоминались политические спектакли, которые вынуждены разыгрывать рудиментарные политические структуры, дабы продлить иллюзию наличия политической борьбы и политической реальности вообще. Политические технологии – это та часть социальных технологий, которая непосредственно связана с постановкой подобных спектаклей.

У политической власти в обществе, находящемся в фазе перехода от дотехнологического к технологическому уровню, крайне двусмысленная позиция, полная горькой иронии. Какие-то аспекты социального бытия уже принадлежат технологическому обществу, в котором доминируют принципы саморегуляции и самоконтроля: они не нуждаются в государстве, являющемся в дотехнологическом обществе исполнителем этих функций. Но какая-то часть этого общества еще продолжает пребывать в дотехнологическом состоянии. Усугубляет ситуацию и неоднородность технологического развития человечества: технологически продвинутые обще-

ства окружены технологически отсталыми, характеризующимися совершенно иным обустройством своего существования, более архаичными социально-политическими и экономическими практиками. И чтобы взаимодействовать с ними даже обществу, вошедшему в технологическую фазу своего развития, приходится сохранять во всех остальных отношениях избыточные, ненужные ему политические структуры, к которым принадлежит и армия.

Короче, с крупными государственными образованиями и соответствующей им политической машиной, включающей определенные механизмы легитимного назначения конкретных лиц на ключевые посты, мирятся как с неизбежным злом. Нелюбовь технологически продвинутых обществ к государственной власти есть такое же естественное положение вещей, как почитание и даже обожествление верховной власти в архаичных социумах. Верховная власть находится под неусыпным контролем со стороны активного и самостоятельного общества, постоянно тестирующего ее на предмет возможности лишиться очередной функции, подвергнув ее дисперсии, распределив в социуме. Верховной (политической) власти приходится постоянно доказывать собственную необходимость, и делать это она может двумя способами. Первый, честный, – это повышать собственную реальную эффективность, принося реальную пользу обществу; второй, который становится возможным и даже необходимым благодаря низкому культурному уровню существенной части составляющих данное общество индивидов, – политические технологии, в которых в свою очередь выделяют грязные технологии, что, однако, не означает, что существуют чистые. В принципе, всякая политическая технология – это манипуляция. Так что чистых политтехнологий не существует.

Нужно, тем не менее, понимать, что политические технологии существуют в той мере, в какой цель оправдывает средства. Цель – совершение легитимизирующего власть ритуала, которым являются выборы. Государство вынуждено делать все, что в его силах, в том числе играть на самых низменных струнах душ своих граждан, чтобы добиться репрезентативной явки. Можно искусственно создать оппозицию, чтобы потом ее эффектно победить, можно начать войну с внешним или внутренним врагом – главное, чтобы избиратель ощущал угрозу. Тогда приходится мобилизоваться. Разумеется, негативный мотив неплохо бы усилить позитивным:

война против тоталитаризма, вооруженного химическим оружием, в Ираке также решала цивилизаторскую задачу экспорта демократии; разгон «несогласных», которые представляются как агенты влияния США, необходимо дополнить позитивной рекламой нацпроектов; лозунг «голосуй, или проиграешь!» пугает возвратом к коммунистическому прошлому и одновременно соблазняет будущим материальным выигрышем в условиях свободного рынка. Короче, когда большинство в обществе неспособно на более или менее тонкую аналитическую работу, в ход идут политические технологии с проверенным принципом кнута и пряника.

Но, отдавая дань Мишелю Фуко, следует заметить, что всякая власть содержит в себе стимулы к самоорганизации личности и обретению свободы от данной формы власти. Социальные технологии, загоняя нас в виртуальные дисциплинарные пространства изолированных друг от друга обществ, одновременно провоцируют на нарушение условных границ этих пространств; примитивные маневры самой неприглядной части социальных технологий – технологий политических – тестируют наше сознание на способность к интеллектуальному и нравственному росту, повышая сопротивляемость к приемам манипуляции, предлагая пищу аналитическим процедурам нашей ментальной сферы и в конце концов приводя к повышению степени дифференциации и автономности структуры нашей души, одновременно поощряя ее на участие во все большем количестве тонких и динамичных отношений.

Примечания

- ¹ *Касавин И.Т.* Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXVI. № 4. С. 7–9.
- ² Эта проблематика зарождается уже по крайней мере в тексте 1961 г. «История безумия в классическую эпоху» и получает окончательную формулировку в виде концепции «власти-знания» в «Надзирать и наказывать» в 1975 г.
- ³ Понимание термина «социальные технологии» как дискурс-технологий предлагает И.Т.Касавин в уже упоминавшейся статье.
- ⁴ Я отталкиваюсь в употреблении данной терминологии от понимания эволюции системы, введенного А.Бергсоном и развитого Ж.Делёзом, то есть, как повышения степени дифференциации и автономии. См., например: *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2001. С. 50 или: *Делёз Ж.* Различие и повторение. СПб., 1998. С. 309.

А.Л. Никифоров

Язык как инструмент идеологического воздействия

Язык, безусловно, представляет собой важнейшее средство всех социо-гуманитарных технологий, включающих в себя коммуникативное взаимодействие между людьми. При любых воздействиях на сознание и поведение людей в процессе общения язык играет фундаментальную роль. Как, за счет чего язык способен выполнять эту роль?

I

Хорошо известно, что семиотика как общее учение о знаковых системах, возникшее благодаря трудам Ч.Пирса, Ф. де Соссюра, Ч.Морриса, включает в себя три раздела: 1) *синтактику*, рассматривающую отношения между знаками; 2) *семантику*, анализирующую отношения между знаками и теми объектами, к которым они относятся или которые они обозначают; 3) наконец, *прагматику*, которая предметом своего исследования делает употребление и восприятие знаков в процессах коммуникации. В первой половине XX в. значительное развитие получила логическая семантика, исследующая отношения между формальными языками математической логики и объектами предметной области того или иного языка. Создатель логической семантики Г.Фреге рассматривал языковые выражения как имена внешних объектов и полагал, что каждое выражение обладает значением и смыслом: значением выражения

является тот объект или класс объектов, который оно обозначает, смыслом выражения является понятие или то, что позволяет нам узнать, какие именно объекты обозначаются тем или иным выражением. Например, значением слова «лошадь» будет класс животных, а смыслом этого слова будет понятие о лошади или набор тех свойств, благодаря которым мы можем выделить обозначаемый этим словом класс.

Во второй половине XX в. более интенсивно развивается прагматика, внимание которой направляется не на формализованные языки логики и математики, а на естественный язык – на то, как употребляются и воспринимаются выражения естественного языка в разнообразных процессах коммуникации. Исследование употребления языка обнаружило еще одну важную особенность языковых выражений, на которую логика не обращала внимания, а именно: они не только обозначают какие-то объекты и несут в себе информацию об этих объектах (смысл), но часто включают в свое содержание отношение говорящего к обозначаемым объектам и явлениям. Теория аргументации, опирающаяся на логику, также говорит об использовании в речи так называемых «эмоционально окрашенных понятий», однако рассматривает их употребление как некорректный прием аргументации и рекомендует воздерживаться от их использования в научных и, вообще, рациональных дискуссиях. Однако язык используется нами не только в процессах познания, но и в повседневном общении, в разнообразных видах профессиональной деятельности, в идеологических и политических столкновениях. Во всех этих сферах такого рода понятия широко используются. Более того, представители французского структурализма, в частности, Р.Барт, пытались доказать, что все слова естественного языка «идеологически нагружены», т. е. все они несут в себе то или иное отношение к вещам и явлениям окружающего мира, все они навязывают нам определенный взгляд на мир. – «В любом письме, – замечает Барт, – можно обнаружить двойственность, свойственную ему как особому объекту, который одновременно является формой языкового выражения и формой принуждения: в глубине письма всегда залегает некий «фактор», чуждый языку как таковому, оттуда устремлен взгляд на некую внеязыковую цель. Этот взгляд вполне может быть направлен на само слово и заморожен им, как это имеет место в литературном

письме; но в таком взгляде может сквозить угроза наказания – и тогда перед нами политическое письмо...»¹. В рамках структурализма сформировалась даже специальная область исследований – идеолингвистика, предметом которой является изучение идеологического использования языка. При этом идеология понимается достаточно широко – как «система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности»². Вообще говоря, это вполне естественно: повседневный язык не только задает определенную картину окружающего мира, но несет в себе и наше отношение к этому миру, нашу оценку вещей и явлений. И выражение этого отношения занимает в языке не меньшее, а, пожалуй, даже большее место, чем его описательная, информативная функция.

При анализе идеологической функции языка его выражения обычно рассматриваются как обладающие двумя видами значения – предметным значением и оценочным (идеологическим) значением. Смысл – указание на предмет мысли и значение – обозначаемый языковым выражением объект, которыми так много занималась логическая семантика, в лингвистике часто «склеиваются» в одно – «предметное» или «семантическое» – значение слова, к которому добавляется еще одно – «оценочное» значение. Как раз при использовании языка в социо-гуманитарных технологиях именно оценочное значение слов и выражений выходит на передний план.

II

С точки зрения употребления, лингвисты выделяют три разных класса слов. Во-первых, это слова, обладающие только предметным значением и не выражающие никакого отношения к обозначаемым предметам и явлениям. К этому классу будут относиться такие слова, как «дерево», «император», «писатель», «дом», «пенсионер», «быстро», «реформа», «белый» и т. п. В сущности, логика и логическая семантика говорили только о словах такого рода. И это было вполне оправданно, ибо в процессах познания мы стремимся к получению объективного знания о мире – знания,

которое никак не зависит от нашего отношения к миру. Поэтому научные термины – сила, скорость, атом, валентность, кислота, температура и т. п. – обладают только предметным значением. Ко второму классу относятся слова, выражающие чистую оценку без указания объекта, к которому эта оценка относится, например, «хороший», «полезный», «уродливый», «вредный», «прекрасный», «безобразный» и т. п. Только контекст, т. е. соединение оценки со словами первого рода, позволяет понять, к каким предметам или явлениям применяет говорящий эти оценки: «хороший писатель», «полезная реформа» и т. п.

Наиболее интересным для нас в данном случае является третий класс, состоящий из таких слов, которые указывают на некоторый объект и одновременно выражают оценку этого объекта говорящим. Например, в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова мы читаем: «*Пособник* – помощник в дурных, преступных действиях»; «*Сподвижник* – помощник в деятельности на каком-нибудь поприще, соратник». Слова «пособник» и «сподвижник» по своему предметному значению совпадают – это помощник в каком-то деле, однако они выражают совершенно разное отношение говорящего к этому «помощнику». Таковы же слова «заклеймить», «самоуправство», «сговор», «военщина», «судилище», «произвол», «лихачество» и т. п. – Слова именно такого рода и используются как мощное средство социальных технологий для достижения политических, идеологических, экономических целей. Лингвисты называют их «*прагмемами*»³, подчеркивая в этом названии их специфически прагматическую функцию: не только обозначать какой-то предмет, явление или передавать информацию о нем, но и выражать – положительное или отрицательное – отношение говорящего к этому предмету или явлению.

Прагмемы резко отличаются от слов первых двух классов. Слова первого класса обладают только предметным значением, они могут выступать в качестве субъекта суждения. Слова второго класса не обладают предметным значением, они выражают лишь оценки и обычно могут использоваться только в качестве предикатов. Лишь соединение слов этих двух классов способно породить суждение: «Дом – удобный», «Поступок – нравственный», «Реформа – вредна». А вот в прагмеме предметность соединяется, сплавляется с оценкой – это одновременно и указание на объект, и выра-

жение отношения к нему. Поэтому прагмему можно рассматривать как «свернутое», сжатое суждение. Обозначить какой-то поступок словом «произвол» значит одновременно охарактеризовать его как незаконный, несанкционированный, своевольный. В этом отношении прагмемы похожи на так называемые «назывные» предложения: «Светает», «Темнеет», «Морозит» и т. п. Считается, что подлежащее в таких предложениях задано чувственным восприятием и в явном виде высказывается лишь предикат, характеризующий это чувственное восприятие. В прагмемах в одном слове сконцентрировано и подлежащее, и сказуемое.

Смысл слов с обычным предметным значением в значительной мере зависит от контекста употребления. Например, взглянув на ряд предложений: «Эта комната свободна», «Наконец-то я свободна!», «Сэр, это свободная страна!», мы замечаем, как варьируется смысловое наполнение слова «свободный». Но прагмема, будучи «свернутым» предложением, оказывается в значительной мере независимой от контекста, более того, она сама задает свой контекст. Вот два предложения: «Опытный политик сумел заключить соглашение с предводителем повстанцев» и «Матерый политикан вступил в сговор с главарем бандитской шайки». Легко видеть, что как только на место слов «опытный политик» мы поставили прагмему «политикан», так сразу же мы вынуждены соответствующим образом подбирать другие слова – прагмема сама задает свой контекст. Поэтому, как только мы прибегли к использованию прагмемы, так сразу же придали своему тексту или своей речи определенную идеологическую окраску, которая диктует нам подбор дальнейшей лексики. Скажем, ясно, что слова «содружество», «прогрессивный», «свободолюбие», «демократия» не могут входить в оценочно-отрицательный контекст, а слова «сговор», «регрессивный», «раболопство», «тоталитаризм» – в оценочно-положительный.

III

Как известно, синонимами называют слова и выражения, совпадающие по своему значению, например, «мужество» – «храбрость», «квадрат» – «прямоугольный ромб»; антонимы – слова,

противоположные по значению, например, «светлый» – «темный», «бесцветный» – «окрашенный». Вот эти отношения синонимии и антонимии связывают и прагмемы. Однако поскольку прагмемы обладают двойным, оценочно-предметным значением, постольку все отношения между ними удваиваются. На место двух отношений синонимии и антонимии встают отношения четырех типов.

1. Предметная синонимия (совпадение или близость предметных значений) при оценочной антонимии.

Прагмемы указывают на тождественные (или сходные) объекты или явления, но оценивают их противоположным (или резко различным) образом, например: «свобода – вседозволенность», «патриотизм – национализм», «размежевание – раскол», «миролюбие – примиренчество». Слова «миролюбие» и «примиренчество» имеют приблизительно одно и то же значение: склонность к миру, стремление установить мир, прекратить раздоры, ссоры. Однако оценочные коннотации этих слов прямо противоположны: миролюбие оценивается позитивно, а примиренчество – негативно. Такое отношение между словами называют «*конверсией*», а находящиеся в таком отношении слова – «*конверсивами*».

Широкая распространенность в языке конверсных отношений свидетельствует о том, что в речевом общении важной и конструктивной оказывается не только семантическая сторона наших слов, но и содержащийся в них оценочный, прагматический компонент. Нам в разговоре часто не просто хочется сообщить собеседнику какую-то информацию, не только указать на какие-то объекты или положения дел, но и внушить ему определенное оценочное отношение к этим объектам и ситуациям. Тогда мы используем прагмему вместо нейтрального термина. Это проявляется в существовании в языке таких пар слов, как: оптимизм – прекраснодушие, собрание – сборище, воин – вояка, усилия – потуги, соревнование – конкуренция, деловитость – делячество и т. п. Для громадного числа слов, обладающих чисто предметным значением, язык находит синонимы с явным оценочным оттенком, например: дом – домишко, домище, особняк, лачуга; лошадь – лошаденка; и т. п. Возможно, в языке вообще нет таких слов, для которых мы не смогли бы найти синонимов, включающих в себя то или иное оценочное отношение.

2. Предметная антонимия, оценочная синонимия.

Это отношение противоположно конверсии: слова обладают противоположными предметными значениями, но оцениваются одинаково – положительно или отрицательно: интернационализм – патриотизм, новаторство – преемственность, объективизм – субъективизм, обелять – очернять. Слова «миролюбие» и «непримиримость» являются антонимами в плане предметного значения (стремление к миру – отказ от мира), однако оба несут в себе позитивную оценку. Это – коррелятивная связь, а соответствующие словесные пары называют *«коррелятивами»*. Они часто используются в качестве однородных членов предложения как дополняющие друг друга характеристики одного и того же явления, например, «Необходимо усилить работу по интернациональному и патриотическому воспитанию молодежи», «Как новаторство, так и традиция составляют незыблемую основу искусства». Если благодаря конверсии одно и то же явление может оцениваться противоположным образом, то благодаря корреляции противоположные явления получают одинаковую оценку.

3. Полная антонимия – противоположность как предметных, так и оценочных значений пары слов.

Такое отношение называют *«контрарным»*, а слова, находящиеся в этом отношении, *«контративами»*. Например, пары слов: «миролюбие – агрессивность», «коллективизм – индивидуализм», «новаторство – эпигонство», «сплочение – раскол», «интернационализм – национализм», являются контративами, поскольку члены этих пар противопоставляются не только по наличию или отсутствию какого-либо семантического признака, но и по отношению говорящего к предмету речи. «Коллективизм» – это наличие общности между людьми (или стремление к ней), которое оценивается положительно, а «индивидуализм» – отсутствие такой общности (или стремления к ней), которое оценивается отрицательно.

4. Полная синонимия – тождественность (или близкое сходство) как предметных, так и оценочных значений.

Например, слова «дисциплинированность – организованность – сознательность» в сравнении с другим рядом слов «анархия – стихийность – распущенность» могут рассматриваться как взаимозаменяемые и с точки зрения предметного, и с точки зрения оценочного значения. Такие слова называют *«субститутивами»*.

Они используются при словесном варьировании выражения одной и той же идеолингвистической модели, хотя сами в построении этой модели не участвуют.

Сама целостная идеолингвистическая модель образуется тремя отношениями между прагмемами – контрарностью, конверсией и корреляцией, и включает в себя четыре элемента. Эта четырехэлементная структура называется «тетрадой»⁴. Легко понять, как она образуется.

Возьмем, например, слово «патриотизм». Его семантическое значение – преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу. Его оценочное значение – позитивное, патриотизм оценивается как нечто положительное, желательное, даже необходимое. Обозначим наличие данного семантического значения цифрой 1 и положительную оценку – также цифрой 1, тогда наше слово получит двоичную оценку (11).

Мы помним, что в отношении конверсии находятся слова, обладающие одинаковым семантическим значением, но содержащие разные оценки. Тогда в отношении конверсии с этим словом будет находиться слово «национализм», которое сохраняет семантическое значение (с небольшим изменением) слова «патриотизм», но оценивается отрицательно. Поэтому слово «национализм» получает оценку (10).

В отношении корреляции находятся слова, которые обладают противоположными семантическими значениями, но имеют одинаковую оценку. Коррелятом слова «патриотизм» будет слово «интернационализм», означающее равенство, солидарность и сотрудничество всех народов. Оно также несет в себе позитивную оценку. Поэтому суммарной оценкой этого слова будет (01).

Наконец, слово «космополитизм» будет конверсией по отношению к «интернационализму» и коррелятом по отношению к «национализму». Его суммарной оценкой будет (00).

Вот эти четыре слова и образуют идеологическую тетраду:

Патриотизм (11)	Национализм (10)
Интернационализм (01)	Космополитизм (00)

Пары слов «патриотизм – космополитизм» и «национализм – интернационализм» находятся в отношении контрарности – они противоположны и по своему семантическому, и по оценочному значению.

Нетрудно заметить, что изображение отношений между прагмами в тетраде очень похоже на хорошо известный логический квадрат традиционной логики. Логический квадрат демонстрирует отношения между простыми суждениями различных типов: общеутвердительными («Все лошади кушают овес» – (А)), общеотрицательными («Ни одна лошадь не кушает овса» – (Е)), частноутвердительными («Некоторые лошади кушают овес» – (I)) и частноотрицательными («Некоторые лошади не кушают овса» – (O)). Эти отношения помогают нам осуществлять некоторые элементарные логические выводы. Так, если мы знаем, что общеутвердительное суждение А истинно, то отсюда мы можем заключить, что суждение типа I будет необходимо истинным, а суждения типов Е и O будут ложными. Тетрада предоставляет нам аналогичные возможности. Если у нас имеется слово с суммарным значением (11), то мы можем найти прагмы со значениями (10), (01) и (00). Пусть, например, у нас есть прагма «новаторство» – стремление к новому (1), которое оценивается положительно (1). Суммарной оценкой этого слова будет (11). Конверсия этого слова предполагает сохранение семантического значения, но изменяет оценочное значение – «авангардизм», «стремление к новшествам». Корреляция предполагает изменение семантического значения при сохранении оценки: «преемственность», «сохранение традиций». Наконец, контрарность меняет и семантическое и оценочное значение: «эпигонство», «консерватизм».

IV

Мы видим, что тетрада представляет собой целостное смысловое образование, каждый элемент которого связан со всеми другими элементами. Структура тетрады показывает, каким образом происходит процесс порождения идеологических смыслов. Когда в речи затрагивается некоторое общее понятие или культурное представление, которые сами по себе идеологически нейтральны,

то в идеологически нагруженной речи они могут быть выражены четырьмя разными прагмемами. Допустим, например, мы хотим говорить о «стремлении к миру» (А). Тогда возможны четыре различных способа выражения этого понятия в идеологически нагруженном языке.

1. Стремление к миру трактуется говорящим как нечто положительное, желательное, должное, и оно выражается словом «миролюбие», несущее в себе позитивную оценку: А(11).

2. Стремление к миру оценивается говорящим как нечто несвоевременное, вредное и оно обозначается словом «примиренчество»: А(10).

3. Отказ от мира – антоним нашего А – трактуется говорящим как нечто положительное, необходимое и выражается словом «непримиримость», несущее позитивный идеологический смысл: А(01).

4. Отказ от мира истолковывается как нечто губительное, безрассудное, дурное и выражается словом «агрессивность», несущее негативный идеологический смысл: А(00).

Другие примеры тетрад, по-разному выражающих одну и ту же «тему» в идеологически нагруженном языке:

«Твердость – твердолобость, «Щедрость – расточительность,
Гибкость – мягкотелость»; Бережливость – скопидомство»;
«Требовательность – придиричность,
Доброжелательность – попустительство»;
«Бдительность – подозрительность,
Доверие – ротозейство»;
«Скромность – самоуничижение,
Гордость – зазнайство».

Тетрада уже с древнейших времен находила воплощение в живой разговорной практике. Так, Фукидид в своей «Истории» сетует на то, что в период раздоров, вызванных Пелопонесскими войнами, «изменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благоразумная осмотрительность – замаскированной трусостью, умеренность – личиной малодушия, всестороннее обсуждение – совершенной бездеятельностью. Безудержная вспыльчивость признавалась подлинным достоинством мужа. Забота о безопасности была лишь благовидным предлогом, чтобы уклониться от действия. Человек, поносящий

других и вечно всем недовольный, пользовался доверием, а его противник, напротив, вызывал подозрения. Удачливый и хитрый интриган считался пронизательным, а распознавший заранее его планы – еще более ловким»⁵.

Здесь мы видим два ряда идеологических оценок, принадлежащих представителям двух враждующих партий, разным субъектам речи. То, что одни считают положительным проявлением «мужества», другие клеймят отрицательно-оценочным словом «безрассудство». Осторожное поведение его сторонниками характеризуется как необходимая «предусмотрительность», враждебная же партия обозначает такое поведение как «трусость». Следует заметить, что само употребление прагмем освобождает от необходимости доказательств, обоснований: ясно, что «предусмотрительность» заведомо лучше «безрассудства», а «мужество» безусловно лучше «трусости», и эта оценка уже включена в смысл используемых слов.

Приведенный пример показывает, что в реальной языковой практике тетрада почти никогда не используется целиком, во всей своей полноте. Обычно в процессе дискуссии или для внушения определенной идеологической позиции берется контрарная или конверсная пара: «мужество – трусость», «осторожность – безрассудство», «щедрость – скопидомство» и т. п. Это наводит на мысль о том, что тетрада представляет собой, скорее, теоретическую конструкцию, а не живой факт естественной речи. Тетрада в ее полном виде – это либо инструмент сознательного идеологического воздействия, либо средство критики идеологически нагруженной речи. Обычно говорящий осознает лишь какой-то фрагмент тетрады и реализует в своей речи только этот фрагмент. В большинстве случаев так и бывает, когда говорящий увлечен какой-то идеологической позицией, находится во власти эмоций или не подвергается сомнению убеждений. Гораздо реже искусный демагог осознает всю тетраду, но реализует ее не сразу во всей полноте, а по частям – в последовательности отдельных речевых актов. Он использует всю прагматическую силу конверсии, контрарности и корреляции. Он рационально пользуется оценками и эмоциями, заключенными в каждой паре тетрады, так, чтобы в каждый конкретный момент они подкрепляли его позицию. В сущности, только в этом случае можно говорить о технологическом использовании языка в чистом виде.

В реальном речевом общении на поверхность обычно выступает какая-то пара антонимов: щедрость (11) – бережливость (01), новаторство (11) – традиция (01), в которых противопоставляются слова, обозначающие противоположные явления с одинаковой позитивной оценкой. В процессе идеологического использования к ним добавляются слова, дополняющие первоначальную пару антонимов до полной тетрады: расточительность (10) – скопидомство (00), модернизм (10) – консерватизм (00). Но если мы вспомним теперь, что каждая конкретная прагмема имеет множество синонимов – как в семантическом, так и в оценочном значении, – то мы можем отвлечься от конкретных слов той или иной тетрады и представить ее в виде схемы, в которой (1), стоящая на первом месте, представляет наличие некоторого признака; (0) на первом месте представляет отсутствие этого признака или противоположный признак; (1) на втором месте представляет положительную оценку; (0) на втором месте представляет отрицательную оценку семантического признака говорящим. Тогда мы получаем вот такое схематическое выражение тетрады:

11	10
01	00

Каждая важная оппозиция, укорененная в нашей культуре, способна породить множество конкретных тетрад, слова в которых варьируются в зависимости от сферы применения, сохраняя в то же время смысл исходной фундаментальной оппозиции. Возьмем, например, пару фундаментальных философских категорий-антонимов «свобода – необходимость». Признаки, образующие их семантическое значение, противоположны, поэтому если признак наличия свободы мы обозначим как (1), то семантическое значение необходимости будет представлено в виде (0). Оценочное значение обоих слов является позитивным, т. е. (1). Но и «свобода», и «необходимость» имеют множество синонимов или близких по значению слов:

Свобода (11) – воля, свободолобие, свободомыслие, бунтарство, мятежность, активность, самостоятельность, инициатива, почин, демократия, энтузиазм, самоуправление и т. п.

Необходимость (01) – порядок, организация, дисциплина, плановость, централизм, детерминизм, сознательность, ответственность, бдительность, исполнительность, законность и т. п.

Теперь к этой паре антонимов мы можем добавить слова с противоположной (отрицательной) оценкой. Свобода с отрицательной оценкой может быть представлена словом «анархия», также имеющим множество синонимов:

Анархия (10) – своеволие, произвол, вседозволенность, распущенность, стихийность, плюрализм, либерализм, самоуправство, волюнтаризм, попустительство, безнадзорность, хаос и т. п.

Необходимость с отрицательной оценкой можно обозначить словом «подчиненность» и его синонимами:

Подчиненность (00) – гнет, насилие, угнетение, закрепощение, принуждение, подневольность, деспотизм, тирания, авторитарность, тоталитаризм, бюрократизм, зависимость, фатализм и т. п.

Комбинируя синонимичные слова, играя семантическими и оценочными значениями, опытный идеолог способен порождать конкретные тетрады для использования их в конкретных обстоятельствах и в конкретных областях.

Кажется, логика бессильна в критике тетрады, ибо разные члены тетрады могут объединяться, противопоставляться друг другу и замещать друг друга. Скажем, «твердость» – хорошее качество, противоположное другому хорошему качеству – «гибкости». С точки зрения логики, «твердость» и «гибкость» исключают друг друга, их объединение должно привести к противоречию. Однако фраза «Твердость нужно уметь сочетать с гибкостью» отнюдь не кажется противоречием. «Твердость» может быть выражена как «твердолобость» – тогда она потеряет свою положительную оценку. В сочетании «твердолобости» с «гибкостью» последняя обретает безусловную ценность, которой она не имела в сочетании с «твердостью». Поэтому критиковать идеологизированную тетраду с помощью логики или каких-то принципов рационального суждения бессмысленно: она ускользает от правил и принципов.

Для критики тетрады, для лишения ее убеждающей силы необходимо подняться на более высокий уровень и взглянуть на тетраду, так сказать, с высоты метаязыка. Язык, использующий прагмемы, можно рассматривать как некий объектный язык, говорящий о предметах и явлениях в оценочных терминах. С точки зрения метаязыка мы можем поставить вопрос о правомерности выражения каких-то явлений в тех или иных оценочных терминах. Проще говоря, когда некий поступок один говорящий характеризует как «мужество», а

другой говорящий – как «безрассудство», мы должны поставить вопрос: насколько правомерны эти оценки? Можно ли с ними безоговорочно согласиться? Такой вопрос сразу же разрушает убедительность тетрады. Вспомним о том, что прагмема представляет собой свернутое суждение: «Этот поступок мужественен», «Этот поступок безрассуден», «Это проявление щедрости», «Это проявление расточительности». Но тогда прагмему и можно критиковать как суждение! Нельзя критиковать слово, например, «дом» или «дерево», можно лишь указать на то, что слово в данном конкретном случае употреблено неправильно. Но прагмему можно критиковать именно потому, что это не совсем слово, это – скорее суждение. И тогда слову-суждению можно противопоставить другое слово-суждение или, по крайней мере, отвергнуть внушаемую оценку.

V

Для того чтобы проиллюстрировать наши достаточно абстрактные и, к сожалению, расплывчатые рассуждения об идеологическом использовании языка в качестве социальной технологии, рассмотрим конкретный пример. Совсем недавно на официальном сайте Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека были опубликованы Предложения об учреждении общенациональной и государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Посмотрим на этот документ с технологической точки зрения.

Сразу же бросается в глаза его чрезмерная идеологизированность, которая проявляется в обильном использовании оценочных слов, часто не имеющих сколько-нибудь определенного семантического значения. В частности, уже в самом названии документа слова «жертвы тоталитарного режима», «увековечение», «национальное примирение» – это очевидные прагмемы. Приведем несколько цитат из документа, курсивом выделяя оценочные слова, несущие явную идеологическую нагрузку.

«Без освоения общественным сознанием *трагического* опыта России в XX в. представляется невозможным движение российского общества к *реальной* модернизации».

«Соккрытие правды о прошлом лишает нас возможности *национального самоуважения...*». «Одним из важнейших путей преодоления взаимного *отчуждения* народа и элиты является *полное* признание российской *катастрофы XX в., жертв* и последствий *тоталитарного режима...*». «Окончание *гражданской войны, развязанной в 1917 г.*». «Необходимо, *наконец*, рассекретить архивы с тем, чтобы перестать скрывать от самих себя *страшную правду о злодеяниях*, которые *творились* у нас в стране. *Скрывая* всем известную *правду*, мы сами себя *позорим...*».

Текст перенасыщен словами и оборотами типа: «геноцид собственного народа», «жертвы и палачи», «трагическое прошлое», «страшная правда», «злодеяния режима», «преступления прошлого», «нарушение прав и свобод граждан», «массовые репрессии», «трагические страницы истории» и т. п. С помощью всех этих слов, несущих в себе мощный отрицательный заряд, авторы «Предложений» создают идеологизированную картину советского прошлого – картину, которая должна послужить основой для определенных государственно-общественных действий в настоящем. Эти возможные действия оправдываются нарисованной картиной – если картина неверна, то и действия никакие не нужны (или нужны совсем иные действия). Здесь перед нами идеологическое использование языка в чистом виде – социальная технология, используемая для достижения определенных целей.

Как противостоять такому употреблению языка и идеологическому внушению? Конечно, можно было бы противопоставить нарисованной картине изображение советского прошлого, окрашенное розовыми тонами, созданное с позиций иной идеологии. Именно так поступают многие публицисты и идеологи, подчеркивающие достижения советского периода нашей истории. Однако такой способ противостояния редко приводит к успеху. Здесь происходит борьба команд на одном поле – поле идеологии, и успех в этой борьбе чаще всего зависит от мощности пропагандистской машины, запущенной в ход для распространения тех или иных идей. В этом отношении защитники советской идеологии в настоящий период находятся в заведомом проигрыше.

Лучше подняться над идеологизированным языковым полем в область метаязыка. И первое – осознать, что имеешь дело не с научным, информативным, содержательным текстом, а с текстом, несущим

щим в себе определенную идеологию. Об этом сигнализирует наличие прагмем – слов, выражающих определенное оценочное отношение к обозначаемым вещам и явлениям. Слова «жертвы», «палачи», «злодеяния», «тоталитаризм» и т. п. сразу же говорят читателю, что перед ним выражение определенной идеологии. Уже одного этого бывает достаточно, чтобы резко ослабить воздействие такого текста.

Еще более эффективным приемом противодействия идеологической власти языка является восстановление полной тетрады. Скажем, авторы цитированного выше документа поносят и проклинаят тоталитаризм. Несомненно, это слово несет в себе отрицательную оценку и семантически означает отсутствие чего-то позитивного. Суммарную оценку слова «тоталитаризм» можно представить как (00). В контрарном отношении с этим словом будет такое слово, оценка которого (11). По-видимому, противоположностью тоталитаризма авторы считают демократию. Так у нас получается контрарная противоположность: демократия (11) – тоталитаризм (00). Но мы знаем, что для обоих этих слов имеются корреляты и конверсивы, пусть это будут слова: дисциплина или централизация (10) и анархия (01). Тогда мы получаем тетраду:

Демократия (11)	анархия (01)
Дисциплина (10)	тоталитаризм (00)

Теперь мы видим, что паре «демократия – тоталитаризм», в которой первый член оценивается позитивно, а второй – негативно, мы можем противопоставить другую пару, изменяющую оценки: «дисциплина – анархия». А в целом тетрада наглядно показывает, что оценка тех или иных явлений или положений дел определяется точкой зрения наблюдателя и его субъективными предпочтениями, она никогда не бывает объективной. Осознание этого обстоятельства не только лишает идеологической силы диаду «демократия – тоталитаризм», но и позволяет противопоставить ей иную диаду – с противоположной идеологической нагрузкой: «дисциплина – анархия».

Авторы документа часто и назойливо говорят о «жертвах» и «палачах». Ясно, что жертва вызывает сочувствие и слово несет в себе позитивную оценку. Палач вызывает отвращение и в слове

уже заключено отрицательное отношение к палачам. Если ограничиться этой диадой, то все население советской страны разделится на две части – жертвы и палачи: кто не был жертвой, тот был палачом, и наоборот. Тогда действительно мы получим «геноцид собственного народа», «трагические страницы истории», «злодеяния» и т. п. Но попробуем восстановить полную тетраду.

Какое слово несет в себе позитивную оценку, но лишено семантического признака жертвы? По-видимому, коррелятом слова «жертва» (в данном контексте как «жертва режима») может быть выражение «защитник государства»: оно обладает позитивным оценочным значением, но лишено признака, обозначенного словом «жертва». Какое слово находится в контрарном отношении с выражением «защитник государства»? – Очевидно, выражение «враг государства», несущее в себе отрицательную оценку. Вот так мы и приходим к полной тетраде:

Жертва (11)	враг государства (01)
Защитник государства (10)	палач (00)

Тетрада показывает, что жертва-то часто была врагом государства и заслуживала применения карательных мер, а в число палачей зачисляются все те, кто стоял на страже государственных интересов и боролся с врагами государства. Осознание взаимоотношений между членами тетрады полностью лишает силы диаду «жертвы – палачи».

Наконец, самым простым, но, быть может, наиболее эффективным средством защиты от идеологического использования языка является уточнение семантического значения слов. Мы говорили, что прагмемы обладают как семантическим, так и оценочным значением, однако их семантическое значение часто весьма расплывчато, а то и вовсе ничтожно. Попытка уточнить это значение часто приводит к осознанию того факта, что предлагаемый нам текст вообще не несет никакой информации и является лишь одной сплошной эмоцией.

Обратимся еще раз к «жертвам режима». Попробуем спросить: кого следует причислять к этим «жертвам», каков круг людей, обозначаемых этим словом? По-видимому, к жертвам какого-либо ре-

жима следует отнести всех тех, кто так или иначе пострадал от этого режима, т. е. осужденных судом воров, мошенников, убийц, взяточников и т. п. Начинаются уточнения: нет, к жертвам режима следует причислять только тех, кто пострадал по так называемым «политическим» статьям. Ну что ж, по этим статьям были осуждены коллаборационисты, сотрудничавшие с фашистами в годы Великой Отечественной войны, полицаи, предатели, был повешен генерал А.А.Власов, выступивший с оружием в руках на стороне фашистской Германии. Приходится вносить дополнительное уточнение: нет, к жертвам режима относятся только те, кто пострадал «безвинно». Но что значит «безвинно»? В итоге оказывается, что число «жертв режима» очень невелико и вполне сопоставимо с числом таких же «жертв» в других странах. К столь же расплывчатым выражениям относятся такие, как «российская катастрофа XX века», «страшная правда», «злодеяния», «преступные деяния», «права и свободы граждан» и т. п.

Порой авторы документа подменяют семантическое значение известных слов с целью достижения нужного им эффекта. Так, например, они утверждают, что гражданская война в России продолжалась в течение всего советского периода и не закончилась еще и сейчас. (Иначе, зачем нужно было бы говорить о «национальном примирении»?) Что такое гражданская война? Мы вспоминаем гражданскую войну в Соединенных Штатах в середине XIX в., гражданскую войну в Испании в 30-е гг. XX в. Гражданская война предполагает раскол населения, проживающего на одной территории, на два враждующих лагеря, ведущих между собой борьбу за власть над страной. Гражданская война в России закончилась к 1922 г. победой одной из сторон. Коммунистическое правительство объединило страну и было признано огромным большинством населения. Конечно, оставались диссиденты внутри страны и за ее пределами, не признававшие Советскую власть и даже боровшиеся против нее. Однако в каждой стране есть люди, недовольные существующим режимом и порой выступающие против него. Тем не менее, нелепо рассматривать существование таких людей как внутреннюю «войну». Размывание семантического значения выражения «гражданская война» предпринимается с очевидной идеологической целью реабилитировать и объединить в одну партию всех врагов России советского периода. Конечно, когда генерала

Власова, украинских и прибалтийских националистов, добровольных помощников фашистских оккупантов зачисляют в один лагерь с представителями Белого движения, то тем самым снимают с них клеймо предательства и облачают в ризы «идейных борцов с тоталитарным режимом».

* * *

Велика над нами власть слова. И эта власть чаще всего определяется не семантикой языка, не рациональными рассуждениями, а эмоциональной насыщенностью текста, эмоциональной окраской наших слов. Конечно, нас способно убедить логически корректное рассуждение, но гораздо более сильное влияние на наши убеждения, на наши реакции оказывают скрытые коннотации, неявные связи идеологически нагруженных слов. И если на уровне семантических значений, на уровне объективных или интересубъективных описаний важнейшую роль играют логика и эмпирическое обоснование, то на уровне идеологии они почти полностью утрачивают свою роль, ибо идеология не обосновывается логикой и фактами, она – *внушается*. Когда вы создаете образ какого-то предмета, события, явления с помощью слов, насыщенных определенной идеологией, то этот образ либо нужно принять целиком, либо весь целиком отвергнуть. Его нельзя поправить, скорректировать, ибо слова, которыми он создается, взаимосвязаны: они предполагают друг друга, поддерживают и усиливают друг друга. Возможно, именно в отношении таких текстов Р.Барт был прав, когда назвал язык «фашистом, понуждающим нас говорить нечто». Действительно, достаточно согласиться хотя бы с одним идеологически нагруженным словом, и вы будете вынуждены принять другие слова, несущие в себе ту же самую идеологию, и со всей созданной ими картиной.

Сознательное использование идеологически нагруженного языка в качестве технологического средства внушения и пропаганды каких-то идей кажется допустимым и даже естественным. Гораздо хуже и опасней другое. Картина вещей и явлений, создаваемая с помощью слов, содержащих в себе оценку, может показаться обычным объективным описанием. В используемых при ее создании словах

присутствует предметное, семантическое значение, указывающее на события и положения дел, высказывания можно оценивать как истинные. Вся картина претендует на то, чтобы рассматриваться как истинное описание. И порой создатель такой картины, не отдавая себе отчета в том, что он использует идеологический язык, искренне считает ее истинной. Полемизуя с иными изображениями тех же самых вещей и событий, он полагает, что борется с ложью во имя истины. Возьмите, например, слова, которыми пользуются экономисты или социологи для описания социально-экономических процессов: кризис, инфляция, застой, модернизация, терроризм, санкции и т. п. Все они несут в себе положительную или отрицательную оценку, т. е. идеологически нагружены. Однако мы принимаем их как обозначения реальных вещей и процессов. Возможно, именно здесь стоит искать источник рассуждений об исчезновении трансцендентального субъекта познания, о социально-культурной обусловленности научного знания, о гносеологическом релятивизме — тех рассуждений, к которым с таким энтузиазмом присоединились многие отечественные философы.

Примечания

- ¹ *Барт Р.* Нулевая степень письма // От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 59.
- ² Идеология // Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 475.
- ³ См.: *Эпштейн М.Н.* Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX века. М., 1988. С. 178. Слово «прагмема» кажется довольно-таки уродливым, однако нелегко найти ему замену.
- ⁴ Вообще говоря, в лингвистике выделено довольно много разнообразных оппозиций, квадратов, лексических рядов, выражающих «глубинную структуру» языка или отдельного текста. См.: *Гремайс А-Ж.* В поисках трансформационных моделей; *Барт Р.* Основы семиологии // От структурализма к постструктурализму. М., 2000 и т. д. Для нас в данном случае интересна именно модель тетрады.
- ⁵ *Фукудид.* История. М., 1981. Кн. 3, гл. 82. С. 197–198.

**Язык как социальный феномен:
лингвистическая относительность, конвенции,
речевые акты***

Социальные технологии: определение и проблемы

Вопрос о том, может ли язык рассматриваться как социальная технология и если да, то в каком смысле, требует прояснения базовых релевантных понятий. Если мы воспользуемся определением, предложенным И.Т.Касавиным, согласно которому «социальная технология – это коммуникационно-деятельностная форма проявления социального субъекта на уровне организационной, управленческой и социально-проектировочной деятельности, в аспекте социального конструирования знания и реальности»¹, то из него, по всей видимости, следует, что язык, будучи коммуникационной формой проявления человека (который является социальным субъектом) и используя на всех возможных уровнях, в том числе в организационной, управленческой и социально-проектировочной деятельности, является социальной технологией. Тем не менее, вопросы о том, в каком смысле язык может рассматриваться как технология и насколько социальной является его природа, представляют большой интерес и были предметом многих дискуссий в философии в XX и XXI в.

Известный исследователь социальных технологий Тревор Пинч и его коллеги в статье «Технология, тестирование, текст»² предложили следующее определение: социальной является любая технология, которая если и включает материальные компоненты, берет свое происхождение в социальных науках и имеет целью изменить поведение человека.

* Подготовлено при поддержке гранта Президента РФ МК-5548.2011.6.

Язык предполагает некоторую материальную реализацию – языковые единицы представляют собой слуховые или видимые символы. Безусловно, язык может использоваться для того, чтобы влиять на поведение человека. Так, большинство людей не станет заглядывать в шкаф с надписью «Ток. Не влезай. Убьёт». Однако, влиять на поведение другого человека можно и рукой, схватив его за воротник, тем не менее, рука не является ни технологией в целом, ни социальной технологией, в частности.

М.Дэксен и А.Болё³ подчеркивают, что, сделав социальные технологии предметом своего исследования, нам все же не следует пытаться возродить устаревшие дихотомии между социальной и материальной технологией, обществом и природой, человеком и социумом.

В современной философии очень распространено убеждение в том, что эти вещи неразрывно связаны и что провести четкого различия между ними нельзя. Так, например, Д.Маккензи в своих работах показывает, что социологический анализ может применяться к таким технологиям, как процессоры компьютера и противоракетные комплексы. Более того, социальные факторы играют важную роль в нашем познании собственно техническими характеристик технологий, а не только социальных аспектов из использования⁴.

Критике подвергалось также различие между технологией и природой, в частности, в работах Б.Латура. Сторонники этой концепции считают, что выделить в чистом виде нечто, что можно строго рассматривать именно как социальную технологию, представляет собой задачу невыполнимую. Наше современное общество представляет собой коллективы, в котором люди, тексты, растения, животные, техника связаны в единую сеть. Провести различие между ролью или функцией человека в обществе и функцией независимых от человека артефактов, таким образом невозможно.

Тем не менее, даже признавая относительность такого рода различий, те же М.Дэксен и А.Болё полагают, что можно делать предметом своего исследования социальные технологии, концентрируясь на разных смыслах (или степенях) социальности просто технологий и социальных технологий.

Итак, по всей видимости, для того, чтобы понять, в какой мере можно говорить о языке в целом или об определенном корпусе языковых выражений как социальной технологии, следует рассмотреть вопрос о том, насколько использование языка имеет социальную природу.

Кроме того, можно выделять и различные типы «влияния» на поведение людей. Автомобиль, например, может изменять поведение человека в разных смыслах: движущийся автомобиль может заставить человека отпрянуть с его дороги, а марка автомобиля может вызвать определенного рода отношение к его владельцу, влиять на его социальный статус. Не претендуя на то, что это различие является абсолютным, можно говорить о том, что только второе из этих воздействий имеет явную социальную природу. И таким образом, нам также предстоит рассмотреть вопрос о том, в каком смысле воздействие, которое способен оказывать язык на поведение членов социума, является социальным.

Вопрос о том, имеет ли язык социальную природу, для читателя мало знакомого с историей современной философии может показаться тривиальным – язык используется для общения, коммуникации, передачи информации, поэтому его природа очевидно социальна. Тем не менее, становление современной философии языка (аналитической философии) происходило в конце XIX – начале XX в. и связано, прежде всего, с работами Г.Фреге, который считал социальные аспекты языка вторичными по отношению к его природе. Он полагал, что каждому языковому выражению соответствует смысл и предметное значение, именно благодаря этим двум аспектам (и правилам композиционности, по которым значение сложных выражений складывается из значения выражений, их составляющих) наш язык способен служить источником получения и передачи информации. Ни смысл, ни предметное значение, по Фреге, не имеют социальной природы. Смыслы – это платоновские идеи, существующие в отдельном третьем мире, а значения – это объекты реального мира. Несмотря на то, что фрегевская концепция – и в особенности, его понятие смысла – подвергалась серьезной критике в работах последующих философов языка, в целом, она имела огромное влияние и на долгие годы определила направление исследований языка в англо-американской философии.

В данной статье, мы рассмотрим некоторые ключевые концепции, аргументы и дискуссии, которые поставили эту картину, предложенную Г.Фреге, под сомнение. В частности, речь пойдет о концепциях лингвистической относительности Сепира-Уорфа, онтологической относительности У.Куайна, языковых игр

Л.Витгенштейна, теории языковых актов, различию между семантикой и прагматикой, вопросе о природе конвенции и ее роли в языковой практике.

С другой стороны, мы исследуем также вопрос о природе влияния языка на поведение человека. В современной философии большую популярность получил тезис о том, что «особую роль в социальном конструировании реальности и знания играет языковая коммуникация (дискурс, текст, контекст)»⁵. В какой мере язык конструирует социальное действие и конституирует социальные институты – этот вопрос породил ряд интересных и плодотворных дискуссий в современной философии. Так, например, Дж. Сёрл отстаивает концепцию, согласно которой в основе любого социального института лежит языковая практика. Сходной в этом отношении теории придерживается Д.Блур. Исследуя язык, как социальную технологию в целом, нам предстоит ответить на вопрос о том, достаточно ли хорошо обоснован этот сильный тезис.

Природа языка: врожденная vs социальная

Язык является универсальным средством коммуникации в любом известном человеческом сообществе, в то же время существует огромное разнообразие языков, существенно различающихся по своей грамматической структуре, лексическому составу и, возможно, логической форме. Упомянутый выше основоположник логической семантики Г.Фреге полагал, что все эти различия являются несущественными и поверхностными, а за грамматической формой предложения скрывается вечная и неизменная логическая форма, универсальная для любого языка. Дальнейшие исследования в этой области, в особенности внимание к различиям между языками, существенно изменили эту картину. Начиная с 20-х гг. XX в. в лингвистике и философии появился ряд концепций и аргументов, демонстрирующих, что эти различия не являются поверхностными и оказывают фундаментальное влияние на картины мира носителей разных языков. Согласно этим концепциям, не существует какого-то универсального языка, на котором мыслит любой представитель человеческого сообщества, напротив, наш естественный язык, его грамматическая структура и лексика

определяют наше мышление. Наибольшую известность получили гипотеза Сепира-Уорфа, концепция языковых каркасов Р.Карнапа, тезис о непереводимости У.Куайна.

Гипотеза Сепира-Уорфа

Американские лингвисты Эдвард Сепир и Бенджамен Уорф проводили культурно-антропологические исследования с помощью семантического анализа. Сепир высказал идеи о зависимости онтологии от языка еще в 1920-е гг. (например, в статье 1924 г. «Грамматист и его язык»). Уорф развивал его идеи в 1950-е гг. Утверждения Сепира и Уорфа о том, что разные языки задают свое видение реальности, ставшие известными как гипотеза Сепира-Уорфа, имела первоочередное значение для вопросов языкознания.

Согласно Сепиру, лингвистика открывает ранее неочевидные связи между онтологией и языком. Смыслы языковых выражений кажутся фиксированными в рамках одного языка, поскольку все выражения такого языка укладываются в ограниченное количество языковых форм. Однако, согласно Сепиру, эти смыслы вовсе не фиксированы. Они изменяются в зависимости от используемого языка. Более того, с изменением языка изменяется и онтология. Сепир пишет: «Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка... На самом же деле «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на основе языковых норм данной группы»⁶.

Развивая эту мысль, Уорф утверждает, что именно язык, являясь по своей природе результатом соглашения определенного речевого коллектива, представляет соответствующую систематизацию составляющих его понятий и, как следствие, обладает первичной значимостью при определении онтологии. Принцип относительности, сформулированный Уорфом, гласит: «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем»⁷. Таким образом, согласно гипотезе Сепира-Уорфа об универсуме следует судить именно на основании описывающего его языка. Данное утверждение имеет важные следствия. Если онтология зависит от языка, а языков много, то, соответственно, и онтологий (универсумов) также может быть много.

Переход от одного языка к другому означает переход от одной системы понятий к другой и, соответственно, от одного универсума к другому. Сепир пишет: «Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой»⁸. В этом контексте Уорф приводит яркий пример с различием в концептуализации реальности между индейцами хопи, современными европейцами и эскимосами. Если индейцы хопи называют одним словом и насекомых, и птицу, и летящий самолет, то для нас такое обобщение кажется неоправданным. Однако наше обобщение различных видов снега в единое понятие «снег» покажется неоправданным эскимосу, готовому насчитать непривычно большое для нас количество разновидностей снега⁹.

Данные соображения приводят Сепира и Уорфа к рассмотрению мира в плюралистическом аспекте. Различным языкам соответствуют различные формы мышления и различные онтологии. Именно осознание этого обстоятельства должно, по их мнению, придать ученым новое видение исследуемых ими проблем. В завершение своей статьи Сепир пишет: «Быть может, самое существенное следствие признания относительности формы мышления, проистекающее именно из лингвистических исследований, состоит в расширении нашего интеллектуального кругозора»¹⁰.

Отстаиваемое Сепиром и Уорфом отсутствие межъязыковых значений (смыслов) говорит о невозможности полного и точного перевода одного языка в другой. Сепир указывал, что переход от одной языковой системы к другой подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой. Этот тезис связывается с бихевиоризмом и натурализмом, присущими позиции Сепира и Уорфа. Язык, пишет Сепир, является способом отображения всех мыслимых разновидностей нашего опыта¹¹. Иными словами, именно опыт является тем, что язык призван упорядочить. Здесь нет упоминаний о вечно существующих истинах разума, открываемых посредством языка. Скорее наоборот: исследование языка, по Сепиру, призвано максимально уменьшить количество метафизики: «следствие признания относительности формы мышления, проистекающее именно из лингвистических исследований, состоит в расширении нашего интеллектуального кругозора. В наибольшей степени сковывает разум и парализует дух упрямая приверженность догматическим абсолютам»¹².

Концепция языковых каркасов

Другая концепция, согласно которой язык во многом определяет структуру мира, была предложена Р.Карнапом. Он утверждал, что вопросы о структуре языка нельзя отделить от вопросов о структуре мира. Для лучшей иллюстрации своей позиции и более наглядной демонстрации вытекающих из нее следствий Карнап вводит понятие *каркаса*.

Определенный языковой каркас представляет собой структуру, которая задает некоторый мир. Все объекты в этом мире задаются посредством квантифицируемых переменных. Карнап соглашается с тезисом У.Куайна о том, что объекты, рассматриваемые в качестве существующих, задаются посредством связанных переменных. Однако для Карнапа о реальности объектов можно говорить исключительно в рамках конкретного каркаса. Существовать для Карнапа, значит быть элементом системы.

Таким образом, для того чтобы ввести новые объекты, необходимо ввести новый языковой каркас. Вводить можно любой языковой каркас, поскольку нет никаких внешних критериев, требующих признания той или иной его структуры. Критерий к строению каркаса может быть только внутренним: различение предикатов разного порядка посредством вводимых переменных и введение нужных общих понятий. Возможность вводить любой языковой каркас позволяет допускать любые предметы, включая даже абстрактные.

Следствием этого тезиса является различие, проводимое Карнапом между так называемыми внутренними и внешними вопросами о существовании. Внутренние вопросы – это вопросы о существовании объектов определенного вида в данном каркасе. Они формулируются в терминах каркаса. Примером внутреннего вопроса будет вопрос о существовании простого числа больше ста, сформулированном в терминах каркаса, допускающего существование чисел. Ответ на внутренний вопрос будет получен либо логическим путем, как в вышеописанном примере, либо эмпирическим, как это было бы в физике.

Для Карнапа о существовании чего-либо вообще нельзя говорить вне определенного каркаса. Именно поэтому вопрос о существовании неприменим к самой системе. Внешний вопрос имеет скорее практический, чем теоретический характер и сводится к вопросу о выборе языка.

Тезис об онтологической относительности

Тема онтологической относительности является следствием вопроса о так называемой проблеме неопределенности перевода и восходят к работам У.Куайна. Известной иллюстрацией здесь является пример лингвиста, изучающего незнакомый ему туземный язык методом «погружения» в языковую среду и общения с его носителями. Идея заключается в том, что если в кустах лингвист и туземец заметили мелькнувшего кролика и туземец произнес при этом «Гавагай», то лингвист не может с достоверностью знать, что переводом этой фразы является именно «кролик». Это может быть и «мелькнувший кролик», и «видимая часть кролика» и т. д. Поэтому, утверждает Куайн, лингвисту не остается ничего, кроме построения *гипотез* по переводу. Это, в свою очередь, говорит об отсутствии фрегевского объективного и умопостижимого смысла как сущности, отвечающей за единственно правильный вариант перевода. Однако при этом два различных варианта перевода могут подразумевать различный универсум. Например, в одном случае речь будет идти о кроликах, а другом – о частях кроликов. Два представленных универсума неодинаковы, однако при этом могут быть в равной степени удовлетворительными для всех возможных ситуаций перевода. Таким образом, неопределенность значения приводит к непостижимости референции. Данному вопросу посвящена статья Куайна «Онтологическая относительность» и отдельные пассажи из работ «Слово и объект», «Еще раз о неопределенности перевода», «Разговор об объектах», «Вещи и их место в теориях» и др.

Случай с кроликом следует отличать от случаев с цветом. Если некто указывает на красное пятно и говорит «красное», то данный термин относится к любой части области указания. Однако, при указании на кролика и произнесении «кролик» мы подразумеваем его целиком, даже если непосредственно тычем пальцем в его длинное ухо. Указывать на ухо кролика, или на временную часть кролика или на кролика вообще целиком – все это разные вещи. Такие термины как «кролик» Куайн называет терминами с разделенной референцией. Для их правильного обозначения необходим соответствующий принцип индивидуации. А в случае радикального перевода такой принцип отсутствует.

Иными словами, неизвестно как правильно делить референцию (какой универсум выбирать) при переводе пресловутого «Гавагая», ведь, как пишет Куайн, пространственно-временная часть, заполненная кроликом для любой возможной из этих интерпретаций, будет оставаться одной и той же¹³.

Именно по этим причинам лингвист, создающий словарь и выбирающий тот или иной вариант перевода, одновременно предлагает и гипотезу универсума, соответствующего этому словарю. А, делая это, он, по словам Куайна, задает определенную интерпретацию тому, что объективно является неопределенным. Этим неопределенным или непостижимым является как раз референция, как нечто конечное и абсолютное.

Еще одним примером, иллюстрирующим мысль Куайна в более реалистическом плане, чем выдуманная ситуация радикального перевода с туземного языка, является пример японских счетных классификаторов. Счетные классификаторы – это суффиксы, используемые в японском языке для пересчета различных предметов. Причем разные суффиксы соответствуют предметам различных типов. Наиболее близким аналогом этих классификаторов в русском языке являются такие фразы, как «пара туфель», «набор инструмента», «лист бумаги». Суффикс указывает на «штучность» предметов соответствующего типа. Для счета плоских предметов используются одни суффиксы, для цилиндрических – другие, для пар вещей, надеваемых на ноги – третьи и т. д. Индивидуация при понимании этих суффиксов может быть различной, тогда как вариант перевода остается одним и тем же. Так, фраза «пять быков» записывается в трех словах: нейтральное имя числительное, классификатор для животных и слово, некоторым образом обозначающее быка. Второе слово (классификатор) можно рассматривать, с одной стороны, как индивидуализирующий термин, относящий числительное «5» к роду для счета животных, чтобы получить что-то вроде «5 животных типа бык». С другой стороны, третье слово, обозначающее быка можно рассматривать, как некоторым образом указывающее на массовый термин «крупный рогатый скот», и тогда классификатор будет рассматриваться в паре с ним и обозначать нечто вроде фразы «голова крупного рогатого скота мужского пола», которая, в свою очередь, в сочетании с числительным пять даст на выходе тоже самое предложение «пять быков».

Все эти примеры непостижимости референции говорят не о том, что непостижимым является факт или положение дел. Никакого факта, пишет Куайн, не существует. Мы можем объяснять смысл термина *зеленый*, указав на траву. Однако «трава» не означает «зеленое». В данном случае мы столкнемся с так называемым смещенным указанием (*deferred ostension*): о зеленом мы говорим опосредованно через разговор о траве. Другим примером смещенного указания будет определение скорости движения автомобиля по движению стрелки спидометра. Суть идеи смещенного указания заключается в том, что не существует конечной инстанции, о которой идет речь в том или ином предложении. Любое предложение можно перевести в другое, соотносящееся с ним, но использующее другой универсум. Так, можно говорить об изменении местоположения стрелки спидометра, а можно о расстоянии, преодоленном автомобилем за единицу времени, а можно еще в каких-нибудь иных терминах. Разумеется, ситуация смещенного указания преодолевается нами через фиксацию средств индивидуации в каждой конкретной ситуации. Однако это не решает остающуюся проблему непостижимости референции в принципе.

Сходным образом, пишет Куайн, три определения числа (Фреге, Цермело и фон Неймана) представляют собой теоретико-множественные модели, выполняющие законы простых чисел, которые числа в невыраженном смысле были изначально призваны выполнять. Теория множеств при этом сама является не вполне понятной. Поэтому определение числа через теорию множеств является объяснением непонятого через непонятое¹⁴. Все это, в свою очередь, говорит о том, что не существует разницы между установлением универсума языка (через связанные переменные) и сведением этого универсума к другому универсуму.

Концепция онтологической относительности Куайна, рассмотренная выше, может быть резюмирована в нескольких основных пунктах. Во-первых, это утверждение, согласно которому универсум может рассматриваться только относительно того или иного языка, в котором он задается. Универсумы, относящиеся к разным концептуальным (языковым) схемам, не сводимы друг к другу, так как нет единого общего факта, который бы они описывали. Единственная возможность свести два универсума – это соотносить их относительно некоего более широкого универсума, включающего

оба первых. Непереводаемыми являются и различные языки. Несводимость универсумов заключается в непостижимости референции, а непереводаемость языков – в отсутствии значения для соответствующих языковых единиц как некоей отдельной сущности. При этом, поскольку для Куайна как аналитического философа вопросы языка предшествуют вопросам онтологии, то и тема неопределенности перевода обуславливает тему онтологической относительности¹⁵.

Существуют ли лингвистические универсалии?

До настоящего времени лингвисты не пришли к согласию по вопросу о природе языка. Многочисленные полевые исследования дали большой фактический материал о структуре огромного количества языков мира, однако до сих пор нельзя сделать однозначного вывода о том, существуют ли какие-то универсальные характеристики для всех языков. Вопрос о существовании некоторого единства между разными языками является очень важным для когнитивных наук, но пока все предложенные варианты универсалий остаются на уровне гипотез.

Важно также отметить, что даже наличие сходных структур и лексем во всех языках не может служить однозначным доказательством врожденной природы языка. Возможно, что данные факты – при условии их обнаружения – можно объяснить тем, что все языки происходят из одного протоязыка, на котором говорили наши предки. Тем не менее, несмотря на существенные различия между языками, существует множество свойств, объединяющих их. Одно из важнейших состоит в том, что практически каждый человек в возрасте 2–3 лет осваивает огромный массив языка, способен улавливать тонкие различия в грамматике и производить предложения, которые он никогда ранее не слышал, используя знакомые слова.

Одна из сильных гипотез в лингвистике, объясняющая эти факты, была предложена Н.Хомским¹⁶, профессором лингвистики Массачусетского Технологического Университета. Она получила название «генеративной грамматики». Хомский утверждал, что наша способность осваивать язык является врожденной. Также как наше сердце приспособлено для того, чтобы перегонять кровь по организму, наш мозг – орган, одной из врожденных функций ко-

того является освоение языка. Генеративная грамматика – это подход к изучению синтаксиса языка, в котором задается ряд правил, показывающих какая комбинация типов выражений способна производить осмысленные предложения. Хомский также утверждал, что большая часть свойств генеративной грамматики производна от универсальной (для всех языков) грамматики. Подход Хомского в силу его универсальности и большой предсказывающей способности (он предсказывал, какие предложения в языке будут осмысленными, независимо от входящих в него конкретных лексем) имел огромное влияние в лингвистике и философии. Хомский утверждал, что продуктивность языка (способность производить совершенно новые предложения) не может объясняться через усвоение определенных диспозиций, поскольку любая диспозиция имеет конечный характер¹⁷.

Другой радикальной концепцией о врожденности языка является теория «языка мысли»¹⁸, сформулированная американским философом Дж. Фодором. Он утверждал, что естественные языки полностью предопределены на генетическом уровне как по своему лексическому составу (могут быть созданы слова только для тех понятий, которые наличествуют в нашем врожденном языке мысли или могут быть созданы в нем из более примитивных морфем – даже такие как «бюрократ», «коробка передач»), так и по грамматической структуре.

Большинство современных лингвистов отрицают как тезис о радикальной непереводимости языков, так и радикальные идеи Фодора. Более подходящей рабочей гипотезой может служить тезис о переводимости (выразимости), предложенный Дж. Катцем: «Для любых двух языков и для любого предложения S в одном из них и значении x этого предложения S во втором языке существует предложение S' со значением x»¹⁹. Но и этот тезис также может быть подвержен критике. Так, например, лингвист Э.Кинан²⁰ сформулировал аргумент, в котором показывал, что не все языки обладают равной выразительной способностью, поскольку при переводе могут теряться presuppositions (допущения, необходимые для понимания фразы).

Таким образом, можно сформулировать более слабое правило переводимости, согласно которому переводимость сохраняется только на уровне условий истинности (и при этом при перево-

де допускается потеря импликатур, пресуппозиций, эмоциональная окраска). Лингвисты Кай фон Финтель и Элизабет Мэтьюсон указывают, что это более слабое правило принимается большинством лингвистов²¹.

Является ли конвенция сущностной характеристикой языка?

Бесспорно, что для понимания механизма функционирования языка понятие конвенции играет очень важную роль. (Под конвенцией мы в данном случае имеем в виду некоторую договоренность, взаимное произвольное допущение между несколькими субъектами.) На самом поверхностном уровне, язык, безусловно, является конвенциональным. Символы, которые мы используем для обозначения того или иного предмета в языке, выбраны случайным образом, и могли бы быть заменены на другие символы. Так, например, возможно коллективным решением Института русского языка РАН извлечь какое-то слово или выражение из литературной речи.

Д.Льюис в работе «Конвенция»²², изданной в 1969 г. предложил анализ этого понятия, оказавший большое влияние на последующие дискуссии. Льюис использовал так называемую теорию игр – математическую теорию стратегического взаимодействия между рациональными агентами. Центральным элементом этой теории является «проблема координации». Данная проблема возникает в ситуации, когда несколько рациональных агентов имеют выбор между несколькими вариантами координации своих действий, направленных на достижение общего блага. Проблема координации важна для многих социальных взаимодействий, а может быть и является основой любого взаимодействия.

Льюис полагает, что конвенция – это особый вид практики, который разрешает проблему координации в сообществе. Решение проблемы должно приносить взаимную пользу, но выбор конкретного решения из многих всегда остается произвольным. Пример, который использует Льюис – организация дорожного движения. В США, например, общепринятым является правостороннее движение, хотя в принципе, никаких преимуществ перед левосторонним движением у него нет. Важно только, чтобы все участники

движения следовали этому правилу. Таким же образом, употребление определенных выражений в языке является конвенцией, выгодной для всех членов языкового сообщества.

Льюисовская интерпретация значения является важным дополнением концепции, предложенной П.Грайсом, которая получила название «семантика, основанная на интенциях говорящего». Грайс проводил различие между значением говорящего и значением предложения. Значение говорящего – это воздействие, которое говорящий намеревался вызвать в собеседнике, благодаря тому, что последний понимает это самое намерение (интенцию).

Теория Грайса требовала в качестве дополнения объяснения того, как говорящий способен информировать слушателя о своих интенциях, используя обычные предложения с их стандартными значениями. Концепция Льюиса могла бы служить в качестве теории *значения выражения*, которая необходимо для того, чтобы интенции говорящего могли быть прочитаны слушателем. Льюис предложил самое простое объяснение значению выражения – предложение способно выражать свое значение, благодаря конвенции о том, что говорящий использует выражение в этом значении, а слушатель приписывает это значение произнесению данного предложения. Далее требовалось лишь дать адекватное определение конвенции.

Льюис полагает, что в основе любого языка лежит конвенция «говорить правду и доверять в языке L», и только когда такого рода конвенция реализуется в языковом сообществе, этот язык L становится языком этого сообщества. «Говорить правду» означает высказывать предложение только в том случае, если вы верите, что то, что оно значит является истинным. «Доверять» означает верить в то, что означает предложение, высказанное в языке. Одним из условий успешного функционирования конвенций является взаимное знание: они известны каждому и также каждому известно, что они известны каждому (а также каждому известно, что каждому известно, что они известны каждому и т. д.).

Согласно теории Льюиса, язык представляет собой функцию от предложений к их значениям, и теория значения для какого-либо конкретного языка описывает эту функцию. Для того, чтобы система символов стала языком какого-то сообщества, это сообщество должно принять ее как конвенцию, управляющую их мыслями и действиями.

Одна из самых серьезных сложностей, с которой столкнулась эта концепция – объяснение продуктивности языка²³. Потенциально мы способны понять бесконечное множество осмысленных предложений языка. Тем не менее, не понятно, каким образом, мы могли бы освоить, выучить бесконечное количество конвенций. В пример можно привести предложение S, которое мы в нормальной ситуации никогда не использовали бы, поскольку оно является слишком длинным или слишком сложным грамматически. Предположим, что кто-то высказывает это предложение. В таком случае, мы подумали бы, что говорящий использует это предложение не для того, чтобы выразить какую-то информацию, но руководствуется какими-то другими соображениями, например, производит это предложение на спор. В этом случае, Льюис не может использовать две конвенции «искренности» и «доверия», чтобы приписать этому предложению уникальные условия истинности.

В действительности, мы понимаем предложение, потому что его значение определяется значением выражений, входящих в его состав. Но в таком случае, конвенциалист должен объяснять связь между словами и их значениями, а не связь между предложениями и условиями истинности, как это делает Льюис.

Такой концепции можно придерживаться, но вряд ли от нее будет много пользы. Дело в том, что в таком случае в этой теории остается огромный пробел – а именно, объяснение композициональности языка.

На сегодняшний день не приходится говорить о том, что кто-то успешно выполнил эту задачу. Таким образом, конвенциалистские концепции языка будут неполными – их нужно дополнить тезисом о том, что говорящие обладают имплицитным врожденным знанием композициональной семантики. А это означает, что конвенция не является сущностной характеристикой языка.

С.Шиффер полагает, что одной из основных причин, почему семантическая программа, основанная на интенциях говорящего, была свернута и не получила дальнейшей разработки стала невозможность предложить адекватный анализ *значения выражения*, в частности, указанная сложность концепции Д.Льюиса. Идея Льюиса о том, что конвенция является необходимым элементом для существования лингвистического значения подвергался сомнению в работах многих авторов, наибольшую известность получили концепции Н.Хомского и Д.Дэвидсона.

Хомский утверждал, что язык представляет собой систему грамматических правил, имплицитно известных говорящему. Согласно этой концепции – одной из наиболее влиятельных в современной лингвистике – язык не имеет никакого специального сущностного отношения к коммуникации или социальному взаимодействию. Он проводит различие между внутренним и внешним языком. Внутренний язык – абстрактное состояние в котором может находиться сознание или мозг, информационное состояние или состояние знания²⁴.

Свойства же внешнего языка являются независимыми от свойств сознания и мозга²⁵. Естественные языки являются внешними языками, их свойства определяются отчасти внешними характеристиками – такими как окружающая среда – социальным или физическим миром. Однако, согласно концепции Хомского, человек рождается, уже обладая знанием различных лингвистических правил, ограничений и принципов. Получая воспитание в определенной среде, он в действительности приобретает новое знание – усваивает конкретный язык. Тем не менее, знание композиционной структуры было для него врожденным.

Хомский полагал, что никакая концепция, исключая возможность некоторого врожденного знания внутренней структуры языка, не способна объяснить, каким образом дети в возрасте 2–4 лет способны освоить тот огромный массив лингвистического знания, которым они обладают в этом возрасте.

Другая концепция, в которой отрицалась идея о том, что социальная конвенция имеет какое-либо сущностное внутреннее отношение к языку – теория радикальной интерпретации Д.Дэвидсона²⁶.

Радикальная интерпретация происходит в том случае, когда человек пытается приписать условия истинности какому-то предложению, произнесенному на совершенно незнакомом ему языке. Для этого, он выявляет, какие предложения говорящий считает истинными и пытается рационально осмыслить эти предложения, руководствуясь принципом доверия – «интерпретируй высказывания говорящего как рациональные и используй интерпретацию, при которой его утверждение будет наиболее осмысленным».

Конечно, в обыденной жизни, мы интерпретируем высказывания друг друга, основываясь на сходстве звучания произнесенного предложения с другими уже знакомыми нам пред-

ложениями. Тем не менее, эта обыденная установка не имеет каких-то глубинных оснований, и мы с легкостью отказываемся от нее, когда возникает соответствующая ситуация – например, если мы понимаем, что говорящий использует предложение в ироничной форме. В каком-то смысле, полагает Дэвидсон, в основе любого понимания языковых выражений лежит радикальная интерпретация. Из этого он заключает, что лингвистические конвенции вторичны по отношению к языковой коммуникации. Они являются лишь одним из средств, используемых для интерпретации, но в принципе, мы могли бы в теории отказаться от использования конкретно этого средства. Конвенция не является необходимым условием ни для значения, ни для понимания. Для того, чтобы конвенции могли выполнять роль значения выражения, они должны быть систематичными и всегда доступными для любого носителя языка. Однако, как показал Д.Дэвидсон, это далеко не так.

Из нашего обсуждения ясно, что сделать однозначное заключение о социальной природе языка, мы не можем. В большой степени, этот вопрос на сегодняшний день не является окончательно разрешенным. Вопрос о том, в какой мере знание языка связано с конвенциями или оно является врожденным – это предмет текущих и будущих эмпирических исследований психолингвистики и других когнитивных наук. Исследования Хомского и Дэвидсона, по меньшей мере, дают нам основания для сомнения в том, что природа языка является однозначно коммуникативной. Поэтому мы не можем поспешно заключать, что весь язык в целом представляет собой социальную технологию.

Необходим ли язык для существования институтов?

Тот факт, что язык играет ключевую роль для многих социальных феноменов, не подлежит сомнению. Юридические отношения, обсуждение на семинаре, публикация результатов научного исследования – все это осуществляется при помощи выражений языка. Можно ли представить себе, что наше сообщество было бы по сути таким же как сейчас, что большинство существующих социальных институтов могли существовать, если бы не было языка?

Кажется, что например, институт денег или институт брака могли бы существовать без языка. Но, тем не менее, мы должны были бы использовать какие-то другие символы или знаки, природа которых тоже была бы социальной. Итак, мы могли бы переформулировать вопрос: являются ли публичные и конвенциональные символы ключевым условием для существования общества?

Согласно концепции лингвистического конструктивизма, социальные феномены в своей основе конструируются посредством языка. Эта идея получила развитие в философии Дж. Сёрла²⁷.

Сёрл отстаивает теорию, согласно которой язык играет важную роль в социальном мире. Он утверждает, что язык является базовым социальным институтом в том смысле, что для существования любого другого института необходим язык, но существование языка не предполагает никаких других институтов. Иными словами, язык возможен, даже если не существуют деньги и брак, но не наоборот.

Данная концепция основывается на исследованиях Сёрла понятия интенциональность. Сёрл полагает, что можно говорить не только об индивидуальной интенциональности, но также и о коллективной интенциональности, которую, согласно его концепции, невозможно свести к сумме интенциональностей членов этого коллектива. При этом он отрицает возможность того, что группа людей могла бы иметь коллективную интенцию (это заставило бы нас принимать слишком серьезные допущения: из наличия коллективной интенциональности следовало бы существование других субъектов), речь идет о том, что один отдельный индивид может иметь интенцию формы «Мы намереваемся Р». Такого рода интенциональность он считает биологически примитивной, у нас есть основания полагать, что этот феномен характерен не только для людей.

Сёрл утверждает, что коллективная интенциональность является основой нашей социальности, в частности, именно благодаря ей, мы способны приписывать функцию некоторым артефактам и таким образом превращать их в социальные факты. В качестве примера можно привести деньги: физически деньги представляют собой просто кусочки бумаги или металла, но они способны функционировать в качестве денег именно потому что мы приписываем им соответствующую функцию.

Тем не менее, одной коллективной интенциональности, недостаточно для существования институтов, поскольку в концепции Сёрла коллективные интенции принадлежат конкретным умам, для того, чтобы люди могли осуществлять согласованное действие и для того, чтобы институты могли обладать нормативностью, которой они на самом деле обладают (так, например, точно воспроизведенная дома купюра не является денежной банкнотой), эти коллективные интенции должны быть выражены. Существование института требует коллективного принятия: так бумажная купюра становится деньгами, потому что коллективно принято, что это деньги. Таким образом, существование каждого конкретного институционального факта, по Сёрлу, предполагает язык. Речь не идет о том, что для каждого института требуется собственное название («деньги», «брак» и т. п.), а о том, что необходимым образом должен существовать установленный словарь, с помощью которого мы могли бы реализовывать коллективную интенциональность.

Коллективное признание чего-либо необходимым образом предполагает символизацию и лингвистическую репрезентацию, что требует конвенциональных и публично-доступных средств, используемых для репрезентации институционального статуса.

Этот тезис Сёрл обосновывает тем соображением, что в отличие от технических артефактов, функции придания статуса превосходят физические свойства объектов, которые им обладают. Например, физические характеристики часов достаточны для того, чтобы они могли показывать время (хотя и этой функцией наделяет часы интенциональный субъект), однако для того, чтобы быть дорожным знаком, обручальным кольцом или монетой, физических характеристик принципиально не достаточно.

Именно поэтому, полагает Сёрл, нам требуется какой-то способ представить их коллективно, и язык – это единственное средство для этой цели.

Аргументацию Сёрла в пользу тезиса о том, что любой социальный институт предполагает использование языка, многие авторы считают недостаточно убедительной.

В действительности, аргументы Сёрла показывают только, что существование институтов зависит от наличия какой-то доступной репрезентации, но совершенно не очевидно, что эта репрезентация может быть только языковой. Воспользуемся примером

Ф.Хиндрикса: вполне можно представить возникновение института собственности земли без всякого языка²⁸. Так, например, можно представить, что в древних сообществах для того, чтобы обозначить собственность земли, достаточно было занять эту землю и поставить вокруг нее забор.

Совершенно не очевидно также, что в среде животных не существует ни одного социального института с присущими им статусом и нормативностью. Если имеет смысл утверждать, что в обществе животных присутствует иерархия и подчинение, то можно говорить также и о том, что в этих сообществах присутствуют институты с характерной нормативностью.

Более того, существуют и альтернативные концепции институтов, не предполагающие существование языка²⁹.

Еще одно соображение против этой концепции состоит в том, что для того, чтобы коммуникация была возможной, определенные институты (конвенции) уже должны существовать. Так, например, Д.Льюис утверждал, что в основе успешной коммуникации лежит конвенция об истинности высказываемого предложения и искренности говорящего. К.Бах и Р.Харниш³⁰ утверждают, что в основе коммуникации лежат определенные коммуникативные допущения. Так, существует взаимное верование в лингвистическом сообществе, что каждый раз, когда член сообщества говорит что-то другому члену сообщества, она должна делать это с узнаваемой интенцией. Все это говорит о том, что институты являются условием возможности языка, а не наоборот.

Другая получившая большую известность версия лингвистического конструктивизма принадлежит Д.Блуру и во многом опирается на идеи поздних работ Л.Витгенштейна. Витгенштейн полагал, что практики являются основной и базовой составляющей социальной жизни. Теория Блура об институтах принадлежит этой традиции. Блур определяет институт как коллективный образец деятельности, осуществляющей референцию к самой себе³¹, так, например, металлические диски являются монетами, потому что они называются монетами.

Эту концепцию он дополняет концепцией «смыслового финитизма» относительно следования правилу. Блур отрицает существование значения как чего-то данного раз и навсегда в языке. Значение и следование правилу возникают из практики и суще-

ствуют до тех пор, пока существует эта практика. Блур не утверждает, что никакие социальные институты не возможны без языковой практики, однако его тезис о том, что значение и смысл не могут существовать, не будучи частью коммуникативной практики, релевантен для основного вопроса нашего обсуждения – насколько социальной является природа языка. Представляется, тем не менее, что этот тезис представляется слишком сильным и не достаточно аргументированным. Блур не рассматривает и не анализирует аргументы, которые убедили многих современных лингвистов в том, что значительная часть лингвистических способностей является врожденной. В частности, он не рассматривает аргументы Н.Хомского против бихевиористской концепции освоения языка Скиннера о том, что в рамках этой концепции невозможно объяснить продуктивность языка. Хомский утверждал, что никакая тренировка не способна породить в человеке настолько богатый набор диспозиций, которым обладает взрослый носитель языка.

Проанализировав аргументы против концепции Дж. Сёрла о лингвистической природе любых институтов, мы приходим к выводу о том, что хотя язык и может играть определенную роль в формировании институтов, утверждение о том, что ни один социальный институт не может быть создан без языка, представляется ложным. Таким образом, это направление мысли также не способно прояснить вопрос о том, в каком смысле язык является социальной технологией.

Как совершать действия при помощи слов: речевые акты, прагматика, имплицатуры

Понятие речевого акта впервые было введено Дж. Остином³² в книге «Как совершать действия при помощи слов». Остин работал в рамках философии обыденного языка, которая получила мощный импульс от работ позднего Витгенштейна и его концепции языковых игр. Витгенштейн в своих поздних работах подчеркивал, что язык может употребляться не только для передачи информации, а в бесконечном множестве видов деятельности. «Сколько же существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, поведение? – Имеется бесчисленное множество таких типов – бесконеч-

но разнообразны виды употребления всего того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями». И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, наоборот, возникают новые типы языков, или, можно сказать, новые языковые игры, а старые устаревают и забываются»³³.

Детальная проработка этой идеи о множестве возможных употреблений языковых выражений впервые была проведена именно Остином. В начале своей книги он проводит различие между констативами и первомативами. Констативы – обычные утвердительные предложения, передающие определенную информацию, описывающие определенное состояние дел, эти предложения могут быть истинными и ложными. Первомативы не могут быть истинными или ложными. Остин приводит такие примеры: «Я называю этот корабль «Королева Елизавета»», «Согласна» (в ответ на вопрос «Согласны ли вы взять в мужья гражданина Петрова?»). Первомативы – это высказывания-действия.

В поисках более четкого определения первомативов, Остин пересматривает это различие и заменяет его различием между локутивным (высказывание обычной пропозиции «снег бел»), иллюкутивным (он сообщил, что..., он утверждал, что..., она настаивала на том, что...) и перлокутивным речевым действием (сказав это, она заставила его...). Фактически, каждый раз, когда мы высказываем предложение, мы совершаем некоторое действие, направленное на нашего слушателя. Согласно этой новой картине языка, делать некоторое высказывание на языке означает совершить речевой акт в соответствии с правилами этого языка.

Исследования Остина возродили интерес к такой области языкознания как прагматика. Наибольший вклад в развитие этой области в XX в. внес П.Грайс, и его работы стали классикой в равной степени как философии языка, так и лингвистики. Грайс исходит из различия между тем, что говорящий буквально выражаем, когда произносит высказывание, и тем, что он в действительности хочет высказать, используя эти слова. Простой пример такого различия: профессор говорит другому профессору: «Уже без пяти два». Предложение, которое он высказал буквально сообщает о точном времени на часах. Но что профессор имел в виду в действительности под этим предложением – это то, что заседание кафедры начинается через 5 минут, и пора на него идти. Грайс на-

зывает то, что говорящий имел в виду «импликатурами». Считывание импликатур происходит благодаря общему для говорящего и собеседника знанию не только того, что сказал говорящий, но и лингвистического и внелингвистического контекста высказывания. Грайс сформулировал так называемый принцип кооперации, которым руководствуются все участники диалога: «сделай свое сообщение таким, как требуется на той стадии, когда ты его производишь, принимая во внимание цель и направление разговора, в котором ты участвуешь»³⁴.

Именно в этой области, области изучения прагматики и речевых актов мы видим наибольшие перспективы в исследовании языка как социальной технологии. Во-первых, никто не будет оспаривать, что импликатуры – это собственно коммуникативный аспект языка, зависимый от конкретной ситуации и социального контекста. Во-вторых, в рамках этого подхода любое языковое высказывание рассматривается как конкретное действие, именно направленное на изменение поведения другого человека. Работы в этой области показали, что для того, чтобы понять высказывание необходимо понять нечто большее, чем просто предметное значение и смысл высказывания.

Практическую значимость данной проблематики демонстрирует в своих работах известный историк Квентин Скиннер, применяя эти теории как технологию для анализа политического дискурса в работе «Взгляды на политику»³⁵. Первый том этого трехтомника целиком посвящен методологии анализа политической мысли. Скиннер относится к кембриджской школе истории идей.

Для того чтобы понять выражение необходимо, во-первых, понять значение (значение имеет два аспекта – смысл и референцию), а во-вторых, понять иллокутивную силу высказывания. Именно она задана конвенциями, которые определяют, что автор делал (**was doing**), **производя определенный речевой акт. Намерение автора высказывания Скиннер отождествляет с тем, что автор делал**, следуя набору конвенций, поскольку нашей задачей является не чтение мыслей автора, а понимание его высказывания в контексте тех интенций, которые могли быть считаны его читателем³⁶.

Скиннер указывает на то, что древние мыслители могли интересоваться вопросами существенным образом отличающимися от наших. Если мы подходим к интерпретации их идей с вечными

вопросами, то мы не понимаем, что они делали, когда писали то, что писали. Он полагает, что если мы хотим заниматься историей идей, то мы должны поместить тексты в тот интеллектуальный контекст, который придаст смысл тому, что авторы делали, когда писали его.

Скиннер предлагает интерпретировать конкретные убеждения, помещая их в контекст других убеждений, а для того, чтобы интерпретировать систему убеждений, их нужно поместить в более широкий интеллектуальный каркас.

Если мы хотим понять данную идею, в данной культуре в данное время, то мы не можем просто сконцентрироваться на изучении терминов, в которых она была выражена, так как они могут использоваться с многочисленными намерениями, однако и простое принятие во внимание контекста высказывания не разрешит трудности, так как сам контекст может быть двусмысленным. Скорее мы должны изучать все возможные контексты, в которых эти слова использовались, поскольку понимание текстов предполагает понимание того, что автор имел в виду, как и предполагалось, что текст должен восприниматься. Нам необходимо понимать интенцию быть понятым и интенцию, что интенция должна быть понята, таким образом представляя любой текст как акт коммуникации. В качестве метода для историка Скиннер предлагает попытаться набросать полный спектр коммуникаций, которые конвенционально могли быть представлены в определенном случае, а затем установить отношения между данным высказыванием и более широким лингвистическим контекстом, как средством расшифровки интенции определенного автора³⁷.

Можно продемонстрировать на примере, как Скиннер применяет данные концепции для анализа политического дискурса. В одной из работ Макиавелли утверждает, что свобода возможна только в форме республики. Но также он утверждает, что в Риме была свобода при правлении древнеримских царей. Как можно разрешить данное противоречие? Скиннер предлагает рассмотреть возможность того, что мы неверно интерпретируем эти предложения. И если мы рассмотрим все возможные контексты, в которых это слово «республика» употреблялось, то мы увидим, что для Макиавелли это слово означало любую форму правления, при которой законы служили для общего блага³⁸. Таким образом,

можно заключить, что во втором случае Макиавелли имел в виду, что в период правления царей принцип общего блага был реализован в законах.

Заключение

В данном тексте были рассмотрены два главных вопроса: вопрос о том, в какой мере язык и языковые практики могут быть признаны имеющими социальную природу, а также вопрос о том, какую роль язык играет в конституировании социальных институтов. Были рассмотрены концепции языковой детерминации реальности и мышления Сепира-Уорфа, концепция языковых каркасов Карнапа, онтологической относительности Куайна, теория речевых актов и лингвистическая прагматика. Данный анализ позволяет усомниться в том, что язык обладает исключительно коммуникативной природой и является социальным изобретением (технологией), как это утверждают некоторые теоретики (в частности И.Т.Касавин).

Были рассмотрены некоторые концепции, критикующие данный подход, и было показано, что ни одна из них не только не сталкивается со своими внутренними методологическими трудностями, но и в целом не решает проблему экспликации языка и речевых практик в каком-либо однозначном ключе. В этой связи было показано, что не все социальные институты зависят от существующих языковых практик (рассмотрение концепций социальных институтов Сёрла и Блура в призмах языкового анализа).

Авторы стремились показать, что наиболее успешным образом тематика социальных технологий языка может и должна быть использована в сфере анализа речевых актов и в лингвистической прагматике. Именно лингвистические импликации и речевые акты имеют тот коммуникативный и конвенциональный характер, позволяющий рассматривать как имеющих отношение к проблематике социальных технологий.

Примечания

- 1 *Касавин И.Т.* Гуманитарное знание и социальные технологии: Докл. на семинаре «Проблемы рациональной философии» // iph.ras.ru/page1295157.
- 2 *Pinch T.J., Ashmore M., Mulkey M.* Technology, testing, text: Clinical budgeting in the U.K. National Health Service // *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*. Cambridge, 1992. P. 266.
- 3 *Derkse M., Beaulieu A.* Social Technology // *The sage handbook of the philosophy of social sciences*. L., 2011. P. 703.
- 4 *Маккензи Д.* История технологий и социология знания // *Эпистемология и философия науки*. 2011. № 1.
- 5 *Касавин И.Т.* Указ. соч.
- 6 Цитируется по: *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // *Новое в лингвистике*. Вып. I. М., 1960. С. 135.
- 7 *Уорф Б.* Наука и языкознание // *Новое в лингвистике*. Вып. I. М., 1960. С. 174.
- 8 Там же.
- 9 См.: Там же. С. 175.
- 10 *Сенур Э.* Грамматист и его язык // *Сенур Э.* Избр. тр. по языкознанию. М., 1993. С. 258.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 *Quine W.V.* Ontological Relativity // *Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y., 1969. P. 32.
- 14 См.: Ibid. P. 43.
- 15 В этом смысле неправ Дэвидсон, когда утверждает, что у Куайна тема неопределенности перевода является производной от темы непостижимости референции. У Куайна исследование темы неопределенности перевода не только предшествует исследованию проблем непостижимости референции (см.: «С точки зрения логики» и «Слово и объект»), но и лично им утверждается, например: «The indeterminacy of translation now confronting us, however, cuts across extension and intension alike» (*Quine W.V. Ontological Relativity // Ontological Relativity and Other. Essays*. N.Y., 1969. P. 35).
- 16 См.: *Chomsky N.* Syntactic Structures. The Hague, 1957; *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. М., 2005.
- 17 *Chomsky N.* Review of Skinner's Verbal Behavior // *Language*. 1959. 35. P. 26–58.
- 18 *Fodor J.A.* The Language of Thought. Cambridge, 1975.
- 19 *Katz J.J.* A hypothesis about the uniqueness of natural language // *Origins and Evolution of Language and Speech*. 1976. P. 38.
- 20 *Keenan E.L.* Logic and language // *Language as a Human Problem*. N.Y., 1974. P. 187–196.
- 21 Kai von Fintel, Lisa Matthewson. Universals in Semantics // *The Linguistic Review*. 25(1–2). 2008. P. 146–147.
- 22 *Lewis D.* Convention. Harvard university press. Boston, 1969.
- 23 *Stephen S.* Actual-Language Relations // *Philosophical Perspectives*. 1993. № 7. P. 231–258; *Hawthorne J.* A Note on 'Languages and Language' // *Australasian Journal of Philosophy*. 1990. № 68. P. 116–118.

- ²⁴ *Chomsky N.* Knowledge of Language, Its Nature, Origin and Use. N.Y., 1986.
- ²⁵ *Ibid.* P. 20.
- ²⁶ *Дэвидсон Д.* Радикальная интерпретация // *Дэвидсон Д.* Исследование истины и интерпретации. М., 2003.
- ²⁷ *Searle J.* The Construction of Social Reality. N.Y., 1995.
- ²⁸ *Hindriks F.* Language and society // *The sage handbook of the philosophy of social sciences.* L., 2011. P. 145.
- ²⁹ *Schelling T.* The strategy of conflicts. Cambridge, 1960; *Bicchieri C.* The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms. N.Y., 2006.
- ³⁰ *Bach K., Harnish R.M.* Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, 1979.
- ³¹ *Bloor D.* Wittgenstein, rules and institutions. L.–N.Y., 1997. P. 33.
- ³² *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов. М., 1999.
- ³³ *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Филос. работы.
- ³⁴ *Grice H. Paul.* Studies in the Way of Words. Cambridge, 1989.
- ³⁵ *Skinner Q.* Visions of politics. Vol. I. Cambridge, 2003.
- ³⁶ *Bevir M.* The Role of Contexts in Understanding and Explanation // *Human Studies.* Vol. 23. № 4 (Oct., 2000). P. 395–411.
- ³⁷ *Skinner Q.* *Op. cit.* P. 82.
- ³⁸ *Ibid.* P. 55.

Фокус-группа как социальная технология*

Постоянное изменение и развитие институтов общества актуализирует теоретическое и прикладное изучение вопросов о механизмах их функционирования, преобразования, способах оптимизации и управления. С этими задачами связана проблема социальных технологий, т. е. способов, методов, средств, приемов организации человеческой деятельности с целью воздействия на социальную систему. Социальные технологии являются важнейшим признаком усложнения общества, фактором интенсификации социальных процессов в различных сферах – экономике, политике, образовании, религии, культуре. Они обеспечивают коммуникацию между элементами дифференцированного общества, а проблемы создания и использования социальных технологий являются в свою очередь частью теории современного общества и коммуникаций.

По определению И.Т.Касавина, «социальные технологии – это формы и способы целенаправленной активности по формированию и управлению социальными процессами, группами и отдельными индивидами, которые соответствуют некоторым стандартам (операциональности, эффективности, системности, планирования, прогнозирования) в сфере профессионального труда и результат которых может быть предметом социальной оценки»¹.

В этом определении подчеркнута важная мысль о соотношении социальных технологий и специальных профессиональных сфер с опорой на результаты и методы исследований социальных наук.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 11-03-00425а.

Примером может выступать социологическое знание и социологические методы. Так, теоретико-методологическая часть социологического исследования, его концепция представляет собой особую трактовку проблемной ситуации, предмета исследования, способов применения теоретических выводов в решении конкретных социальных проблем. Методическая или процедурная часть олицетворяет собой не только поиск приемов и методов получения информации об объекте и предмете исследования, но и нацеленность на такие выводы и рекомендации, которые способствовали бы решению проблемы. Эти выводы могут предусматривать влияние на сознание различных групп населения. Причем, не только результаты, но и методы социологического исследования (как количественного, так и качественного) оказывают существенное воздействие на восприятие и осознание респондентом проблемной ситуации, предмета и объекта исследования под определенном углом зрения.

В данной статье речь пойдет о таком методе качественного социологического исследования как фокус-группа, и о тех особенностях ее проведения, которые делают ее разновидностью социальных технологий.

Метод фокус-групп заключается в сборе социологической информации посредством проведения группового глубинного фокусированного интервью с участием ведущего (модератора). В данном случае мы не имеем возможности касаться вопроса о правомерности такого применения фокус-группы с позиций профессиональной социологической этики. Следует отметить, что в сфере академических социологических исследований метод фокус-групп оценивается весьма неоднозначно, применение его ограничено и направлено преимущественно на научные цели.

Связь метода фокус-групп и социальной технологии касается в большей степени маркетинга товаров и услуг, оценки эффективности различных социальных проектов и программ, электоральных исследований. Сегодня вполне можно говорить о том, что фокус-группы стали неотъемлемым элементом маркетинговых исследований и отраслью функционирования институтов рынка и демократии.

Говоря об истории этого вопроса, следует отметить, что технологию массовых количественных опросов в 20-е гг. XX в. создала сфера коммерческих исследований. Однако в 1950-е гг. при освое-

нии новой предметной области, а конкретно маркетинговых исследований, именно коммерческая сфера первой почувствовала недостаточность и неадекватность количественных методов. Основным дополняющим методом в этой сфере стали именно фокус-группы, а также индивидуальные неструктурированные интервью. В США фокус-группы активно применялись в маркетинговых исследованиях уже с середины 1950-х гг.²

Интересен факт, что в США и Западной Европе некоторые университеты и спонсоры направляли своих членов в другие страны для обучения методу фокус-групп (в том числе и в Россию). Причем, по некоторым оценкам, по крайней мере, в России, не столько разяснялись принципы проведения маркетинговых фокус-групп, сколько проповедовались идеи социального партнерства и мира, средством для достижения которых считались фокус-группы, проводимые не профессиональными модераторами, а непосредственно лидерами соответствующих организаций: профсоюзов, предприятий, местных властей³. А это не что иное, как применение технологий влияния на сознание людей с целью достижению определенных целей в социальной системе. Такие технологии получили широкое распространение во всем мире именно в XX в., ознаменованном господством идеологий.

Фокус-группы, выступающие как социальные технологии, являются не исследовательскими, а формирующими, выступающими как вариант замаскированной рекламы, способной изменять общественное мнение. В процессе их проведения **используются техники убеждения для формирования у респондента нужных чувств и мнений.** На это направлены особым образом составленные вопросы и, разумеется, непосредственное общение модератора с группой. Хорошим примером в данной связи являются формирующие фокус-группы, проводящиеся с целью **изменения установок электората.** По форме проведения они приближены к исследованию – *опросу общественного мнения.* При этом доверие к источнику усиливается тем, что респондент не воспринимает воздействие на него модератора как агитатора. Фокус-группа **выглядит как социологическое исследование.** Важно, что одним из возможных пунктов проведения агитационных фокус-групп является создание концепции для самих модераторов, чтобы они в полной мере не знали о целях работы и о заказчике.

Существуют директивный и недирективный подходы к проведению фокус-групп. Недирективный подход к модерированию позволяет полнее представить взгляды, интересы, чувства респондентов, минимизирует влияние модератора. Модератор в этом случае использует открытые и максимально беспристрастные вопросы. Данный тип дискуссии почти всегда оптимален для проведения фокус-групп.

Применение метода фокус-групп как социальной технологии предусматривает директивный стиль проведения дискуссии, которому свойственна четкая координация и контроль модератором деятельности группы. Ведущий осуществляет влияние на группу, расставляя акценты, время от времени подводя итоги, не говоря о том, что он определяет эмоциональный фон дискуссии. Высокая степень формализованности фокус-группы является гарантией того, что все поставленные темы будут охвачены в ходе дискуссии. Модератор должен обеспечить выполнение поставленных перед группой задач, одна из которых состоит в том, чтобы респонденты не отклонялись от темы и ключевых пунктов поставленной цели.

Особенно рельефно некоторые приемы фокус-группы как социальной технологии с манипулирующим воздействием можно показать на примере электоральных кампаний. Важнейшую роль при их проведении играет создание имиджа политического лидера или партии, который может обладать любыми заданными характеристиками. Задача фокус-групп в этом случае, помимо выявления предвыборных настроений и предпочтений, состоит в том, чтобы внедрить определенные идеи, стимулировать желательные ассоциации, усилить положительные ожидания от деятельности кандидата или партии.

В интернете можно встретить множество информации о том, что по заказу различных избирательных штабов время от времени проводятся фокус-группы как в Москве и Московской области, так и в регионах. В качестве примера и материала для анализа хотелось бы привести исследование электоральной ситуации перед выборами в Государственную Думу в 2006 г. (заказчик – Единая Россия) на территории Астраханской области и в 2007 г. перед выборами главы муниципального образования г. Мытищи Московской области⁴. Кроме того, мы проиллюстриру-

ем некоторые приемы формирующих фокус-групп, обращаясь к публикациям тех авторов, которые связаны с практикой их разработки и проведения⁵.

Подбор и обучение модераторов является важной составляющей подготовительной работы. Наиболее оптимальными кандидатами на роль ведущих выступают социологи и психологи (в том числе студенты старших курсов этих специальностей). Тщательно разрабатывается руководство по проведению формирующих фокус-групп, в котором описываются основные приемы воздействия на избирателей. Готовится дополнительный инструментарий: собирается и систематизируется позитивная информация о своем кандидате на выборах, негативная – на оппонентов. Причем акцент делается на сильные стороны «своего» кандидата и слабые – его противников.

Упомянутый проект, инициированный «Единой Россией», имел как исследовательскую, так и формирующую цели, с приоритетом второй. Поэтому вместо 7–10 человек, рекомендованных для проведения исследовательских групп, набиралось 15–20 участников для большего охвата населения. Кроме того, для достижения поставленных целей охватывалось порядка 10–15 % населения муниципальных образований, на территории которых проводились фокус-группы. Структура и концепция топик-гайда, включающего отдельные блоки, вполне свидетельствует о замысле авторов проекта.

1. Проблемный блок: направлен на включение респондентов в дискуссию о существующих в муниципальных образованиях проблемах и действиях власти по их устранению. Задача модератора состояла в акцентировании участников на тех положительных результатах, которые были достигнуты в решении этих проблем, особенно за последнее время. То есть, дискуссия разворачивалась по оси «негатив-позитив».

2. Политический блок: направлен на обсуждение лидеров, партий, действующей власти. Предусматривалось, что задача модератора состоит в том, чтобы показать оппозицию только лишь критикующей, но бездейственной, и вывести беседу на положительные изменения в жизни населения, произошедшие под началом партии власти и глав муниципальных образований. Кроме того, предлагалось смоделировать и предсказать результаты голосования, закрепить идею лидерства Единой России в сознании респондентов.

Следует отметить, что такой порядок и контекст обсуждения кандидатов имеет большое значение для реализации задач фокус-группы. Так, например, практиками этой технологии рекомендуется начинать с обсуждения именно оппонентов кандидата, поскольку, как правило, вначале участники более активны и настроены негативно, им нужно дать возможность выплеснуть отрицательные эмоции. Указываются и важные психологические принципы организации и проведения фокус-групп. Даже незначительные нюансы в формулировке вопросов, порядке их расположения приводят к получению разных результатов. Респондент, которого «подвели» (путем специальных формулировок вопросов) к высказыванию в поддержку какого-то кандидата или партии, становится более склонным к голосованию за него. Сама идея формирующего опроса состоит в том, что вопросник составляется так, чтобы человек высказал одобрение позиции именно этой партии или кандидата, за которого потом будет более склонен голосовать.

В избирательных кампаниях формирующие фокус-группы выполняют функцию механизма формирования сторонников и переубеждения противников за счет эффекта «группового эмоционального заражения». Резонанс таких исследований зависит от типа населенного пункта. Чем больше по численности избирательный округ, тем сложнее охватить значимое количество избирателей в нем. Технология фокус-групп эффективнее всего работает в округах численностью до 100 тыс. избирателей. С помощью формирующих опросов в течение короткого времени возможно укоренить в сознании людей нужную информацию, изменить, скорректировать **общественное мнение** в малых деревнях или отдельных районах. Хорошо подготовленная серия фокус-групп это делает через эффект «группового эмоционального заражения». «Представьте себе избирателя, которому в доверительной беседе «социологи из Москвы» последовательно раскрыли глаза на сильные стороны Кандидата и отрицательные моменты в деятельности оппонентов. При этом ведь окружающие думают также! А если и бывают несогласные, то немногие из них способны отстоять свое мнение вопреки выбору большинства – срабатывает «стадный инстинкт» и комплекс неполноценности перед мнением «авторитетных специалистов»⁶.

В сценарий закладываются психологические паузы, снимающие напряжение, а также определяются возможные варианты ухода от неудобных вопросов или фактов. Такого рода план позволяет сформировать или актуализировать круг вопросов, который отвечает интересам кандидата, вокруг определенных ориентиров: «местный – варяг», «свой – чужой», «проверенный – опасный», «за олигархов или против» и т. п. Такого рода сценарного моделирования зачастую достаточно для формирования нужных мнений, а кроме того, позволяет воздействовать на дискуссию в нужном направлении.

Во время проведения фокус-групп применяются различные приемы и психотехники, эксплуатируются известные стереотипы и архетипы, отрабатываются актуальные проблемы и события. Например, в ситуации, когда требуется добиться переизбрания кандидата, используются следующие стереотипы: «Коней на переправе не меняют» (то есть нужно оставить прежнего, проверенного на своем месте), «У него все связи налажены и есть опыт работы, а другим понадобится время, чтобы войти в курс дел», «Голосовать надо за известного и проверенного человека». Против оппонентов запускаются другие стереотипы, например, «Новый человек – не проверен, надо его опасаться». Если же требуется напротив, убедить избирателей в необходимости срочной смены власти, актуализируется ряд противоположных стереотипов, например, «Раз новый человек, значит, перспективный, интересный», «Власть нужно менять, обновлять, свежая кровь...» и т. п.⁷

В качестве приемов, которые предполагает проведение формирующих фокус-групп, можно назвать также следующие.

1. Использование наводящих вопросов. Если задачей фокус-группы является получение набора позитивных характеристик чего-либо, модератор специально ограничивает, сдерживает, направляет процесс дискуссии наводящими вопросами в нужном русле. Сами вопросы задаются в такой форме, чтобы получить более или менее ожидаемые ответы, расставить нужные акценты. Сравните два вида вопросов: «Что вы думаете об этой продукции?» или: «Что вам понравилось в этой продукции?».

Наводящие вопросы могут влиять не только на оценку фактов, но и на подлинные воспоминания о том, что произошло. Например, если спросить человека о несуществующей детали какого-либо факта или события, то с большой долей вероятности он будет потом уверен, что данная деталь существовала в действительности.

2. Использование зрительных стимулов. Примерами являются: ролики, печатная реклама, образцы продукции, иллюстрации, фотографии и т. д. В ряде случаев функцию зрительного стимула выполняет стенд, который отражает основные идеи, концепцию, содержит дополнительную информацию о теме проекта. В группах, связанных с представлением нового продукта, довольно распространенным является наличие на стенде его образца, что обеспечивает дополнительные возможности по исследованию предмета и помогает модератору получить более содержательные ответы участников.

Часто встречающейся ситуацией использования стимулов выступает проведение фокус-групп с целью получения потребительской реакции, необходимой для позиционирования новой продукции на рынке. Обычно такое исследование проводится на начальной стадии разработки проекта его производства. Использование стимулов в этой ситуации является хорошим способом выразить различные аспекты, связанные с дифференцированием данного продукта от имеющихся на рынке аналогов.

3. Демонстрация личной заинтересованности модератора. Способом воздействия на сознание людей и формирования определенных убеждений является проявление модератором своих чувств, взглядов, убеждений. В исследовательских фокус-группах это неприемлемо. Напротив, ведущий не должен оказывать влияния на содержание ответов респондентов, чтобы не исказить результаты. В формирующих фокус-группах это приветствуется, но в разумных пределах, чтобы не создавать видимости явной агитации и не вызвать противоположный поставленным задачам эффект.

4. Поддержка модератором представителей нужного мнения, и, напротив, подавление респондентов, высказывающихся иначе. В этом случае явно нарушаются правила проведения фокус-группы: опросить всех респондентов, разговорить тех, кто склонен к молчанию, «усмирить» слишком активных участников и т. д.

В процессе проведения формирующих фокус-групп людям может предлагаться недостоверная информация. Примечательно, что часто участники групп самостоятельно домысливают предложенные для обсуждения темы. Так возникают слухи, догадки, которые впоследствии «работают» в нужном направлении. «Например, сильным местом кампании Б., оппонента Кандидата в

думской кампании в одной из областей северо-запада, была тема бесплатного детского страхования. Во время ведения формирующих фокус-групп в поселке О. эта тема активно обсуждалась, и были приведены факты отказа от выплат по детским страховкам. Когда через некоторое время в этом поселке вновь были проведены группы, в них уже оказались люди, которые «слышали от своих знакомых о том, что Б. отказал им в выплате страховок»⁸. Этот факты использования в проведении фокус-групп выгодной, но не всегда достоверной информации, искажение последней, инициирование слухов и прочие ухищрения, конечно же, свидетельствуют о нарушении не только профессиональной этики, но и универсальных этических принципов. Это в своем крайнем выражении тот случай, когда социальная технология означает манипуляцию сознанием людей для получения нужного, пусть и краткосрочного эффекта. В предвыборных кампаниях такие задачи особенно выражены. В этой связи политическая власть, всегда заинтересованная в том, чтобы таким формализованным путем укреплять свои позиции, сама представляет собой социальную технологию. По словам Г. Маркузе, сказанным им в работе «Одномерный человек», господство теперь увековечивает себя не только посредством технологий, но и как технология, и она наделяет склонную к экспансии политическую власть, вбирающую в себя все сферы культуры, огромной легитимностью.

Примечания

- ¹ *Касавин И.Т.* Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. № 4. С. 12–13.
- ² См.: *Белановский С.А.* Метод фокус-групп. М., 1996. С. 15–18.
- ³ Там же.
- ⁴ Один из модераторов таких фокус-групп, А.И.Мельников, описал и проанализировал эту технологию в дипломной работе (с приведением инструментария). См.: *Мельников А.И.* Фокус-группы как средство формирования общественного мнения в электоральной ситуации: Дипломная работа по специальности «Социология», Астраханский государственный университет, 2007 г.
- ⁵ *Бычков П.А.* Некоторые принципы позиционирования политиков в ситуации изменения административно-территориального деления // Материалы первой межрегиональной конференции «Арсенал современного депутата», СПб, Инновационно-образовательный центр «Северная столица», газета «Де-

ловой Петербург». 2010. См.: <http://dp.iocenter.ru/c5/files/Thesis.pdf> Просмотрено 15 апреля 2011 г.; Студеникин Н.Г. Технология формирующих фокус-групп: возможности и ограничения // Советник. Апр. 2004 г. См.: http://www.protektgroup.ru/articles/PR_5/p_5.htm Просмотрено 16 апреля 2011 г.

⁶ Студеникин Н.Г. Технология формирующих фокус-групп: возможности и ограничения // Советник. Апр. 2004 г. См.: http://www.protektgroup.ru/articles/PR_5/p_5.htm Просмотрено 16 апр. 2011 г.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Несколько тезисов по поводу статьи И.Т.Касавина «Социальные технологии и научное знание»*

Позиция автора представляется сегодня наиболее «продвину-тым» вариантом расстановки акцентов в исследованиях философской проблематики социальных технологий. Вероятно, главный акцент получил выражение в тезисе о необходимости пересмотра *технократического* истолкования СТ, альтернативой чему выступает подход к социальным технологиям с позиций социального конструктивизма.

1. Вообще СТ-проблематика – это, фактически, введение в оборот новых принципов социального управления. Такая проблематика попадает в область самых уязвимых мест социальной жизни России, которые часто обнаруживают себя как *дисбаланс государственного управления и самоуправления*. Фактически, в отличие от ряда других стран, интеллектуальный ресурс слабо концентрируется в российских государственных структурах. (Просту говоря, нет такого налаженного процесса перманентного «перетекания» кадров из «интеллектуальных» групп гражданского общества во властные структуры и обратно, как, например, в США). В этой ситуации «острое оружие» СТ на всех уровнях власти может служить, в первую очередь, интересам таких субъектов управления, которые, «как сумасшедший с бритвою в руке», скорее опасны, чем продуктивны. Такие субъекты не очень обременены тяжестью «культурных кодов» и перспективными интересами

* Касавин И.Т. Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки, 2010, №4. С. 5–15.

страны. И именно такие субъекты, как показывает история, «инстинктивно» тяготеют к технократическому пониманию и использованию любых социальных инструментов.

2. Безусловно, необходима должная *институционализация* процессов исследования и разработки и применения СТ. Весь вопрос в том, кто и в каких границах эту институционализацию будет обеспечивать. На это автор обращает особое внимание. Государственные властные структуры в России объективно (в первую очередь, финансово) будут «институционализировать» ровно столько, сколько кажется им полезным для укрепления собственных позиций, у которых пока нет реальной оппозиции, если иметь в виду сформировавшиеся структуры в политической сфере и в гражданском обществе. Борьба различных структур и лиц за эксклюзивное внимание к ним со стороны президента и премьера – это не те процессы, которые свидетельствуют о наличии развитых политических и гражданских групп влияния. Есть, правда, возрастающие и непредсказуемые по своим последствиям требования/недовольство населения. Но есть и социальные технологии (в том числе и «грязные»), которые способны держать эти «феномены» в определенных границах, – возможно даже длительное время, учитывая широту шкалы зрелости/незрелости различных социальных слоев.

3. Вопреки упомянутому дисбалансу надежды на институционализацию все же есть. Эти надежды связаны и с общими соображениями: ростки новых институтов неизбежно зарождаются в рамках старых. Эти надежды приобретают и более конкретные очертания в отдельных «актах коммуникации» с держателями властных и финансовых активов. Тут в первую очередь важны стратегические теоретические идеи, детерминирующие общую направленность разработки и практического применения СТ. **В этом плане представляется особенно актуальной и перспективной концентрация внимания статьи на важности теоретического обоснования «мягкого», сбалансированного, органичного социального действия.** Это действие может быть «незаметным», «пусковым» воздействием, которое включает творческий потенциал и самоорганизацию различных социальных акторов. Иначе говоря, помимо прочего, СТ должны приводить к постоянно ускользающему балансу государственного управления и самоуправления.

4. Обращает на себя внимание конструктивная критическая установка автора по поводу ограниченной трактовки отношений «мягких» и «жестких» СТ в западных источниках, а также «СТ управления и управления как такового» в нашей литературе. Эта критика хорошо проецируется на проблематику становления гражданского общества, давая аргументы в пользу более продуктивных субъект–субъектных отношений государства и самоуправляемых структур. К тому же интересна (но и проблематична: *что такое «мягкие» СТ в жестких условиях?*) постановка вопроса о фактическом тождестве «мягких» СТ и СТ вообще. В повседневной практике управления СТ подразумевают серьезное внимание к так называемому «неявному знанию», что упускается из виду при «правильно формализованных» подходах, ведущих, тем не менее, к усилению дисгармонии «управляющих» и «управляемых», – даже в случае реализации «хороших программ» на местном или федеральном уровне.

Попутно еще об одном проблематичном моменте. Как отмечено в статье, СТ фактически совпадают с менеджментом, когда речь идет о частных компаниях в западной литературе. А совпадают ли СТ с менеджментом, когда речь идет не о частных компаниях, а о государственном управлении (например, о «**New Public management**», успешно внедрявшемся в разных странах «с подачи» М.Тетчер)? Кажется, что в западной литературе в связи с любыми проблемами управления также, как правило, действует формула: *СТ = менеджмент = социальное управление* (речь не идет о знаке тождества). Более того, заметно, что такие «философы менеджмента», как Р.Друкер, под менеджментом понимают управление в любых сферах и на любых уровнях социума. Та же трактовка и во многих фундаментальных западных учебниках по менеджменту.

Понятно, что часть вопросов зависит от уточнения терминов, в т.ч. англоязычных, задающих иные принципы членения понятийного блока управленческой проблематики. Например, применительно к государству это: «**Government**» как управление государством, «**Public policy**» как процедура выбора политического курса, «**Public administration**» как деятельность госорганов по реализации курса и т. п., – в отличие от «размазанной» отечественной терминологии. Но существует ли вообще сегодня управленческая проблематика, принципиально не включаемая в современные теории

менеджмента? Представляется, что внимание к социальным технологиям поднимает на новый виток старый спор о соотношении понятий менеджмента и социального управления. Расхожее мнение российских социологов таково: многочисленные теории менеджмента, конечно, важны, но они только «рецепты поваренной книги» (образ использует Ж.Тощенко). А вот «социальное управление» – предмет особой социологической науки «социологии управления», исследующей общие вопросы управления в обществе. Но тогда и возникают вопросы типа «какая же специфика социального управления в отличие от менеджмента?» Конструктивистский подход к СТ-проблематике требует, как минимум, преодоления противопоставления «неких общих» и «частно-конкретных» закономерностей, а также соответствующего уточнения предмета социологии управления и понятия «социальный субъект» в контексте проблем управления.

5. Можно выразить согласие с авторским выводом: «философский анализ СТ вносит вклад в современное переосмысление и конкретную разработку понятия «*социальный субъект*», исключительно важного не только для социальной эпистемологии, но гуманитарных наук вообще». **К этому хочется добавить упоминание об исключительной важности разработки этого понятия для практики социального управления, – практики, которая по ряду ключевых позиций явно отстает от теоретического уровня осмысления проблем современных общественных трансформаций.**

6. Такое отставание имеет и «симметричный минус» – *узкий и замкнутый дискурс научных групп*, продвинувшихся в анализе той или иной проблематики. Похоже, динамика и специфика развития современного «общества знания» такова, что полноценный социальный статус приобретают только те рассуждения, которые доведены до операционально четких формулировок, позволяющих «с лету» принимать решения, – по линии тех же СТ. Иначе говоря, требуется особый и *практически понятный* язык, обязательно включающий диапазон «да – нет» для принятия решений. Это язык «практического знания», «новой науки», «аналитических исследований» (А.И.Ракитов), «социально полезных знаний» (П.Фейерабенд), «социально включенных знаний» и т. п. Преодоление типичных для России барьеров языкового общения власти

и социальных наук – двусторонний процесс. Скорее всего, язык должны модифицировать те группы, которые «умнее». Другие «не догонят». Приходится учитывать, что на стороне власти – «опыт принятия решений». Даже если решения плохие, «опыт» имеет значение самостоятельного и сложного социального навыка. Разработка и применение социальных технологий – фатально-неизбежное пространство конкретного диалога двух заинтересованных сторон (групп «узкого дискурса» и «опыта решений»). Разумеется, в этом контексте правомерно говорить и о конкретных каналах влияния.

7. 16-ти строчное авторское Заключение вообще правомерно рассматривать как назревшее требование методологической «переустановки» программы развития современной российской социологии. Генеральная линия такой переустановки – отказ от парадигмы «наивного реализма», вошедшей «в плоть и кровь» научных исследований и, – особенно, – преподавания социологии (не говоря уже о стереотипах мышления практиков, весьма далеких от восприятия нюансов подобных парадигм, но имеющих определенные преимущества «близости к повседневной реальности»). Автор тактично называет эту парадигму «онтологической предпосылкой познания», согласно которой развитие общества трактуется как «естественноисторический процесс».

Более продуктивной онтологической предпосылкой, – и эту мысль хочется отметить в позитивном ключе, – является «процесс социального конструирования, в котором центральную роль играет коммуникативный дискурс». При таком подходе анализ способов порождения знания дает ключ к пониманию механизмов создания и «переформатирования» социальной реальности в желаемом направлении, учитывая весь спектр глобальных и локальных детерминант современного исторического процесса.

Об авторах

Антоновский Александр Юрьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН **antonovski@hotmail.com**

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН **katerina-vos@mail.ru**

Игнатенко Антонина Сергеевна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН **asignatenko@yandex.ru**

Калюжная Надежда Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и управления социальными процессами Академии труда и социальных отношений **kalyuzhnaya@bk.ru**

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН **iliakassavine@yahoo.com**

Колпаков Владимир Алексеевич – доктор философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН **vladi355@yandex.ru**

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН **kusliy@yandex.ru**

Малявина София Андреевна - аспирантка Института философии РАН, помощник Министра здравоохранения и социального развития РФ **MalyavinaSA@rosminzdrav.ru**

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН **Nikiforov_first@mail.ru**

Орланов Георгий Борисович – кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления социальными процессами Академии труда и социальных отношений **orlanovgb@yandex.ru**

Сафронов Петр Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН **peter.safronov@gmail.com**

Смирнова Наталья Михайловна – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН **zotsmi@gmail.com**

Стебаков Дмитрий Александрович – кандидат философских наук

Труфанова Елена Олеговна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН **eltrufanova@gmail.com**

Содержание

<i>И.Т.Касавин</i>	
Введение. Об эмпирической базе исследования социальных технологий: типологические соображения.....	3
<i>А.Ю.Антоновский</i>	
К системно-коммуникативной интерпретации языковых технологий	9
<i>Е.О.Труфанова</i>	
Социальное конструирование субъекта через призму медийных и сетевых технологий	33
<i>Н.М.Смирнова</i>	
Соотношение жестких и мягких паттернов социального управления: социально-эпистемологический анализ	54
<i>П.А.Сафронов</i>	
Этическая инфраструктура в университете: мягкие социальные технологии.....	73
<i>С.А.Малявина</i>	
Управление пониманием в процессах социального развития: возможные технологические конфигурации	84
<i>И.Т.Касавин, В.А.Колпаков</i>	
О субъектах и социальных технологиях инновационного процесса	98
<i>Д.А.Стебаков</i>	
Особенности социально-гуманитарных технологий с точки зрения психологической науки и практики	115
<i>А.С.Игнатенко</i>	
Социальные технологии и власть-знание.....	127
<i>А.Л.Никифоров</i>	
Язык как инструмент идеологического воздействия	139
<i>Е.В.Вострикова, П.С.Куслий</i>	
Язык как социальный феномен: лингвистическая относительность, конвенции, речевые акты	159
<i>Н.А.Калужная</i>	
Фокус-группа как социальная технология	186
<i>Г.Б.Орланов</i>	
Несколько тезисов по поводу статьи И.Т.Касавина «Социальные технологии и научное знание»	196
Об авторах.....	201

Научное издание

Наука и социальные технологии

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректурa авторов

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 19.07.11.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 13,00. Уч.-изд. л. 10,32. Тираж 500 экз. Заказ № 022.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

ВЫШЛИ В СВЕТ

1. **Артемьева, О.В.** Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. [Текст] / О.В. Артемьева ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 196 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0194-5.

В монографии анализируются основные положения английского этического интеллектуализма на материале учений Ричарда Прайса (1723–1791) и Генри Сиджвика (1838–1900). Этический интеллектуализм Нового времени, будучи прежде всего определенной концепцией морального познания, представлял вместе с тем одну из первых в истории мысли попыток построения философского понятия морали, осмысления морали в единстве ее ключевых характеристик – рациональности, объективности, автономности и универсальности.

2. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова.** – М.: ИФРАН, 2011. – 252 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.

Пятый выпуск ежегодного сборника, подготовленный Сектором биоэтики и гуманитарной экспертизы Института философии РАН, представляет собой результаты исследований сотрудников данного подразделения совместно с учеными из других подразделений и институтов. Авторы представляют широкое тематическое разнообразие в изучении философских аспектов биоэтики и гуманитарной экспертизы. Дается интересный философско-антропологический анализ фундаментальных проблем комплексного изучения человека. Также в сборнике представлено обсуждение моральных проблем, возникающих в практике преподавания, психотерапии и психокоррекции, что является важным дополнением к исследованиям в области биотехнологий, которым традиционно уделяется пристальное внимание сотрудников сектора. Третий раздел сборника посвящен публикациям сотрудников группы виртуалистики.

3. **Голобородько, Д.Б.** Концепции разума в современной французской философии. М.Фуко и Ж.Деррида [Текст] /Д.Б. Голобородько; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 177 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 85–95. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0183-9.

Книга посвящена философско-антропологическому анализу знаменитой полемики о разуме и неразумии. Рассматривается ряд критических подходов к проблеме рациональности во французской философии XX в. Дается обзор критики разума в работах А.Кожева, Ж.Батая, М.Бланшо. Анализируются концепции «археологии знания» (М.Фуко) и «деконструкции» (Ж.Деррида). В центре исследования такие понятия, как «Другой», «безумие», «исключение», «власть», «различие». В приложении помещены переводы ключевых для исследуемой полемики текстов: «*Cogito et histoire de la folie*» Ж.Деррида (публикуется в новом переводе) и «*Mon corps, ce papier, ce feu*» М.Фуко (на русском языке публикуется впервые).

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной философской и политической антропологией.

4. **История философии. № 16 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.И. Блауберг, С.И. Бажов. – М. : ИФРАН, 2011. – 295 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

Данный выпуск журнала содержит главным образом статьи и публикации, в которых освещается малоисследованная проблематика различных этапов историко-философского процесса в России. Наибольшее внимание авторы выпуска уделяют древнерусской философской мысли, а также отечественной философии XIX и XX вв., в том числе концепциям К.Д.Кавелина, В.С.Соловьева, П.И.Новгородцева, Н.О.Лосского. В номере публикуется перевод статьи С.Л.Франка «“Я” и “мы” (к анализу общения)». Здесь также помещено исследование, посвященное одному из эпизодов истории установления интеллектуальных контактов в арабоязычном христианстве XIII в. Выпуск журнала адресован специалистам, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей отечественной и восточной философии.

5. **Келле, В.Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре [Текст] / В.Ж. Келле; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 218 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0191-4.**

«Интеллектуальное и духовное начала в культуре» – последняя работа недавно ушедшего из жизни Владислава Жановича Келле, советского и русского философа, социолога и историка науки, чьи работы (многие из них – в соавторстве с М.Я.Ковальзоном) составили целую эпоху в отечественном общественном знании.

Исследуя структурную неоднородность культуры, автор усматривает наличие интеллектуального и духовного начал в культуре западноевропейского типа. В книге описываются интеллектуальное начало (ветвь) культуры, основанное на субъект-объектном отношении, и духовное начало, воспроизводящее субъект-субъектные отношения в культуре принципиально и отличающееся от интеллектуально-объективных форм сознания. Знание и вера, истина и ценность рассматриваются как частные проявления этих начал.

Часть материалов была опубликована ранее. В книгу они вошли в переработанном виде и в соответствии с ее общей логикой. В приложении представлены материалы, тематика которых примыкает к идеям книги и дает представление об исследовательском кругозоре В.Ж. Келле.

6. **Корзо, М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века [Текст] / М.А. Корзо ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 155 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 1450–154. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0186-0.**

Исследование посвящено анализу системы нравственного богословия церковного деятеля, богослова и педагога второй половины XVII в. Симеона Полоцкого, принадлежавшего к числу приглашенных московским правительством выходцев с православных земель Речи Посполитой, которые получили богословское образование в Киево-Могилянской академии или в иных учебных заведениях, испытывавших сильное влияние системы образования иезуитов. Сочинения авторов этого круга, и в первую очередь Симеона

Полоцкого, положили начало той линии развития русского (московского) православия XVII в., которая формировалась под значительным влиянием католического нравственного богословия.

В книге реконструируются основные источники системы, влияния иных (помимо православной) конфессиональных традиций; выявляются её композиционные и содержательные особенности; на примере заповедей второй скрижали Декалога анализируется предлагаемая богословом программа практического поведения христианина в миру.

7. **Кричевский, А.В.** Абсолютный дух сквозь лики триединства. Сравнительный анализ философско-теологических концепций Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] /А.В. Кричевский; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 237 с.; 20 см. –500 экз. – ISBN 978-5-9540-0184-6.

Книга представляет собой продолжение исследования, основные общеметафизические аспекты которого были проработаны в монографии автора «Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга» (М.: ИФ РАН, 2009). В предлагаемой теперь вниманию читателя новой индивидуальной монографии автор видит свою задачу в том, чтобы провести сравнение концепций Гегеля и позднего Шеллинга прежде всего по следующим основаниям: (1) соотношение диалектики понятия и метафизики свободы в контексте учения о триединстве абсолютного духа; (2) отношение к традиции немецкой философской мистики (продолжение темы, фактически уже начатой в разделе первой книги, посвященном анализу установок спекулятивного символизма); (3) место мира и человека в структуре абсолюта.

Для философов, теологов и всех тех, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и надконфессионального умозрительного богословия.

8. **Кузнецов, М.М.** Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна [Текст] / М.М. Кузнецов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 143 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.

В монографии дается философский анализ новых структур коммуникативного опыта, сложившихся к концу XX – началу XXI вв. в результате бурного развития информационных технологий, исследуется взаимосвязь когнитивной деятельности и коммуникативных практик, а также роль коммуникации в формировании стереотипов поведения и мышления. В центре внимания автора – концепции Т.Адорно и М.Маклюэна, раскрывших в своем творчестве конститутивную роль средств коммуникации в структурировании различных типов ментальности и форм человеческой жизнедеятельности.

9. **Лисеев, И.К.** Философия. Биология. Культура (работы разных лет) [Текст] / И.К. Лисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 316 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0189-1.

В книгу вошли труды И.К.Лисеева по философскому осмыслению современных наук о жизни, написанные им на протяжении почти полувековой исследовательской деятельности в этом направлении.

В этих работах отражается эволюция взглядов ученого, расширение поля его творческих исканий. Представлен ход мыслей автора и его соавторов на протяжении довольно длительного и значимого периода выдвижения биологической проблематики на одно из первых мест в понимании функционирования современной науки и культуры.

Работа может быть интересна как для специалистов по философии биологии, так и для всех, интересующихся философскими проблемами современной науки.

- 10. Лысенко, В.Г. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение текстов) [Текст] / В.Г. Лысенко; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 233 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 226–232. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0185-3.**

Книга состоит из исследовательской части и антологии текстов. В первой главе дается введение в проблематику изучения восприятия в индийской мысли. Главное внимание уделяется полемике буддистских и брахманистских философов по проблеме непосредственности-опосредованности восприятия. Вторая глава знакомит с этой проблемой через анализ учений конкретных школ (сарвастивады/вайшешики, саутрантики, йогачары, вайшешики, ньяи и мимансы) и авторов (Васубандху, Дигнага, Дхармакирти, Ватсьяна, Вачаспати Мишра, Прашастапада, Шридхара и Кумарила Бхатта).

Антология, содержащая фрагменты из сочинений буддийских и брахманистских мыслителей, снабжена примечаниями, поясняющими отдельные термины и трудные места.

- 11. Михайлов, И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Часть 2: 1940–1973 гг. [Текст] / И.А. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2010. – 294 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 256–291. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0178-5.**

Предлагаемая читателю монография – первое отечественное исследование, специально посвященное основателю одного из наиболее влиятельных философских течений современности. Первая книга (Часть 1: 1914–1939 гг.) опубликована в 2008 г. (М., ИФРАН). Вторая часть освещает развитие идей Франкфуртской школы «зрелого» этапа («Диалектика Просвещения», «Инструментальный разум» и др.). Используется материал лекций и посмертно опубликованных семинарских протоколов школы, рецензий и дневниковых записей М.Хоркхаймера, ранее не анализировавшихся в отечественной литературе. Идеи Хоркхаймера представлены в широком контексте философских, социологических, психологических, литературных и политических течений середины XX в., а также в сравнении с теориями его коллег и друзей: Т.Адорно, Л.Левенталя и др.